ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 10 (4764)
5 марта 1980 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 51-й

Переходящее Красное знамя — в ткацком цехе «Трехгорной мануфактуры»

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

СЛАВНЫЕ ДОЧЕРИ РОДИНЫ

В 1910 ГОДУ Вторая Международная женская конференция социалисток установила проведение ежегодного Международного женского дня — 8 Марта. В 1913 году эту инициативу подхватили работницы России, которые помнили русскую революцию 1905 года, злодейский расстрел царем мирных рабочих демонстраций в Петербурге, красный флаг броненосца «Потемкин» и рядом со своими мужьями, братьями, сыновьями поднялись на борьбу за светлое будущее, против самодержавия. «Из опыта всех освободительных движений замечено, — подчеркивал Ленин на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года, — что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины».

Ныне этот праздник в светлый, весенний день отмечает все прогрессивное человечество. День 8 Марта давно стал смотром завоеваний социалистического строя, ярким свидетельством достижений родины Октября, давшей женщине не только равноправие с мужчиной, но и утвержденное Конституцией СССР право на труд, отдых, образование, бесплатное медицинское обслуживание... Право на счастье, право растить и видеть своих детей здоровыми, образованными, которым всем нашим советским укладом жизни суждено радостное, трудовое, творческое будущее.

Мне посчастливилось быть на Саяно-Шушенской ГЭС в особенный день: устанавливалось колесо второго гидроагрегата. Грандиозное, торжественное зрелище! Сотни рабочих ГЭС собрались здесь. Ведут колесо мостовые краны, два великана. В кабине одного из них я вижу молоденькую девушку. И странно, и дивно наблюдать, как подчиняется ее рукам гигантский механизм.

Силу и талантливость женскую я вновь глубоко почувствовала и осознала на Красноярском краевом съезде женщин. Конечно, участвовали в этом форуме передовые, особо отличившиеся трудовыми достижениями женщины, но ведь о высоте гор судят по их вершинам. Рассказывали о своей работе, трудностях и победах председатели колхозов, прославленные доярки, ткачихи, ученые, трактористки, и рисовалась захватывающая, дивная картина их большой, интересной жизни и вдохновенного творчества.

Только что состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, местные Советы народных депутатов. Принимая 3 марта в Кремле удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР, Л. И. Брежнев подчеркнул: «Стало привычным, что выборы за выборами в нашей стране проходят в обстановке полного единодушия. И все же хочу подчеркнуть сплоченность советского народа — явление выдающееся, предмет нашей большой гордости. Партия никогда не почивала на лаврах, никогда не считала, что ее авторитет завоеван раз и навсегда. Поэтому мы стремимся сегодня делать больше, чем вчера, трудиться с большей отдачей сил во имя блага народа».

Выборы явились наглядным свидетельством и того, как велика общественная значимость женщин в нашей стране. Голос цифр неопровержимо в том убеждает. В Верховный Совет РСФСР избрано 35 процентов женщин, УССР — 36 процентов, БССР — 37,1 процента... Не буду перечислять все республики, читателю из газетных сообщений уже известны радующие итоги республиканских выборов, но как не удивляться, не гордиться, узнавая, что, например, в Казахстане, где до революции женщины были сплошь неграмотными, сейчас они составляют в Верховном Совете своей республики 35,7 процента!

Неподалеку от дома, где я живу, расположен не очень большой, но какой-то очень уютный детский сад. Идешь мимо зимним днем и видишь красные, синие, зеленые пальтишки играющих детишек, словно рассыпанные по снегу цветы, и думаешь: ваши матери, дети, трудятся на заводах, фабриках, в больницах, научных учреждениях, школах и не захотят никогда оставить труд, потому что в нем видят смысл и содержание жизни.

Идешь мимо сада и думаешь: ваши бабушки, деды, защищали Родину от нашествия фашистов. Тысячи и тысячи святых женских имен навечно запомнит история Великой Отечественной войны. И сегодня женщины в первых рядах стойких борцов за мир во всем мире!

Низкий поклон и глубокое спасибо говорит советской женщине Родина. И дарит в благодарность многое. Женщины — ученые, академики, поэты, геологи, руководители ответственнейших участков промышленности и сельского хозяйства, крупные партийные деятели, — просто невозможно перечислить все, что дала женщине Советская власть!

В весенний, солнечный мартовский день советские женщины шлют горячий привет всем передовым женщинам мира и говорят родной Советской власти спасибо!

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

● *ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА*
На вопросы «ЛГ» отвечают: Лариса Васильева, Наталья Дурова, Агния Кузнецова, Татьяна Маврина и Ирина Полпаевская. **стр. 3**

● *Стихи Татьяны Кузовлевой, Нино Кутателадзе, Нигяр Рафибейли. Новое имя: Мария Аввакумова* **стр. 7**

● *ТРИ ПОЭТИЧЕСКИХ ЭПИГРАФА К ПРАЗДНИЧНОЙ РУБРИКЕ*
— Мой труд вливается в труд моей республики...
— Есть женщины в русских селеньях...
— Пусть всегда будет мама... **стр. 10–11**

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ПЯТИЛЕТКИ

За достижение высоких результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании коллектив Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского награжден переходящим Красным Знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР.

Продолжая социалистическое соревнование за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, более пятисот тружеников «Трехгорной мануфактуры» обязались выполнить к 22 апреля задание десятой пятилетки.

Среди ударников коммунистического труда комбината — ткачиха пятого разряда комсомолка Татьяна Петрова. Недавно ее избрали депутатом Краснопресненского районного Совета народных депутатов.

Фото Т. БАЖЕНОВА и В. БОГДАНОВА

ПРОЧНЫЕ УЗЫ ДРУЖБЫ

В нашей стране с большим успехом проходили Дни культуры ЧССР, посвященные 35-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков. В составе многочисленной делегации деятелей культуры и искусства находилась и группа писателей — Я. Козак, М. Крно, К. Боушек, Л. Лукнар, Ю. Падо, Я. Пиларж, М. Роман, В. Трапл, П. Францоуз.

Чехословацкие писатели встречались с советскими читателями, которые знают и любят литературу братской страны. В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева была развернута выставка произведений классиков и современных чешских и словацких авторов. Яркая, красочная экспозиция, рассказывающая о деятельности многих издательств ЧССР, с большой убедительностью еще раз продемонстрировала деловой, дружеский характер связей между нашими издательствами, творческие братские взаимоотношения наших литератур.

27 февраля в Союзе писателей СССР первый секретарь правления СП СССР Г. Марков и председатель Союза чехословацких писателей Я. Козак подписали план сотрудничества между Союзом писателей СССР и Союзом чехословацких писателей на 1980 год.

— Мы подписываем этот документ в год, когда наши народы отмечают знаменательную дату — 35-летие Победы над фашизмом, — сказал Г. Марков. — В эти дни у нас проходят Дни культуры ЧССР. Наша печать, радио, телевидение широко информируют читателей, слушателей, зрителей об этом замечательном празднике культуры братской страны. Приезд коллег по перу — поэтов, прозаиков, драматургов Чехии и Словакии — особенно радует нас, давних и верных друзей чехословацкой литературы.

В ответном слове Я. Козак подчеркнул, что именно в эти дни чехословацкий народ отмечает 32-ю годовщину славных февральских событий 1948 года, когда трудящиеся Чехословакии одержали историческую победу над реакцией.

— Мы подписываем это соглашение в олимпийском году, и, пользуясь спортивной терминологией, я хотел бы сказать, что эти планы, подобно эстафете, символизируют единую цель наших стремлений — сделать достижения культуры, искусства достоянием наших народов, — заявил Я. Козак.

План охватывает творческие и организационные стороны деятельности писательских организаций СССР и ЧССР.

Многочисленные поездки литераторов с творческими целями для сбора материалов к новым произведениям, их участие в Днях литературы, проводимых у нас и в ЧССР, в юбилеях и симпозиумах убедительно свидетельствуют, что деловые контакты между писателями братских стран крепнут и углубляются.

При подписании плана присутствовали секретари правления СП СССР А. Ананьев, Ю. Верченко, Р. Казакова, В. Озеров, О. Шестинский, делегация чехословацких писателей, прибывшая в нашу страну, и первый секретарь посольства ЧССР в СССР Г. Стопка.

При подписании присутствовал также заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляев.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Абрамова Ф. А. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Абрамова Федора Александровича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА. КРЕМЛЬ.
28 февраля 1980 г.

●

В Ленинграде в Доме писателя имени В. В. Маяковского состоялся вечер, посвященный 60-летию Ф. Абрамова. Открыл его первый секретарь правления Ленинградской писательской организации А. Чепуров. Слово о юбиляре произнес В. Солоухин.

Поздравляя Ф. Абрамова с юбилеем и награждением орденом Ленина, председатель правления СП РСФСР С. Михалков сказал:

— Писатель не может пребывать в состоянии безмятежного покоя. Он всегда живет радостями и горестями своего народа, не проходит мимо проявления равнодушия, несправедливости, духовного приспособленчества. Все это приобретает особый смысл, когда мы говорим о творчестве Ф. Абрамова.

На вечере выступили В. Белов, В. Карпов, Ф. Кузнецов, Д. Лихачев, Ал. Михайлов, Б. Панкин, Д. Хренков и другие. В юбилейном торжестве принял участие секретарь Ленинградского обкома КПСС В. Г. Захаров.

Наш корр.

ЛЕНИНГРАД

На снимке: председатель Союза чехословацких писателей Ян Козак дает автографы советским читателям.

Фото В. КРОХИНА

НОМЕР ВЫШЕЛ В СВЕТ

ПОСВЯЩАЕТСЯ СИБИРИ

Вышел из печати мартовский номер журнала «Советская литература» на иностранных языках. На титуле читаем: «Этот номер журнала посвящен литературе и искусству Советской Сибири».

Здесь представлены рассказы и отрывки из романов известных наших прозаиков, для которых Сибирь является землей отчей, — В. Астафьева, А. Вальбурова, Софрона Данилова, С. Залыгина, А. Иванова, А. Коптелова, С. Курилова, Г. Маркова, В. Распутина, С. Сартакова, В. Шугаева. Публикует «Советская литература» и произведения безвременно ушедших сибирских писателей В. Шукшина и А. Вампилова.

В журнале помещены стихи поэтов-сибиряков Семена Данилова, К. Лисовского, С. Маркова, Л. Мартынова, Л. Решетникова, М. Сергеева, А. Смердова, Е. Стюарт и многих других. Очерки, напечатанные в мартовском номере, рассказывают о людях сегодняшней Сибири, об их труде на БАМе и в алмазном Мирном, на нефтяных просторах Тюменщины и на строительстве гигантских ГЭС. Раздел литературной критики дает читателю представление о литературной жизни современной Сибири. Невелики по объему, но интересны материалы зарубежного отдела, в которых писатели многих стран, побывавшие в Сибири, делятся своими впечатлениями о том, что поразило их в жизни этого края. В разделе «Искусство» журнал публикует рассказ кинорежиссера А. Михалкова-Кончаловского о его работе над кинороманом «Сибириада», знакомит читателя с музейными коллекциями Сибири, с самобытной деревянной архитектурой края.

Номер богато иллюстрирован. Здесь помещены репродукции полотен, представленных на прошлогодней выставке «Мы строим БАМ», графика художников-сибиряков, цветная карта-схема Сибири. На обложке — репродукция картины Ю. Ракши «Разговор о будущем».

Кроме того, на страницах журнала нашла место и небольшая, но насыщенная информацией справка «Экономика и география Сибири».

На соискание Ленинской премии

ОБСУЖДАЕМ
Поэмы Егора Исаева «Суд памяти» и «Даль памяти» **стр. 2**

Документально-публицистическую киноэпопею «Великая Отечественная»
Работы Игоря Ильинского на телевидении **стр. 8**

КОНКУРСЫ

ГЕРОЙ И ВРЕМЯ

Под таким девизом коллегия Министерства культуры СССР, секретариат правления СП СССР и президиум ВТО учредили постоянно действующий (начиная с 1980 года) Всесоюзный конкурс. Сегодня по просьбе нашего корреспондента Т. Славиной об этом конкурсе рассказывает заместитель министра культуры СССР Г. А. ИВАНОВ.

— В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» ответственные задачи выдвинуты перед учреждениями культуры и искусства, перед всеми творческими союзами. Это постановление четко намечает основные цели, стоящие перед всеми творческими организациями, театрами страны, — создание достойного нашего великого времени репертуара, где бы нашел высокохудожественное отображение образ нового человека, с его мыслями, делами, поступками. Конкурс, в самом названии которого «Герой и время» уже определена основная направленность, и должен способствовать осуществлению этой задачи.

Объявляя постоянно действующий конкурс с двухлетним циклом подведения итогов, мы стремимся привлечь к участию в нем всех тех драматургов, которым есть что сказать, которые зорко всматриваются в жизнь и могут интересно осмысливать процесс этой жизни. Театр интересуют пьесы широкого — по времени, по охвату событий — диапазона: от исторического прошлого Родины до ее сегодняшнего дня.

Важная задача нашего конкурса — это «прицел» на молодого зрителя, на подрастающее поколение. Поэтому особое внимание драматургам следует уделять художественному осмыслению великого революционного наследия нашей страны. Речь в первую очередь идет о дальнейшем развитии и обогащении сценической Ленинианы. Воссоздание образа гениального вождя, его соратников, выдающихся деятелей партии — задача серьезная и ответственная. Ведь именно в этих образах сконцентрированы лучшие черты всего народа. Они должны быть сохранены и как эстафета переданы новым поколениям борцов.

Большое значение в проведении конкурса мы придаем военно-патриотической теме, показу тесной связи армии и народа, героических будней наших воинов, осваивающих новую технику, несущих ежедневно боевую вахту по охране мира на земле. В пьесах на такую тему важно отразить единство мирных устремлений, созидательных свершений и боевой готовности нашей армии, вдохновляемой Коммунистической партией.

Но, конечно же, самое важное — это произведения о современности. Здесь в первую очередь нас интересует тот раздел драматургии, который принято называть производственной темой. Но я бы сказал, что такое рабочее, повседневное определение не совсем верно выражает суть проблемы. А суть производственной темы в том, что это тема гражданственная, тема активной позиции человека в обществе. Поэтому задача художественного исследования явлений современной жизни, которые выдвинуты на повестку дня периодом построения общества развитого социализма, эпохой научно-технической революции, освоения космоса, ускоренного развития отраслей народного хозяйства, особенно важна. Нам нужны пьесы, где современная тематика освещалась бы знающим, по-хорошему пристрастным, заинтересованным автором.

Итак, основной акцент в нашем конкурсе будет сделан на современной теме, на отражении жизни нашей страны. Но это не умаляет значения всех других, в том числе и международной, в которой должно доминировать художественное отображение роли СССР как оплота мира во всем мире. Здесь важен показ героической борьбы народов многих стран за независимость, за свободу, за более справедливое социальное устройство. Эта тема сейчас не сходит со страниц газет, журналов, с экранов телевизоров. Она должна найти яркое воплощение и в драматургии.

Мы надеемся, что в результате конкурса «Герой и время» репертуар театров страны пополнится новыми, интересными, значительными пьесами. Это приведет к дальнейшему повышению идейно-художественного уровня театрального искусства и одновременно явится ощутимым, весомым свидетельством подготовки наших театров, наших драматургов к такому громадной важности событию, как XXVI съезд КПСС.

ВАРШАВА, ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья и коллеги!

Советские писатели вместе с вами разделяют тяжелую утрату — кончину на 87-м году жизни выдающегося писателя современного мира, крупнейшего художника социалистической Польши, одного из самых замечательных мастеров слова XX века, старейшего депутата сейма Польской Народной Республики, председателя президиума главного правления Союза польских писателей, искреннего и большого друга советской литературы Ярослава Ивашкевича.

Велик и многогранен вклад Ярослава Ивашкевича во все области литературной и общественно-культурной жизни современной Польши. Разносторонне одаренный человек, Ярослав Ивашкевич был прекрасным поэтом, прозаиком, драматургом, критиком, публицистом, музыковедом, великолепным переводчиком. Его перу принадлежат талантливые переводы произведений многих русских классиков, в том числе Льва Толстого, Антона Чехова и Ивана Бунина.

Произведения Ярослава Ивашкевича, известные во многих странах мира, особенно большой популярностью пользуются в Советском Союзе. Знаменитая трилогия «Хвала и слава», великолепные новеллы и стихи переведены на многие языки народов СССР и высоко ценятся многомиллионной читательской аудиторией.

Выдающийся общественный деятель, Ярослав Ивашкевич в течение многих лет являлся председателем Всепольского комитета мира, был членом Всемирного Совета Мира. Эта его благородная деятельность снискала ему глубокое уважение и признательность всех, кому дороги идеалы мира, сотрудничества и дружбы между народами, была по достоинству оценена присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», советским орденом Дружбы народов.

Огромны личные заслуги Ярослава Ивашкевича в развитии дружеских взаимоотношений между Союзом писателей СССР и Союзом польских писателей, в укреплении братской дружбы и сотрудничества между народами Польши и Советского Союза.

Жизнь и творчество Ярослава Ивашкевича — яркий пример беззаветного служения своему народу, делу социализма, мира, дружбы и сотрудничества между всеми народами.

Светлая память о Ярославе Ивашкевиче навсегда сохранится в наших сердцах.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВРЕМЯ И КНИГА

ШТРИХИ ЛЕТОПИСИ НАШИХ ДНЕЙ

КРИТИК РАЗМЫШЛЯЕТ О ПЯТОМ ВЫПУСКЕ ЕЖЕГОДНИКА «ШАГИ»

- **НА КОМ ДЕРЖАВА ДЕРЖИТСЯ**
- **ПОЛЕ, РУССКОЕ ПОЛЕ...**
- **ЦИФРА ИЛИ АНАЛИЗ!**
- **СЛОВО И ЕГО ДЕЙСТВЕННОСТЬ**

К «ШАГАМ» начинают привыкать. В том добром смысле, в каком, скажем, давно привыкли к такому повременному изданию, как «День поэзии». Когда «День поэзии» появился впервые в 1956 году — на отличной бумаге, необычно большого, почти громадного формата, праздничный, не похожий ни на одно другое издание стихов и статей, — то казалось, что это приятный и неожиданный подарок для любителей поэзии и, как всякий сюрприз, неповторяющийся. Но вот, поперваначалу с некоторыми заминками и неустройствами (второй выпуск был тощим и бедноватым), он-таки превратился в устойчивый ежегодник, которого читатель, лишь наступает осень, ждет как твердо обещанного, и теперь двадцать четыре выпуска «Дня поэзии» — это уже нечто серьезное.

Говорю это к тому, что ежегодник «Шаги», начавший свое существование много позже «Дня поэзии», с несомненной оглядкой на него и оттого более уверенный, самостоятельный, сразу обретший свое лицо, имеет все шансы стать летописью наших дней. В широком понимании — и тех, что были и есть, и тех, что будут.

В самом названии «Шаги» — естественном, простом и, кстати, очень удачном — уже предполагаются неодноразовость, движение, путь. Не просто шаги, а шаги истории. Не просто документалистика, фиксация происшедшего, «фотоглаз», а скорее «киноглаз», когда можно по движению волн понять, куда они катятся. Сборник к сборнику — и вот уже пятый выпуск «Шагов», и, наверное, если взять их сейчас разом и прочесть один за другим, мы ощутим, как меняется время, хотя для истории пять лет — срок небольшой.

Я пишу «история», «для истории» вовсе не для пафоса или красного словца, а чтобы подчеркнуть значение такого ежегодника, как «Шаги». Не знаю, как его задумывали. Как ежегодник лучшего в нашей очеркистике и публицистике? Возможно. Но уже раньше, наряду с перепечаткой в самом деле наиболее ярких произведений этого толка, появившихся в других журналах и изданиях, составители стали организовывать и свои материалы. Так появился раздел «СЭВ: люди, свершения, будни», по правде говоря, не самый впечатляющий, и об этом я скажу ниже. Но появился. Значит, посчитали, что нужен. Ради полноты общей панорамы нашей жизни последних лет, когда все, что связано с социалистической экономической интеграцией, и не только экономической, приобретает все большее и большее значение.

Составители чувствуют шаги времени, по крайней мере стараются услышать их и ладятся в такт им. И в этом смысле отличным началом ко всему выпуску стала теперь уже всеизвестная третья часть трилогии Л. И. Брежнева «Целина», где история и современность сливаются плотно и нерасторжимо, опыт прежних лет предстает как нынешнее необходимое знание и руководство к действию, где рассказ о героической истории более чем двадцатилетней давности обрел все особенности нужнейшего и своевременнейшего произведения, воспитательное значение которого огромно.

Как бы в одну кильватерную линию к этому флагману стремятся встать все остальные материалы ежегодника. И в них прежде всего дело, народное благо во всех его ипостасях — от хозяйственных успехов до заботы о нравственности души человеческой, короче, о том, чтобы нам жилось лучше и сами мы были достойными людьми.

Обилием и разнообразием своих материалов ежегодник охватил все основные сферы нашей хозяйственной и культурной жизни. Не отдавая каждой из них как бы вежливо-обязательную дань, напротив, рисуя художнически-страстно и портреты замечательных людей и ставя коренные проблемы индустриального развития страны. «Полтора десятка лет это был небольшой убыточный завод. Он возник из двух машиностроительных цехов Ждановского металлургического завода имени Ильича. Сегодня он догнал по объемам производства и численности работающих «Уралмаш» — не правда ли, как интригующе начинается очерк Александра Радова «Школа Карпова»? Да может ли такое быть: за полтора года, начав чуть ли не из небытия, догнать не что-нибудь, а прославленный «Уралмаш»? И очерк уже невозможно не прочесть. При этом в нем меньше всего славословий — как раз они быстренько и пригасили бы интерес к необычному, но по-своему типичному для нынешнего промышленного века факту. «Школа Карпова» — это школа современного управления предприятием, сложнейшая наука, которую автор излагает, создавая при том привлекательный образ нынешнего руководителя крупного предприятия.

А в очерке Бориса Прохорова «Зодчие кораблей» мы увидим уже рабочих. Высокой марки. Ярко выраженной трудовой и общественной жилки. Тот нынешний советский рабочий класс, на котором держится наша индустриальная держава. Очерк хорош уже тем, что автор пишет о человеке, слесаре-сборщике Петре Валове, которого знает пятнадцать лет. Множество встреч, самых разных. Фактически давняя дружба писателя-журналиста с умным бригадиром, тоже по-своему человекознатцем. Эта дружба и позволяет Прохорову писать естественно, нигде не приподнимая своего героя и в то же время давая нам понять: личность.

Из таких очерков складывается пусть не полная, но живая и ясная картина жизни могучей нашей индустрии. Не только со своими успехами, но и с острыми вопросами, порой неполадками, в иных случаях неудачами. «Шаги» любят широкозахватный, проблемный очерк. Это заметно.

Не случайно поэтому ведущее место в сборнике заняли два раздела «Я и мы» и «Проблемы и суждения». Они составляют основной массив «Шагов», и именно в них помещены особенно интересные материалы. Есть очерки и статьи первоклассные: «Пути-дороги» Василия Белова, «Про картошку» Юрия Черниченко, «Пашня живая и мертвая» Федора Абрамова и Антонина Чистякова. Здесь острота жизненных фактов, острота прямо-таки разящая — вся от гражданской боли за увиденное, от желания поправить дела.

«Моя маленькая деревушка Тимониха находится в середине необъятной зоны, в ста километрах к западу от строящейся трассы. И если 317 километров до Данилова пролетают, как сон, то остальные 300 словно бы начинают растягиваться». Растягиваются так: «...Словно в насмешку торчит на дороге ограничительный знак: скорость не должна превышать 45 километров. Какие уж тут «45», если обратные шестьдесят три километра до райцентра я ехал ровно полсуток...» Это Белов. Увы, о наших дорогах.

«В «Суворовском» не оказалось сил возродить ни одной брошенной полоски земли. Горше того, мы узнали, что к тем семистам списанным гектарам за эти семь лет (авторы были в этих местах семь лет назад, о чем они подробно и пишут в очерке. — А. К.) прибавилось еще пятьсот пятьдесят пять». Это Абрамов с Чистяковым. О судьбе пашни в нашем Нечерноземье. «Нет сейчас более острой и трудной проблемы, чем проблема возрождения русского поля», — заявляют они. Серьезно сказано. И подтверждено неотразимыми фактами. И еще пронизано той личной страстью, какая «доводит» эти факты не только до ума, но и до сердца, то есть многократно увеличивает силу их воздействия.

Известно, что хороший очерк — по сути своей исследование: если не характера, то ситуации, если не ситуации, то проблемы, в я целом того, что важно для общества, что насущно не терпит отлагательства, что надо решать, делать. В этом отношении показателен очерк Юрия Черниченко «Про картошку», еще при появлении своем в «Нашем современнике» вызвавший немало разговоров. Это глубокое исследование важнейшей экономической проблемы (картофель для страны!), проведенное с таким знанием и всесторонностью и с таким обилием практических рекомендаций, какое, по-моему, вообще впервые проведено у нас. И не в рамках ВАСХНИЛ, учеными, а одним писателем. Мы любим говорить о вторжении писателя в жизнь. Вот подлинный пример вторжения! И вместе с тем это литература, произведение без каких-либо скидок художественное, хотя в то же время нельзя назвать его, скажем, чтением. Какое там чтение, когда порой тебя охватывает оторопь (ну как же такое делается!), а то ты горячо соглашаешься (да-да, именно так и надо поступать!), а то как бы присутствуешь при бескомпромиссном споре (очном или заочном — неважно) двух типов хозяйственных руководителей, который впору на сцену выводить: хозяйственная проблема становится драматическим узлом, столкновением и позиций, и характеров.

Это и есть жизнь во всей ее полноте и сложности, противоречивости. Юрий Черниченко четко видит: многое еще худо. Он твердо верит: можно и должно изменить к лучшему, и уже во многих местах происходит эта благодетельная перемена — и с селекцией картофеля, и с агротехникой, и не в последнюю очередь просто с техникой, с теми же картофелесажалками и копалками, и со многим другим, что связано с производством важнейшего продукта.

Но уповать на то, что эти перемены станут происходить сами собой и повсеместно, никак нельзя. И тут хочется поставить вопрос, имеющий отношение не только к «Шагам», но и ко многим другим журнальным, книжным, «альманашным» и прочим публикациям, имеющим прямое отношение к реальной жизни, реальным людям и жгучим проблемам. При чтении в «Шагах» того же Белова, Абрамова и Чистякова (продолжу список — Висвалда Лама «Мастеровой на ВЭФе», Бориса Можаева «Мещерские умельцы», Галины Бискэ «Сохранить Онего», Отахона Латифи «От моря до поля» и ряда других) меня как читателя все время не оставляла очень резонная и более чем естественная мысль: а что делается и есть ли вообще чья-либо реакция на то, что я теперь читаю вот сейчас, а читаю ведь написанное год, два, а то и три назад. Какая реакция? Что сделано, если сделано? Ведь каждый из написавших поставил вопросы не мелкие, не пустячные, а как тот же Черниченко, чуть ли не глобальные, волнующие жителей обширнейших регионов. А что дальше? Что после статей?

Хорошо, что очерк Василия Белова опубликован в «Правде», тут я не сомневаюсь: многие организации и ведомства прочитали и, уверен, что-то сделали или делают. Не спешу с ожиданиями, знаю, что дорогами в нашей огромной стране мы будем заниматься не одно десятилетие. Но прочитали, обсуждали, выносили решения, и, надеюсь, дело подвигается. Нисколько не сомневаюсь, что немедленные меры были приняты по острому очерку Алевтины Левиной «Местами небольшие дожди»: он появился впервые в «Комсомольской правде». А вот что с картошкой, о которой так взволнованно, умно и, не побоюсь этого слова, государственно рассказал нам Черниченко? Кто отозвался на этот очерк?

За всю свою довольно долгую работу в литературных журналах я припоминаю лишь один очерк — Гавриила Троепольского «О реках, почвах и прочем», напечатанный в «Новом мире» в 1965 году, по поводу которого были приняты специальные меры в масштабах Российской Федерации. Но ведь и круговерть вокруг этого очерка поднялась такая, что Гавриил Николаевич мог бы о ней одной написать еще такой же и не менее проблемный очерк. Было поставлено все на свои места, авторитетное решение отнюдь не осталось на бумаге, многое потом было сделано.

Но это исключение. Журнальные, а следовательно, в основном писательские выступления, к сожалению, у нас чаще всего воспринимаются как романы и повести: имеющий прямое касательство к теме прочитал, может, и взволновался, но к исполнению... Да это же литература! И я не знаю, что с очерком «Про картошку», где и какие умы судили о нем. В отличие от газет журналы у нас о действенности такого рода материалов не сообщают. А что если бы взяли на себя ответственность за это «Шаги», перепечатывающие лучшие материалы спустя год и больше после их выхода к читателю? В какой форме — надо подумать.

Понятно, что наша лучшая очеркистика и публицистика не ограничиваются одной хозяйственной практикой, и я об этом отчасти сказал. В наше время повышенного интереса к вопросам нравственного воспитания очерки на эту неисчислимую по своему разнообразию проблематику пользуются особым вниманием. И читатель «Шагов» тоже не пройдет мимо таких очерков, как «Налог на добродетель» Леонида Лиходеева, «Искусство убеждать» Мариэтты Шагинян, «Храбрая трусость» Леонида Жуховицкого или «Изгнание из рая, или Конфликт в трех измерениях» Эдуарда Дубровского (между прочим, тоже если не пьеса, то почти готовый киносценарий с таким исследованием ситуации, создавшейся в одном НИИ, и с такими разными и типичными характерами, что опять-таки неплохо бы это увидеть, а не только прочесть). И, конечно, сюда тесно примыкает раздел «Портреты и силуэты» — о деятелях науки, культуры, производства. Пишущим хорошо известно, что такие портреты даются нисколько не легче, а то и труднее, чем очерк проблемный: всегда опасность — как бы не впасть в мажор и умиление, не потерять за пафосом сложности, а то и противоречивости характера. Одним словом, трудная материя. Но надо отдать должное авторам «Шагов»: некоторые портреты, например «Процент удачи» Валерия Осипова о геологе Юрии Эрвье или «Актриса» Иона Друцэ о Любови Добржанской написаны с блеском. О воспитательной роли подобных очерков нечего и говорить, о читательском наслаждении — тоже.

Похуже, как мне кажется, в «Шагах» с собственно публицистикой: она суше, риторичнее, эмоционально беднее и однокрасочнее, хотя заметно, что авторы изо всех сил стараются повкуснее, «поконфетнее» подать свои мысли и впечатления. В качестве примера приведу только один материал, и притом лучший, — «В болгарском селе...» Леонида Иванова. Аттестовать автора нет никакой необходимости: отличный знаток нашего сельского хозяйства. Но в упомянутом очерке множество цифири, множество блокнотных записей, тотчас же переведенных в публикацию, и недостает присущей Леониду Иванову основательности в анализе.

И явно не соответствуют уровню современного очерка и публицистики ее осмысление в разделе «Очерк и очеркисты». Александр Бененсон в статье «...Писать историю современности» (по страницам библиотеки «Писатель и время») даже и не пробует поставить вынесенную в заголовок задачу. Получился скорее отчет о существующей не один год серии книг, выпускаемых издательством «Советская Россия». Кажется, перечислено все, что вышло, десятки имен и названий. Какое уж тут осмысление! В отличие от Бененсона, Виктор Богданов намеревался понять житье-бытье нынешнего очерка, но явно увяз в общетеоретических банальностях. «Для искусства изображение типического всегда является самодовлеющей задачей, для науки — нет». Или еще: «Быть и оставаться разведчиком нового — наиболее плодотворная тенденция в развитии современной очерково-публицистической литературы». Кто этого не знает? Исключение составляет статья-воспоминание Константина Симонова «История одного киноинтервью», но какое отношение она имеет к очерку и очеркистам, мне не очень ясно.

Выпуск велик — почти пятьдесят печатных листов, громаден на вид и даже тяжел на вес. Думали ли издатели и составители, что мало соответствующий летучему очерку и стремительно атакующей публицистике фолиантный формат в какой-то мере сказывается и на тираже сборника (тираж по нынешним временам мизерный — 10 000)?

Всего в небольшом обзоре не объять. Но основное, по-видимому, ясно каждому, кто ознакомился с очередным, пятым выпуском, — дело делается нужное, верное. «Шаги» слышны, а то, что поступь может быть и тверже, так это придет.

А. КОНДРАТОВИЧ

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

В воскресенье, 2 марта, пришла из Варшавы горестная весть о смерти Ярослава Ивашкевича — писателя, которого еще при жизни заслуженно называли классиком.

Мы разделяем скорбь польского народа по поводу этой тяжелой потери, потому что всегда видели в лице Ярослава Ивашкевича живое воплощение дружбы наших культур. Той освященной именами Пушкина и Мицкевича дружбы, которая ныне плодотворно развивается на качественно новой основе.

Детство и юность писателя протекали на Украине, он учился в Киевском университете. С молодых лет полюбил русскую литературу, традиции мастеров которой были ему — по собственному признанию — столь же близки, как и традиции польской классики.

Ивашкевич был (я пишу «был», но очень трудно смириться с тем, что его уже нет) писателем универсального дарования: равно значителен его вклад в прозу и поэзию современной Польши; он с успехом выступал также как драматург и публицист, критик и переводчик, историк культуры и музыковед.

Нас всех поражал не только широчайший диапазон его знаний, но и высокий накал творческого горения. И в восемьдесят с лишним лет энергия его была поистине неисчерпаемой: на свет появлялись все новые и новые произведения Ивашкевича. Не знало усталости его десятилетиями оттачивавшееся перо, не тускнел блеск мастерства. Напротив, каждая очередная книга знакомила нас с «новым» Ивашкевичем, открывала нам дотоле неведомые грани его крупного таланта.

У Ивашкевича и его книг много друзей не только в Москве, Киеве, но также в других городах и селах Советского Союза. Произведения его давно завоевали большой успех у наших читателей. Неоднократно издавалась в нашей стране монументальная трилогия писателя «Хвала и слава», переводились исторический роман «Красные щиты» и жизнеописание Шопена, публиковались сборники стихов, повестей и рассказов, ставились в театрах его пьесы. Скоро выйдет из печати заключительный — восьмой — том собрания его сочинений, выпускаемого на русском языке. Дорогому Ярославу не суждено уже подержать в руках этот том, но предыдущим он успел порадоваться.

Мне довелось нередко встречаться с Ивашкевичем в Москве и Варшаве, бывал я и в его гостеприимном доме в Стависко. Вспоминается одна из последних наших встреч осенью 1977 года во время проведения Дней советской литературы в Польше, которые он открывал и которые вылились в яркий праздник братства литератур наших стран.

Напряженную творческую работу Ярослав Ивашкевич неизменно сочетал с громадным размахом общественной деятельности в сейме Польской Народной Республики, во Всемирном Совете Мира. Ему была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Свыше двадцати лет возглавлял он Союз польских писателей, редактировал журнал «Твурчость».

Необыкновенно привлекательны были и чисто человеческие черты создателя «Хвалы и славы». Он пленял собеседника остротой ума и беспредельной эрудицией, естественностью манер и скромностью поведения, щедростью души, умел заражать своим энтузиазмом. С каким увлечением, например, рассказывал он о своей грандиозной библиотеке, где было много русских книг и которая была подлинной страстью всей его жизни!

В последние годы Ивашкевич часто обращался к образу сада. «Сады» — так и назывались его эссе автобиографического характера. А в стихотворении «Старый сад» он писал:

Старый сад
превращается в юный.
В поэте
И в художника тени узнаю
былого.
Пусть забвенья на них
ледяные оковы,
Но мечтают они и смеются,
как дети...

Ярослав Ивашкевич — истинный поэт — тоже мечтал и смеялся, как дети.

Сегодня, навсегда прощаясь (вместо привычного «До свидания!») с этим глубоким художником и мыслителем, хочется выразить твердую уверенность, что взращенному им неповторимому саду книг не суждено испытать холод забвения — столько в них вложено таланта, мудрости, сердечного жара, любви к человеку.

Георгий МАРКОВ

На соискание Ленинской премии

«И ДАЛЬ СОМКНЕТСЯ С ДАЛЬЮ»

О поэмах Егора Исаева

В ПОСЛЕДНЕЕ время нередко можно услышать, что все умеют писать, по крайней мере грамотно. Но от умения писать до умения поэтически мыслить — расстояние огромное.

Может быть, покажется странным то, что я скажу, но мыслящих поэтов — в полном смысле этого слова — не так уж и много. В иных стихотворных произведениях проявляется то, что Николай Асеев в свое время называл «снизить песню в ремесленный навык».

Дилогия Егора Исаева «Суд памяти» и «Даль памяти» — это поэзия именно поэтического мышления, глубочайшего обобщения именно тех самых сложнейших вопросов, которые, уходя корнями в прошлое, упираются своей кроной в будущее. Как говорит сам поэт: «И даль сомкнется с далью».

Книга Е. Исаева «Жизнь прожить...» как бы вобрала в себя, творчески претворила и продолжила опыт советского поэтического эпоса 50—60-х годов. Тогда возникли лучшие образцы социально-философского эпоса этих лет: «Середина века» В. Луговского и трилогия И. Сельвинского «Россия», «За далью — даль» А. Твардовского и «Строгая любовь» Я. Смелякова. А среди новых имен — книга поэм Вас. Федорова «Белая роща» и «Суд памяти» Е. Исаева.

Сейчас во всем объеме предстает перед нами творческий замысел автора книги «Жизнь прожить...». Не случайно в ней новая поэма «Даль памяти» поставлена впереди прежней, уже широко известной.

Хронологии творческого процесса автор предпочел хронологию исторического мышления. «Даль памяти» призвана объяснить исторические истоки победы советского народа над фашизмом. «Суд памяти» вскрывает природу фашизма, его истоки.

Лицом к лицу столкнулись две полярно противоположные идеологии, которые в плане психологическом представляют собой столкновение ответственности перед историей с безответственностью перед ней.

«Суд памяти» — поэма, вызвавшая огромный интерес у читателей и критики. Именно потому, что, отталкиваясь от реалий времени, поэт сумел подняться до осознания его сущностных процессов. Е. Исаев поставил перед собой задачу: понять истоки второй мировой войны, осмыслить, как формировалось сознание убийц человечества. И надо отдать должное поэту — он сумел понять психологические основы фашистской идеологии и возросшего на этой основе «нового порядка».

Но размах поэмы шире. Это не только поэма антифашистская, это поэма антивоенная вообще. Она показывает, насколько война чужда сущности и смыслу человеческого бытия.

И вот перед нами новая поэма Е. Исаева — «Даль памяти».

Не может не вызвать глубокого уважения то обстоятельство, что в течение многих лет поэт оставался верен своей теме, не поддавался легким соблазнам, не старался угодить модным вкусам. Поэт как будто бы помнил слова Данте, которые были любимой поговоркой К. Маркса: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»

Дилогия Е. Исаева, взятая как целое, — образец целеустремленной работы художника, не отклоняющегося в сторону от того, что он считает своей творческой сверхзадачей.

Название дилогии «Жизнь прожить...» идет от известного присловья и говорит о трудности, сложности, ответственности человеческого бытия. Она явилась ко времени: каждый должен осмыслить наше историческое бытие, свое место в нем.

«Даль памяти» — это поэма не о войне, а о мире. Она названа «Даль памяти» потому, что поэт ушел в глубь исторического времени для того, чтобы понять время, в котором он живет.

Это поэма о Родине — о первом дыхании, которое длится всю жизнь, об испытаниях, перенесенных народом во имя великой цели. О том, что Россия выстрадала революцию, как говорил В. И. Ленин. Не отсюда ли и образ кремень-слезы — стойкости, рожденной великими испытаниями? Речь идет не о боли выплаканной и тем облегченной, а о боли, ушедшей в глубь души, чтобы стать ее неодолимой внутренней опорой, о неразрывном родстве города и деревни, рабочего и крестьянина, как бы воедино спаянных несокрушимой силой.

«Даль памяти» — поэма о мере вещей, мере пространств, мере времен. В нашу эпоху как бы оправдалось предсказание Гоголя: «Вдруг стало видимо далеко во все концы света».

Если в поэме «Суд памяти» Е. Исаев старался проникнуть в корни страшнейшего явления современной эпохи — фашизма, то в «Дали памяти» он как бы создает некий противовес чудовищному явлению эпохи. Уходя в глубь истории России, поэт стремится обнаружить в коренных основах народного бытия подлинную нравственность, высоту жизнепонимания, которые как бы ожидали своего исторического воплощения в новой эпохе.

Оттуда, из этих коренных основ, проросло особое понимание труда как сущности и смысла жизни. Именно такое понимание труда формировало и весь нравственный кодекс советского человека. Все грани человеческого бытия как бы восходили к этому пониманию главного смысла жизни: человек дотоле человек, пока он трудится, пока он создает то, что должно пережить его физическое существование и служить людям после его физического ухода из жизни. Таким образом, разрушительной идеологии фашизма противопоставлена идеология созидания человеческого бытия.

Герой этих поэм — человек, живущий во имя победы справедливости, победы человечности, победы высоких нравственных начал, уходящих глубоко в историческое прошлое человечества и — особенно — России.

ДИЛОГИЯ Е. Исаева, объединенная общим заглавием «Жизнь прожить...», — пример художественной цельности. Многообразны художественные средства, которыми располагает поэт, но они, можно сказать, железной рукой подчинены единому замыслу.

Поэтическая идея, являющаяся душой дилогии Е. Исаева, как бы рассредоточена по всей художественной ткани, содержится в каждой клеточке ее.

Внимательное знакомство с дилогией обнаруживает своего рода творческую закономерность. Вначале действует как бы центростремительная сила: одна за другой накапливаются черты становления главного героя и в одной, и в другой поэме; затем, преломляясь через главный, фокусирующий образ-метафору (кремень-слеза в «Дали памяти», стрельбище в «Суде памяти»), они словно стягиваются к центру. В первом случае жизнь героя вливается в общенародную жизнь, несущую в себе общечеловеческое прогрессивное начало. В другом случае жизнь главного персонажа вливается в античеловеческое нашествие фашизма, волей или неволей становясь одним из его орудий.

Но это только одна ипостась композиции дилогии. Далее сила центростремительная как бы уступает место силе центробежной. От главной, сфокусированной идеи, существеннейшей идеи нашей эпохи — противоборства двух миров, двух систем, исход которого и определяет, быть войне или быть миру, автор возвращает нас к истокам поэмы. Мы снова видим перед собой в «Дали памяти» крестьянского мальчонку, а затем парня, через сердце которого преломились судьбы народа, Родины, мира. А в «Суде памяти» перед нами снова незадачливый исполнитель жестокой воли фюрера Герман Хорст, раздавленный физически и духовно своей непоправимой виной, своей личной ответственностью за преступления системы. И от этой ответственности не уйти за, казалось бы, спасительную формулу подчинения приказу.

Два героя двух поэм, каждый из которых олицетворяет свою страну и ее социальную систему, — два полюса. За ними встают два мира, породившие их. Герой «Дали памяти» — это именно тот человек, которому было суждено поразить насмерть Германа Хорста со всем породившим его и стоящим за ним миром.

«Домой, домой...» — называется первая главка поэмы «Даль памяти». Эти слова становятся сквозным образом в поэме. Домой — это возвращение в детство, в юность. Это первое узнавание мира, где каждая малость исполнена огромного смысла. Это великая радость «посвящения в мужики», когда в косьбе шестнадцатилетний парень сумел сравняться с первыми косцами на селе. С каким уважением говорят это слово «мужик» старшие! Состоялся человек. Сильный. Умелый. Ловкий. Работающий во всю мочь и потому дышащий полной грудью.

Но «домой» — это только начало биографии. Далее идет путь «из дому» — в большую жизнь. А на этом пути — осмысление и прошлого, и настоящего Родины. Все последующее за двумя главами — «Даешь простор!», «Про тяжелую реку», «Кремень-слеза», «Три гака» и вплоть до последней из них «А я всю жизнь из дому» — это духовное созревание героя, пришедшее вслед за его физическим возмужанием. Его личная судьба все более сливается с судьбой народа. Не случайно в конце поэмы мы читаем: «Какое там «домой», когда война...» — Путь «домой» как бы лежит только через путь «из дому».

При всей простоте и естественности живого разговорного языка, все время набирающего эмоциональную высоту и переходящего уже в песенность за счет многочисленных повторов, Е. Исаев тяготеет все же к образам крупным, объемным, обобщающим.

Приведу несколько примеров: «Не жаль косы, росы не жаль, конечно, да только вот цветов немного жаль». «Ты застрадал, выстрадывался в парня, на том, на переломном рубеже...» «Пришла пора, кормилица, опора, земля твоя наляжет на тебя: А ну-ка, мол, охочий, поворочай и подержи, как я тебя держу...»

Что объединяет все эти строки, взятые только из первых глав «Дали памяти»? Удаль, размашистость, хватка. За ними встает характер — ковкий, упорный. За ними волны и волны мощной народной образности — до захвата, до задыхания — от народной поэзии и до Есенина.

Эта многоцветная, праздничная, идущая от земли, от жизни образность как бы оттеняется, я бы сказал, и поэтически обогащается драматизмом и даже в известной мере трагедийностью таких глав, как «Кремень-слеза» или «Три гака». Как бы настоянные на русской сказке, главы эти передают боль, и пот, и кровь изведавшей вековой гнет народной жизни. Но, пройдя через все эти испытания, выковался тот сильный, стойкий, непокоримый характер, который привел народ Россию к великим историческим свершениям.

И каким же контрастом этой праздничной и этой драматической, но светлой и сильной в своей основе образности предстает угрюмая и унылая поступь марширующих погубителей жизни в «Суде памяти»! Герман Хорст говорит о старом стрельбище, как о великом чуде: «— Я его открыл, что никогда не открывали люди, там, знаешь, — кладбище свинца. А он не разлагается. Там — пули моего отца, его отца и праотца. Мои! И сверстников моих. Ты понимаешь, Лотта! Представь себе, представь на миг: идет, идет пехота. За взводом — взвод. За взводом — взвод. Идет. За ротой — рота. Из года в год. Из года в год. Ты представляешь, Лотта? Полки, дивизии идут с винтовками и ранцами туда, на стрельбище, и бьют с отмеренной дистанции.» Читаешь — и вспоминаешь 7-ю симфонию Шостаковича. Та же самая жестокая, неотступная, неумолимая поступь, направленная против жизни, против человека.

Стиль «Суда памяти» внешне сух и сдержан. Никаких проклятий, никаких яростных обличений. Жестокость, ставшая обыденностью. Человек, превращенный в автомат. Господство серого цвета над многоцветием мира. Но в этой внешней сухости и сдержанности — глубокий внутренний драматизм, глубочайшая боль. И грозное предостережение.

В своей дилогии Егор Исаев как бы пытается обнять глобальные проблемы времени. А если говорить точнее, одну проблему: проблему войны и мира. На средостении прошлого и будущего встают поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти». Оттого они так обжигающе современны.

Григорий ЛЕВИН

Конкурс имени Максима Горького

ЦК ВЛКСМ, Госкомиздат СССР, Союз писателей СССР объявляют Всесоюзный литературный конкурс имени Максима Горького на лучшую первую книгу молодого автора. Главная задача конкурса — выявление наиболее талантливых произведений молодых авторов, дальнейшее улучшение пропаганды творчества молодых литераторов.

На конкурс могут быть представлены первые книги молодых авторов в возрасте до 33 лет, вышедшие на русском языке с 1979 года. Книги на конкурс представляются центральными, республиканскими, областными издательствами; ЦК ЛКСМ союзных республик, обкомами, крайкомами комсомола; писательскими организациями страны.

Конкурс, являющийся постоянным, проводится с 1 марта 1980 года. Его итоги подводятся один раз в два года, начиная с 1981 года (жюри рассматривает книги, присланные на конкурс до 15 января года подведения итогов).

Решение жюри публикуется в периодической печати ко дню рождения Максима Горького — 28 марта.

Итоги конкурса подводятся отдельно по жанрам: проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика и очерк.

В каждом из четырех жанров для победителей конкурса устанавливается первая премия (500 рублей), вторая премия (300 рублей) и третья премия (200 рублей).

Победителям присваивается звание «Лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Максима Горького на лучшую первую книгу молодого автора» и вручается диплом.

Книги направляются по адресу: Москва, Петровка, 38, Госкомиздат СССР, Главная редакция художественной литературы, с пометкой «На конкурс».

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

Эта страница первой недели Весны, кануна Международного дня 8 Марта, посвящается творчеству женщин

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Ежегодно тысячи любителей словесности с нетерпением ожидают очередного выпуска «Дня поэзии». Главный редактор «Дня поэзии-1980», как и предыдущего, тепло встреченного и читателями, и критикой, — поэт Лариса Васильева.

Лариса ВАСИЛЬЕВА:

ДЕНЬ ПОЭЗИИ-80

— Образ книги, который видится нам, — это панорама современной поэзии, взгляд в прошлое — на творчество учителей, мастеров и взгляд в будущее — подборкой молодых открывается сборник, — сказала Л. Васильева корреспонденту «ЛГ» Т. Архангельской. — Эти поэты действительно молоды — их возраст не превышает 30 лет. Среди них и студенты Литинститута, и участники совещаний творческой молодежи, и те, кому было дано слово в прошлом выпуске. Надеемся, что читатели смогут почувствовать динамику развития творческой личности.

Как всегда, внимание привлекут стихотворения таких поэтов, как Л. Мартынов, А. Межиров, Б. Слуцкий, и других, представителей более молодого поколения — О. Дмитриева, Ю. Мориц, Д. Сухарева.

Критический раздел представлен именами как теоретиков — Л. Аннинского, С. Аверинцева, Г. Гачева, Ю. Рождественского, так и «практиков» — Е. Винокурова, В. Соколова.

Если касаться идейно-тематического содержания сборника, то в первую очередь следует отметить, что на его страницах достойное место займут произведения, посвященные 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 35-летию нашей Победы над фашизмом.

100-летие со дня рождения А. А. Блока включено в международный календарь ЮНЕСКО. К юбилею поэта приурочена подборка материалов, включающая его неопубликованные произведения, воспоминания о нем и стихи его современников. Будет продолжен ряд рубрик, вызвавших большой читательский интерес, — например, «Наши публикации», воспоминания современников об ушедших друзьях (мемориалы О. Берггольц, Н. Глазкова, Б. Пастернака).

Наш ежегодник, как и все предыдущие, составлен из материалов московских авторов. Приток рукописей по сравнению с 1979 годом увеличился примерно раз в пять, поэтому и членам редколлегии, и составителям (Н. Кондаковой и Л. Смирнову) пришлось нелегко: надо было отобрать самое лучшее, яркое, талантливое. Разумеется, возникали споры; но, как известно, в споре рождается истина...

Не могу не сказать о том, что на протяжении почти 20 лет в создании «Дней поэзии» участвует редактор издательства «Советский писатель» В. Фогельсон. Его опыт и знания немало помогают нам в работе. Художественное оформление сборника осуществляет главный художник издательства «Советский писатель» Вл. Медведев.

ПОЧТА ОДНОЙ КНИГИ

Дневники крепостного Петра Кузнецова легли в основу повести «Под бурями судьбы жестокой...», написанной его правнучкой Агнией Кузнецовой — известным прозаиком, лауреатом Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской. Опубликованная журналом «Октябрь», повесть вышла теперь в Пермском книжном издательстве.

Агния КУЗНЕЦОВА:

ЗА СТРОКОЙ БЫЛОГО

...Поблекшие от времени листы, выцветшие коричневые чернила, витиеватая вязь — старинные бумаги всегда вызывают к себе трепетный интерес. Тем более эта тетрадь в самодельном потертом переплете, заполненная рукой крепостного человека графов Строгановых, да к тому же еще крепостного, любившего до конца своих дней тайной и светлой любовью Наталью Николаевну Гончарову.

Почта на книгу большая. И чуть не в каждом читательском отклике — вопрос к автору: действительно ли сохранились дневники или это литературный прием?

— Дневники передавались из поколения в поколение, — рассказывает Агния Александровна. — Об их существовании я долгое время не знала. Они находились у моих очень дальних родственников. Потом они решили, что, может быть, я смогу эти записи как-то использовать в своей работе, и однажды я получила пакет, в котором оказались три тетради. Одна — моего прапрадеда, вторая — прадеда, а третья — родного брата моего деда. Полистала дневники, постаралась хоть немного прочесть, но делать это было трудно — почерк неразборчивый, многое стерлось. И я, занятая повестью об учителе, отложила их, как говорится, на потом. Некоторое время спустя я обнаружила в одной из тетрадей запись об освобождении моего прадеда от крепостного права. Она сразу меня заинтересовала. И я взялась за «расшифровку» дневников.

В повести многое пришлось додумывать. Допустим, сообщаю, что прадед получил вольную, но из дневников непонятно, откуда появились деньги — а нужно было 3000 серебром. В дневнике те страницы, где это могло быть объяснено, оказались вырванными. Сохранились только строки: «Деньги на выкуп из крепости у меня теперь есть. Труд мой оплачен». Я знала, что он занимался врачеванием, избавив от тяжелого недуга сына влиятельного петербургского князя. Перебирая материалы в одном из архивов, я обратила внимание на заметку в газете «Мануфактурные и горнозаводские известия», в которой упоминалось, что в 1848 году сын князя N. посетил Билимбаевский завод. Вот, решила я, откуда взялись деньги. Их дал Петру Кузнецову молодой князь. Мой домысел соответствовал возможной реальности. Вольного тут я ничего, по-моему, не допустила.

Среди писем, которые получила в эти дни А. Кузнецова, — отзывы о повести известных литературоведов, пушкинистов.

ИЗ ПИСЬМА ИРАКЛИЯ АНДРОНИКОВА: «Счастливая идея написать свою родословную и связать судьбу крепостного с жизнью и нравами аристократической фамилии Строгановых, а от Строганова, приходившегося родственником Наталье Николаевне Гончаровой, коснуться судьбы Пушкина в последний период его жизни — все это делает повесть необыкновенно интересной. Но повесть есть повесть, и где в основе воображение, где документ — не отличишь.

Видел ли ваш прадед Наталью Николаевну Пушкину и полюбил ли ее, — о том знает лишь автор. А мы, читатели, верим. Тем более, что образ Натальи Николаевны исполнен необычайно тонко и человечно. Да будет так, как сказано в вашей книге».

Пленительный образ Натальи Гончаровой, с любовью и тактом выписанный на страницах книги, вызывает в памяти обращение Пушкина к своей невесте: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица». Многие читатели спрашивают в своих письмах: знал ли в действительности Петр Кузнецов Наталью Николаевну?

— Знал — объясняет Агния Александровна. — А она его знала очень мало и, конечно, вряд ли могла себе представить, какое чувство испытывал к ней дворовый человек. Не одна страница дневника пронизана его признанием себе самому в неповторимой, всепоглощающей любви к красавице Гончаровой. Безнадежно грустное и светлое чувство владело им, когда писал он в дневнике, уже будучи служащим Билимбаевского завода: «Две неосуществимые, страстные и прекрасные мечты мои делают жизнь мою человеческой, а не животной. Одну зовут Натальей, Другую — Воля». Запись, сделанная им 1 февраля 1837 года, свидетельствует о том, что он — в отличие от многих своих современников — не считал Наталью Николаевну виновницей трагической гибели поэта. «...Я был около Конюшенной церкви, когда отпевали Пушкина... Ее на похоронах не было... Говорили, что она очень больна. А может быть, какой-то добрый человек посоветовал ей не ходить — не вызывать гнев непонимающей ничего толпы».

Кстати, во многих читательских отзывах содержатся откровенные признания, такие, как Е. Рашевской из Сызрани. «Я преподавала 35 лет литературу, очень люблю Пушкина и его эпоху, всю жизнь считала жену Александра Сергеевича главной виновницей его смерти», или 76-летнего харьковчанина П. Р. Зуева: «В юности я учился в коммерческом училище. В нашей среде укрепилось мнение, что жена Пушкина виновата в смерти мужа — гениального поэта России. Стыдно вспоминать о своем глупом заблуждении».

ИЗ ПИСЬМА И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА: «С большим интересом прочел вашу повесть «Под бурями судьбы жестокой...». Она превосходно построена. Отрывки из дневников ваших предков на редкость удачно вплетены в ваше повествование о их нелегкой крепостной судьбе, а ваши разыскания о семье Строгановых и сообщения о сестрах Гончаровых изложены с редкой проникновенностью в бытовой уклад той далекой от нас эпохи. А все это вместе образует весьма увлекательный сплав в вашем интересном произведении. Не подумать ли вам о его расширении? Сделать это можно не только за счет более объемного использования дневников ваших предков, но и, в частности, ввести в повесть в качестве двух активно действующих лиц — злейших врагов Пушкина из семьи Г. А. Строганова: его побочную дочь Идалию Полетику (она родилась до смерти первой жены Григория Александровича) и его сына Александра Григорьевича...»

Обратные адреса на конвертах с письмами, которые приходят сейчас к А. Кузнецовой, естественно, различны. И есть среди них особенно дорогой для автора адрес: Сибирь, Иркутск, где она прожила долгие годы, где начиналась ее литературная судьба, где в дни Великой Отечественной войны она руководила писательской организацией, где осталось много ее учеников.

«Читая вашу повесть, вспомнил я далекий предвоенный год, маленькую комнату в Иркутском Дворце пионеров, где собирался наш литературный кружок, — пишет ей поэт Марк Сергеев. — Декабрь был суров, стужа вынимала из незамерзшей Ангары призрачный туман, он обволакивал черные ветви любимых горожанами тополей, покрывал их пушистым куржаком, как в нашей Сибири называют иней, и кроны становились сахарными. А наша полубашенка в старинном купеческом дворце, бывшем особняке знаменитого на всю Россию Второва, летела сквозь вечер к Михайловскому, к Святым Горам, звучал ваш голос, и заспанный Пушкин выбегал на звук колокольчика... А потом кто-то из наших девочек — то ли Люся Краснопеева, то ли Вера Потемкина — принес рассказ о том, как заснула она в нашем заветном уголке второвского дома, и вдруг отворилась дверь и вошел Поэт... У книг есть свойство — соединять времена. Вот и во мне ожили вдруг воспоминания сорокалетней давности...»

— Агния Александровна, читатель, особенно молодой — а ведь именно ему в первую очередь адресованы ваши книги «Честное комсомольское», «Жизнь зовет», «Пошевеливай, птичка золотая...», «Мы из Коршуна», «Свет-трава», «Много на земле дорог», «Земной поклон», — знает вас как автора произведений, посвященных отрочеству, юности, первой любви, романтике поиска своей дороги в самостоятельную, большую жизнь. И потому, наверное, не случайно в некоторых читательских откликах на новую повесть слышится вопросительная нота: а не отход ли это от главной проблематики вашего творчества?

— Уверена, что не отход. Новую повесть вместе с двумя предыдущими — «Честное комсомольское» и «Земной поклон» — я включила в книгу, которая в нынешнем году должна выйти в издательстве «Молодая гвардия». Она называется «Достоинство». Чувство человеческого достоинства — о нем я говорю во всех своих произведениях. Крепостной человек, лишенный каких бы то ни было прав, несмотря на все «бури судьбы жестокой», сохраняет свою честь, свое достоинство. Считаю — это великая наука для молодого поколения. Поэтому думаю, что новая повесть посвящена тем же воспитательным целям, что и другие мои вещи.

И еще хотелось затронуть в этой повести такую тему, как память поколений, память о своей родословной — чтобы дети не забывали историю отцов, дедов, прадедов.

ИЗ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГОР. СЛАВЯНСКА: «Мы провели обсуждение повести «Под бурями судьбы жестокой...». Выступали многие, говорили о том, что взволновало, обогатило знаниями... Очень хорошо показано в повести стремление крепостных крестьян к воле. Яркий и сильный эпизод раскрывает путь, каким хотел маленького Петра спасти от крепостной зависимости его дед. Всего три года ребенок не был занесен в «ревизскую сказку», но кличка «вольный» так и осталась за ним на всю жизнь... С интересом следили мы, как же вырвется Петр на волю, и поняли, что, гордый, он согласен взять деньги у молодого князя только потому, что князь — особенный человек, склонивший свою голову перед подвигом декабристов... Повесть дала нам интересный материал о семье Гончаровых.

Захотелось читать и читать Пушкина...»

Ирина РИШИНА

ПЕНАТЫ

Татьяна МАВРИНА:

К БЛОКУ В ШАХМАТОВО

В издательстве «Московский рабочий» готовится альбом «К Блоку в Шахматово», в который войдет более ста пейзажей блоковских мест Подмосковья, написанных Татьяной Мавриной в последнее десятилетие.

[illegible] в Шахматове, где родились первые строки поэмы «Возмездие», начат цикл «На поле Куликовом», написано стихотворение «На железной дороге» и др.

— Я давно рисую пейзажи Дмитровско-Клинской гряды, пожалуй, самые красивые места Подмосковья, — рассказывает художница. — Еду чаще всего по Рогачевскому шоссе, и сами собой в голове твердятся ахматовские строчки:

И помнит
Рогачевское шоссе
Разбойный посвист
молодого Блока.

К Блоку в Шахматово — это налево либо от Горчакова на Гудино, либо мимо Новоселок, Аладьина, Тараканова, а там уже рукой подать до блоковского камня, если можно так сказать, дважды священного, прежде — по народному суеверию, ныне — по народной любви к поэту.

Шахматово окружено заболоченными лесами, не раз воспетыми Блоком. Среди них есть одно загадочно-приметное бездонное озеро. О нем Блок писал:

«В озере под деревней Сергиевской нет дна. Иногда выплывают доски с иностранными надписями — обломки кораблей. Это — отдушина океана».

О блоковских холмистых местах лучше всего тоже сказать словами самого поэта:

«Мы быстро проехали родные мне места — дорогу среди полей, [illegible] и опять дорогу среди большого поля, которая шла в гору. Перед нами открывалась многоверстная синяя русская даль. Сначала шли лощины, поросшие кустами, и [illegible] за ними начинали подниматься холмы к вершинам, которых увенчанным деревнями и селами, [illegible] разбегавшиеся вниз полосы хлебных полей».

И сейчас этот пейзаж сохранился и пленяет глаз — везде дороги, много всяких дорог.

Продолжаю путь Блока:

«Тут [illegible] дорога [illegible] прежде. Кустарник поредел, и дорога незаметно поднималась. [illegible] по которой [illegible] высоко [illegible] березовые пни. Между ними стояли болотца. Я [illegible] в этой дороге что-то любимое и забытое и стал думать о том, какие здесь будут летом высокие [illegible] желто-синие ковры иван-да-марьи и розовые облака иван-чая. [illegible] дорога, которая шла в гору [illegible] стволов елок и берез. Я пустился по ней и, достигнув ее высшей точки, очутился перед новой громадной далью».

Это уже Боблово, парк, остатки которого я не раз рисовала, голубые холмы, река в извивах. Здесь она пошире, чем около Тараканова и Шахматова — река Лутосня (Непрядва-река из «Поля Куликова»), и опять неохватные глазом дали: приходится поворачивать голову, чтобы увидеть все.

Так и ехать по течению этой речки, пересечь три моста и опять очутиться на Таракановском, четвертом уже мосту, сделав дневной большой круг через ряд деревень. Рогачево — и опять Рогачевское шоссе, обочины с «желто-синими коврами иван-да-марьи», везде «розовые облака иван-чая»...

ЭКРАНИЗАЦИИ

На киностудии «Мосфильм» началась работа над новым фильмом по рассказу Валентина Распутина «Василий и Василиса». Об этой экранизации рассказывает режиссер Ирина Поплавская.

Ирина ПОПЛАВСКАЯ:

ВАСИЛИСА ИЗ ТАЕЖНОЙ ДЕРЕВНИ

«Василиса просыпается рано. Летом ее будят петухи, зимой она петухам не доверяет: из-за холода они могут проспать, а ей просыпать нельзя. Некоторое время она еще лежит в кровати и думает, что сегодня ей надо сделать то-то, то-то и то-то, — она как бы прикидывает день на вес, тяжелым он будет или нет». Так начинается рассказ Валентина Распутина «Василий и Василиса».

— Над фильмом я работаю около двух лет, — рассказала корреспонденту «ЛГ» Г. Крымовой режиссер Ирина Поплавская. — Побывала в Сибири, жила в деревнях на реке Ангаре, на Белой, на Шилке. Познакомилась и подружилась с деревенскими женщинами, в чем-то прототипами героинь Распутина, прикоснулась к их богатому и чистому нравственному миру. Этот мир русской деревни, как исток нашей жизни, мы и хотим показать. Мы хотим показать также благотворность связи человека с Землей, с Полем, с русским земледельческим календарем.

Поездка в Сибирь духовно напитала меня. Я привезла оттуда обильный материал. На основе этого материала кинодраматургом В. Соловьевым совместно со мной был написан сценарий. С Валентином Григорьевичем Распутиным мы в тесном контакте и дружбе, советуемся с ним и получаем всегда живой отклик на нашу работу. Сейчас сформирована киногруппа, идет всесторонняя подготовка к летним съемкам. Работа над фильмом, который создается на основе настоящей, подлинной литературы, на основе рассказа, насыщенного интересными мыслями и наблюдениями, где действуют живые, сильные народные характеры, приносит всем нам, всему творческому коллективу удовлетворение и радость. Как режиссер я стою прочно на «литературных позициях»: считаю, что кинематограф питается, обогащается и вырастает из корней большой литературы. Свой первый фильм «Месть» я сделала по рассказу А. П. Чехова. Потом несколько лет провела в горах Киргизии и Дагестана — снимала два фильма по повестям Ч. Айтматова «Джамиля» и «Тополек мой в красной косынке», фильм по поэме «Горянка» Р. Гамзатова. А теперь меня поглотил новый мир — мир героев Валентина Распутина.

«Очень важно, чтобы, переходя в новые условия труда и быта, живя все богаче и лучше, человек не утратил бы значительные и прекрасные нравственные завоевания народа, оставался бы душевно добрым и открытым», — говорит Валентин Распутин. И мы, бережно переводя этого большого писателя на язык кинематографа, считаем главным для себя нравственное исследование личности. В фильме — жизнь русской колхозницы Василисы, разделившей с Родиной ее печали и радости, суровые будни Великой Отечественной и праздник великой нашей Победы. В. Распутин умеет глубоко вглядываться в душу русской женщины. Тема совести — одна из главнейших тем классической русской литературы, это тема и нашего фильма. Фильм о том, что нет справедливости без доброты, об ответственности человека за каждый свой поступок.

ВЕСЕЛЫЕ СТРАНИЧКИ

Наталья ДУРОВА:

ДВА ДЕЛА—ОДНА ЦЕЛЬ

Московский Театр имени В. Л. Дурова откроется к Олимпиаде.

Прежде всего мы отправились к слонихе. Дженни звонила в колокол, играла на рояле, ставила себе градусник, делала реверанс — словом, показала почти все, что умеет. Говорят, слониха Дженни похожа на легендарную Лили. Нагруженная детьми, реквизитом, вещами, Лили шла с артистами цирка пешком в Москву из Смоленска, где их застала война. Портрет ее нарисован на обложке книги «Ваш номер!» — она вошла в программу обязательного чтения для школьников, а девочка с бантом, обнявшая слониху за хобот, — будущий автор, Наталья Дурова.

— Наталья Юрьевна, сколько же всего книг у вас?

— Посчитаем: семь больших плюс семь маленьких — четырнадцать. Пятнадцатая — «Грустная перемена» — выйдет в издательстве «Малыш». О четвероногих школьниках-проказниках — это четвертая, а всего их будет десять. Вот сколько арифметики сразу! Хочу, чтобы читатели мои поняли: доброта и бережность к природе, ко всему живому научит и чуткости к людям, близким и незнакомым, которые вместе с тобой составляют человечество.

Сейчас для издательства ДОСААФ пишу книгу «В антракте — бой» о Ване Шепеткове, замечательном акробате, которого помню с детства, он был одним из 28 панфиловцев и погиб под Москвой, и о других артистах цирка, ушедших на фронт, не только о людях, но и о собаках, лошадях, даже слоне. И еще одна книга, может быть, главная, продолжение «Вашего номера», понемногу пишется почти пятнадцать лет. Она называется «24 минуты» — столько шел в цирке мой аттракцион «Морские львы и моржи». Каждая глава — это одна минута. А сколько за минуту можно вспомнить и передумать! И цирк — ловкость, смелость, товарищество, и моя семья, папа, трагическая гибель мамы, и Литературный институт, поездка на целину нашей студенческой бригады с Робертом Рождественским во главе, и еще многое, многое.

Мы разговариваем в старой комнате, бывшем дедушкином кабинете бывшего теперь уже Уголка Дурова. Здесь откроется мемориальный музей, будет лекционный зал и научная лаборатория. А новый Театр зверей имени В. Л. Дурова строится рядом — облицовывают цветной плиткой цилиндрический фасад, растут стены вольеров для летнего веселого зверинца, скоро прибудет из Донецка восстановленная по старым снимкам знаменитая дуровская железная дорога. Художественный руководитель театра — представитель третьего поколения знаменитой династии, заслуженная артистка РСФСР, писательница Наталья Дурова.

— Раз есть театр, значит, должен быть репертуар. Осваиваю новый для себя жанр — драматургию, причем особенную: ведь у нас все артисты — животные. А для меня они еще и любимые друзья, и герои книжек для детей. Наша стройка — олимпийский объект, значит, летом театр откроет двери. Готовится спектакль «И мы — олимпийцы». Сценарий написан вместе с директором театра К. Т. Кравченко. Слониха Дженни, с которой вы познакомились, воспитанница старейшего дрессировщика Карела Створы, станет «главным арбитром», я — ее «помощником», спортсмены и болельщики — звериная труппа, а жюри — весь зал, 500 юных зрителей. Думаем и над пьесой для взрослых по басням С. Михалкова и сюжетам «Фитиля». А дальше — нашим авторским активом согласились стать многие детские писатели.

Г. РУСИНА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении поэта Жигулина А. В. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы наградить поэта Жигулина Анатолия Владимировича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 28 февраля 1980 г.

ОТ КОМИССИИ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Комиссия по литературному наследию Константина Георгиевича Паустовского просит всех корреспондентов писателя прислать фотокопии его писем в связи с подготовкой их публикации в готовящемся собрании сочинений писателя.

Письма просим посылать по адресу: 109240, Москва, Ж-240, Котельническая набережная, 1/15, корпус «В», кв. 83, Арбузовой Г. А.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ Л. И. ЛАГИНА

Решением секретариата правления Союза писателей СССР создана Комиссия по литературному наследию Лазаря Иосифовича Лагина в следующем составе: председатель — С. Абрамов, заместитель председателя — И. Мотяшов, члены комиссии — С. Баруздин, А. Виноградов, А. Вознесенский, С. Залыгин, А. Кешоков, Г. Кублицкий, А. Стругацкий, Ю. Яковлев, секретарь — Н. Лагина.

Просьба все материалы (письма, рукописи, воспоминания, фотографии и т. д.), связанные с жизнью и творчеством писателя, присылать по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 4, кв. 82, Н. Лагиной.

Н. Г. ЖДАНОВ

Скончался известный советский писатель Николай Гаврилович Жданов, автор книг, популярных среди широкого круга читателей, член Союза писателей СССР с 1938 года.

Н. Г. Жданов родился в 1909 году в селе Манихино Новоладожского района Ленинградской области. Он рано лишился родителей и воспитывался в детском доме. После окончания средней школы учился на юридическом факультете Ленинградского университета и в 1931 году окончил его. Свое образование он продолжил в аспирантуре Ленинградского университета.

В 30-е годы в журналах «Звезда», «Знамя» печатаются его статьи, посвященные творчеству Д. Фурманова, А. Фадеева, М. Шолохова и В. Вишневского.

С первых же дней Великой Отечественной войны Н. Г. Жданов вступает добровольцем в Кировскую дивизию народного ополчения Ленинграда.

В составе взвода писателей 3-го стрелкового полка он участвовал в боях на Лужском оборонительном рубеже, потом был прикомандирован в ТАСС военным корреспондентом. Несмотря на тяжелое заболевание, Н. Г. Жданов продолжал работать редактором «Фронтовых известий ТАСС» в Москве, затем в течение почти 10 лет — спецкором газеты «Известия».

Его повести и рассказы для детей и юношества «Морская соль», «Петроградская повесть», «Джиоконда», «Ночь на Путиловском» и другие проникнуты жизнеутверждением, романтикой, горячей любовью к Родине.

В неоднократно переиздававшемся романе «Ветер века» писатель обратился к проблемам современности, создал запоминающиеся образы советских людей, строителей новой жизни.

Человек яркого таланта, поразительной скромности, прекрасный товарищ, Н. Г. Жданов навсегда останется в нашей памяти.

С. П. АНТОНОВ, В. С. БАКИНСКИЙ, В. П. БЕЛЯЕВ, М. Г. БРАГИН, Е. З. ВОРОБЬЕВ, А. Ф. ГАРАНИН, Т. А. ГАЙДАР, Ч. Г. ГУСЕЙНОВ, А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ, М. А. ДУДИН, В. Д. ДУДИНЦЕВ, В. В. ЖДАНОВ, А. В. ЗАПАДОВ, А. А. КРОН, В. С. РОЗОВ, В. А. РУДНЫЙ, Л. Н. РАХМАНОВ, А. М. САМСОНОВ, Т. Н. ТЭСС, В. Ф. ОГНЕВ, П. Ф. НИЛИН, А. П. ШТЕЙН

В. А. КАТАНЯН

15 февраля 1980 года не стало Василия Абгаровича Катаняна (родился в 1902 г.) — известного литературоведа и драматурга, исследователя и биографа Вл. Маяковского. Четыре издания выдержала его летопись жизни и творчества поэта. Смерть застала его, когда он готовил пятое издание.

Живо и увлекательно написана его книга «Рассказы о Маяковском», его перу принадлежат пьесы «Они знали Маяковского» и «Особенный человек» (о Чернышевском), а также киносценарий «Анна Каренина».

Люди старшего поколения помнят Катаняна как автора злободневных, остроумных фельетонов.

Любовь к поэзии, верность избранной теме, высокая культура и неутомимость в поисках новых документов и вместе с тем умение рассказывать о найденном живо, ярко, занимательно — эти черты определяют облик Катаняна-литератора.

Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

МАСШТАБЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Вадим БАРАНОВ

ЗАМЕТКИ С ПЛЕНУМА СОВЕТА ПО КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ ПРИ ПРАВЛЕНИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Оговорюсь сразу же: это не протокольный отчет с пленума союзного совета по критике и литературоведению, передающий в миниатюре всю картину в целом, и не репортаж по горячим следам событий. Это размышления одного из участников совещания, имеющего, как и другие, право на некоторую пристрастность в восприятии и отборе материала. Постараюсь, однако, быть предельно объективным в главном: в оценке характера совещания, в передаче его основного духа.

Подводя итоги двухдневного разговора, в котором приняли участие свыше 30 человек, председатель совета **В. Озеров** отметил как главную особенность совещания его содержательность, предельную насыщенность фактическим материалом, свидетельствующим об идейной зрелости нашей многонациональной прозы, о ее динамизме, богатстве форм и средств отражения реальности нашей жизни. Развитие повествовательных форм отражает живые и сложные процессы, протекающие в самой действительности, и в первую очередь те из них, которые свидетельствуют о дальнейшем поступательном развитии общества зрелого социализма.

Разговор и впрямь был живой, заинтересованный, чувствовалось, что люди шли в зал заседаний не для того, чтобы просто поделиться теми или иными впечатлениями, может быть, и интересными, но мимолетными и нестоявшимися. На пленуме обменивались идеями выношенными, основанными на осмыслении обширнейшего материала. Конечно, мысли ораторов далеко не всегда совпадали, и тогда возникала полемика (где же, как не в споре, родиться истине?). И, надо сказать, полемика была спором по существу, а не обменом фехтовальными выпадами, демонстрирующими ораторское искусство. Словом, состоялось одно из наиболее содержательных заседаний совета, и вряд ли это случайно: как подчеркивал в своем вступительном слове В. Озеров, на критику должна ложиться большая ответственность, так как анализ современного литературного процесса предстоит вести в преддверии очередного, XXVI съезда партии и писательских съездов.

В своем обстоятельном докладе Л. Новиченко сказал, что проза 70-х годов проделала огромный «объем работы» и направлена была эта работа прежде всего на то, чтобы глубже проанализировать и упрочить в сознании читателя социалистический образ жизни. Литература всех жанров, какие бы частные издержки ни характеризовали отдельные ее произведения, с успехом отстаивала высокий гуманистический взгляд на природу человека и его возможности и последовательно выступала против распространенных на Западе попыток принижения человека, проповеди отказа от славных гуманистических традиций прошлого.

Раздвигая рамки межсъездовского периода до масштабов десятилетия, мы должны прийти к выводу, что общие тенденции литературного процесса наиболее активное отражение нашли именно в прозе. К. Симонов, Ю. Бондарев, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Г. Марков, В. Распутин, В. Белов, Д. Гранин, В. Шукшин, П. Проскурин, В. Липатов, А. Чаковский, В. Быков, Ч. Айтматов, О. Гончар, П. Загребельный, И. Авижюс, М. Слуцкис, В. Лам, А. Нурпеисов, А. Якубов — имена эти, по убеждению докладчика, демонстрируют огромный диапазон индивидуальных стилей и манер. Труд этих и подобных им литераторов позволяет рассматриваемый период развития многонациональной литературы назвать в первую очередь временем прозы.

Обращаясь к характеристике героя нашей прозы, Л. Новиченко заметил, что мы еще не всегда оцениваем в полной мере мировой масштаб тех задач, которые решает герой, являя собой новый тип человеческого поведения (от Сотникова у В. Быкова до Никитина у Ю. Бондарева и К. Заболотного у О. Гончара — роман «Тронутая заря»).

К этим соображениям хотелось бы добавить следующее. Ждет своего дальнейшего рассмотрения то качество героя прозы, которое **В. Новиков** в своем выступлении именовал как нравственный максимализм. И очень важно, что это свойство обнаруживают не только оказывающиеся в экстремальных ситуациях. Идут «на грозу», рискуя премией, личным благополучием или престижем, люди и в условиях повседневной жизни отстаивая принципы коммунистической морали и борясь с различными злоупотреблениями. А некоторые, как неоднократно упоминавшийся Андреас Яллак из романа П. Куусберга «Капли дождя», сочетают максимализм и Сотниковых, и Потаповых. Важно, что герой ведет себя так без какого бы то ни было внешнего побуждения. В этом наглядно проявляется такое его свойство, которое еще на XXIV съезде партии было определено как «внутренняя зрелость» человека.

И Л. Новиченко, и другие докладчики (**Г. Бровман, В. Литвинов, Е. Сидоров**) были единодушны в том, что постоянная ориентированность нашей литературы в первую очередь на позитивные начала жизни не имеет ничего общего с поверхностной облегченностью, с проповедью легковесного «благополучизма». Рассуждения об этом имеют принципиальный характер и связаны с методологической зрелостью общественной мысли в понимании самой природы прогресса. Литература должна воспитывать в читателях мужественное и трезвое отношение к жизни, не только несовместимое с проповедью социальной индифферентности, но, напротив, воспитывающее в человеке способность более последовательно и гибко преодолевать препятствия на пути к цели.

Эти мысли были поддержаны рядом ораторов — **Н. Яновским** (Новосибирск), **В. Амлинским, А. Злобиным, С. Чиботару** (Кишинев), **Д. Бугаевым** (Минск), **Х. Тангрыбердыевым** (Ашхабад), **В. Бондаренко, Н. Ивановой**. Может быть, однако, наиболее показательным явилось выступление **С. Алексеева**. Он остановился на нескольких характерных, с его точки зрения, произведениях Ч. Айтматова, А. Алексина, А. Лиханова, Н. Дубова, В. Нистайко, которые не только начисто лишены прекраснодушной идилличности, но сталкивают маленького героя с подлинно большими жизненными проблемами.

Замечу попутно, что участие в пленуме совета по критике ряда прозаиков — **С. Баруздина, С. Дангулова, А. Кареева, Г. Холопова** и др. — было моментом в высшей мере плодотворным, и практику подобного рода целесообразно продолжить.

В середине 70-х годов в высоком партийном документе терминологически закреплось целое идейно-тематическое направление нашей литературы, которое мы теперь привычно называем литературой нравственных исканий. Она упрочивает многообразие и богатство нравственных форм выражения нашего единого общественного идеала.

Этим вопросам был посвящен доклад **В. ЛИТВИНОВА**. Едва ли не наибольшее внимания присутствующих привлек тот его раздел, где на конкретном материале произведений, опубликованных на страницах ленинградских журналов, докладчик метко и остроумно критиковал искусственное конструирование стереотипных любовных ситуаций.

Примечательной и радующей особенностью совещания было стремление его участников не просто обозреть тот кусочек общенациональной «карты», который представляет литература, и перечислить новые названия и имена (что само по себе чрезвычайно важно). Неоднократно делались попытки — и весьма успешные — проанализировать внутреннюю динамику развития той или иной национальной литературы во всем присущем ей своеобразии. Так, **В. Дончик** (Киев) интересно размышлял над соотношением в украинской прозе начала, которое принято считать лирико-романтическим, с одной стороны, и нарастающим в ней же аналитическим психологизмом. По мысли оратора, не должно быть односторонности в решении вопроса о жизнеспособности каждой из этих тенденций. В частности, наметившееся преодоление «усталых» фольклорных форм не должно привести к разрыву плодотворных связей со стихией фольклоризма, который может выполнять очень современные задачи.

Вдумчивыми, аналитичными и, что следует подчеркнуть особо, дающими пример разумной творческой самокритичности оказались выступления **Х. Хирша** (Рига), **В. Галинниса** (Вильнюс), **Г. Гвардцители** (Тбилиси), **А. Гусейнова** (Баку), **А. Тамма** (Таллин). Последний отдав должное достижениям М. Траата, Э. Вээкман и других, говорил и об издержках: тематических изъянах в творчестве молодых, чрезмерном увлечении так называемыми условными формами, что приводит порой к жесткому схематизму (сходная мысль прозвучала и у К. Бобулова из гор. Фрунзе). Эстонская критика более сурово отнеслась к сборнику молодых прозаиков, чем некоторые столичные коллеги, усмотревшие в нем любопытную форму поиска. В Эстонии вообще происходит заметное падение читательского интереса к условным типам повествования, заключил Тамм.

В Галинис также говорил не только об успехах прозы своей республики, давшей нашей литературе известные произведения И. Авижюса, Ю. Балтушиса, В. Петкявичюса, В. Бубниса, М. Слуцкиса. Отмечал критик и определенные издержки прозы внутреннего монолога. Как неудачный он расценил роман А. Беляускаса «Тогда в дождь». Роман «Краски хамелеона» И. Авижюса заметно уступает его же «Потерянному кругу».

Я отмечаю эти выступления потому, что дух высокой и разумной требовательности по отношению к своей национальной литературе стал нормой в работе еще далеко не всех критиков, нередки еще проявления пассивного любования, переваривающего, впрочем, порой в активное захваливание тех явлений, которые требуют спокойного, делового анализа и столь же спокойной и аргументированной критики недостатков.

В ходе дискуссии выявилась и, если можно так выразиться, прогностически - организующая роль критики. Так, И. Козлов, выступая о книгах про Великую Отечественную войну, обратил внимание на то, что белым пятном на этом участке тематической «карты» являются события на Дальнем Востоке, равно как недостаточно отражена в литературе высокая освободительная миссия Советской Армии в странах Восточной Европы. Другие ораторы не раз сравнивали развитие «городской» и «деревенской» литературы (всякий раз оговаривая условность подобного деления) и подчеркивали, что все более пристального внимания требует сегодняшнее село. Некоторые же из выступавших, признавая успехи «деревенщиков», предсказывали неизбежность перераспределения художественного внимания в пользу города и вообще «городского» начала в нашей жизни.

Главный редактор журнала «Дружба народов» **С. Баруздин** уделил в своем выступлении внимание историческому роману. В целом ряде республик (Грузия, Украина, Казахстан и др.) здесь налицо заметные успехи, причем наиболее значительные и новаторские произведения, как «Дата Туташхиа» Ч. Амирэджиби, переведены на многие иностранные языки. С. Баруздин призвал критику глубже анализировать исторический роман, равно как последовательнее бороться против любых форм антиисторизма. Как неудачу он расценил роман В. Пикуля «У последней черты». Эту оценку разделил Л. Каюмов (Ташкент).

Вполне естественно, что столь профессиональный форум не мог обойти вопросы, связанные с формой повествования. Об этом говорилось немало, и крайне важно, что данный поворот разговора был органическим следствием анализа содержательной направленности литературы. Маленький пример. Таджикский критик Р. Хади-заде упомянул о романе Ф. Ниязи «Не говори, что лес пустой...». В нем нашли отражение факты межнационального общения советских людей (таджики вместе с белорусами воюют в их лесах с оккупантами) — живое свидетельство возникновения в нашей стране новой исторической общности людей — советского народа. Но природа жизненного материала в немалой мере определяет и структуру композиционных форм как способа пространственно-временной организации материала.

Разбору жанрово-стилевых тенденций в прозе был посвящен обстоятельный доклад Е. Сидорова. Он охарактеризовал не только стилевое многообразие, но и интенсивность поисков, обновление многих форм, что оказывает свое влияние на особенности жанра, структуру сюжета, изобразительную силу художественного слова. Но показательно опять-таки для духа совещания взаимосплетения разных, казалось бы, тем. Разбирая книги на «производственную» тему, принадлежащие перу В. Поволяева, А. Кридоносова, О. Куваева, И. Герасимова, Г. Пандумнидзе, А. Смолина, Ю. Снопа и других писателей, Г. Бровман говорил о культуре художественного мышления, о необходимости естественной композиционной стыковки различных пластов жизни ради того, чтобы создать целостную художественную модель самой жизни.

Уделяя повышенное внимание тому или иному жанру (будь то роман или современная эпопея), критик не вправе фетишизировать его и слишком резко противопоставлять другим. Актуально прозвучало в этой связи напоминание **Т. Мотылевой** о том, что художественное многообразие является одним из ведущих принципов метода социалистического реализма, провозглашенных еще на I съезде писателей СССР.

Это подтверждает и живой опыт литературы. Если, по мысли **Б. Леонова**, в русской литературе особое значение приобретает широкая эпическая форма, то казахские прозаики теперь чаще отказываются от крупнообъемных повествований, зато «малые» формы, например, у А. Алимжанова, обретают гораздо большую драматическую напряженность (выступление Р. Нургалиева из Алма-Аты).

По-видимому, вообще при рассуждениях о тенденциях не стоит слишком с выводами, следует тщательно учитывать опыт разных литератур, иногда разнонаправленность сходных процессов в них.

Отмечая высокий уровень работы «всесоюзного коллективного критика», я покривил бы душой, если б не высказался по поводу некоторых моментов, которые настораживают. Например, справедливо говорилось, что в современной прозе наличествует сочетание таких внешне противоположных тенденций, как условность, связанная с «эксплуатацией» мифа, притчи и т. д., и, с другой стороны, документализм («Кладбища Вилор» Д. Гранина, «Разные дни войны» К. Симонова, нюрнбергские дневники В. Полевого, «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника и т. д.). Но ведь параллельное сочетание и художественное «противоборство» условности и документализма родились не сегодня — они имели место еще в 20-е годы. К примеру, мы привыкли ставить рядом, через запятую, «Чапаева» Д. Фурманова и «Железный поток» А. Серафимовича. И как-то по инерции, что ли, не замечаем разительных различий в их поэтике. Оговорюсь предварительно, что не претендую на терминологическую непогрешимость и употребляю термин только как рабочий компонент данного контекста, скажу: «Чапаев» — это роман-документ, «Железный поток» — эпопея-поэма.

Приведенный пример может быть заменен другим, но основа для вывода остается: при анализе современного литературного процесса нецелесообразно слишком жестко замыкаться ни в межсъездовские рамки, ни в рамки десятилетия. А следовательно, в анализе современного литературного процесса необходимо более деятельное участие историков советской литературы, представителей наших академических центров. Увы, голос их не прозвучал на совещании... А ведь к сказанному приходится хотя бы попутно добавить еще и вот что: можно ли, говоря о прозе советской, миновать обращение к наиболее характерным явлениям и тенденциям прозы за рубежом?

Возникает своего рода парадокс: груз историко-литературных забот приходится брать на себя самим прозаикам. В. Амлинский справедливо напоминал о писателях, чьи книги лет 30 и более назад продолжали значительную аналитическую работу, которую и сейчас следует продолжать (книги о рабочем классе А. Платонова, В. Пановой).

Актуально прозвучал призыв Л. Карелина, целостно исследовать творческую индивидуальность писателя в полном объеме пройденного им пути. Говоря о В. Катаеве, следовало бы связать творчество писателя 20-х годов и его новейшие искания. Критика же настолько увлеклась изобильным материалом прозы текущей, что и подобного рода отдельные выходы перестала осуществлять. А ведь познание закономерностей художественного развития немыслимо без целостного обзора литературного процесса, когда дается его хронологический срез от истоков до современности.

Даже в относительно просторные рамки заметок невозможно вместить все многообразие мыслей, прозвучавших на совещании. А говорилось здесь еще о «деловом человеке» и социалистическом реализме как открытой системе, о традициях классики и оперативности отклика на события, происходящие в мире. Как можно было понять из уже сказанного, не все вопросы нашли достаточное разрешение (что не только естественно, но и неизбежно). Ну что ж, как говорится, пленум кончился — дискуссия продолжается.

ВЕЧНАЯ ТЕМА — ПОЭЗИЯ. Николай Грибачев и Николай Старшинов

Фото А. КАРЗАНОВА

«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА»: БОЛЬШАКИ И ПРОСЕЛКИ

Близится к завершению дискуссия, начатая писателем А. Прохановым («ЛГ», № 37, 1979). Сегодня мы печатаем статью армянского критика.

Азат ЕГИАЗАРЯН

ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ

«Деревенская проза» — глубокое и сложное явление, по значению далеко выходящее за рамки деревенской темы. И не случайно, видимо, с самого начала дискуссии разговор о ней принял такой бурный характер, подтверждающий его насущность. В последних выступлениях участники дискуссии говорят преимущественно о перспективах деревенской темы, хотя, на мой взгляд, не проставлены еще все точки над «и» в осмыслении опыта, накопленного «деревенской прозой». А ведь только в свете этого опыта можно разглядеть пути и перспективы развития литературы о деревне.

Все очень просто для некоторых участников дискуссии: старая деревня — это косность и отсталость, и потому мы обязаны расстаться с научно-техническим прогрессом, который эту деревню разрушает. Владимир Корнилов удачно назвал подобные взгляды «традиционной оппозиционной схемой». Упрощенность ее как раз и мешает видеть общественную и эстетическую ценность «деревенской прозы». Но схемы очень живучи. Обвинения, содержащиеся в статьях А. Проханова и В. Коваленко, выдвигались в адрес «деревенской прозы» чуть ли не с самого ее появления. У нас в Армении, скажем, некоторые критики сразу заявили, что Грант Матевосян призывает современное общество «назад, к Цмакуту» (так называется горная деревушка в некоторых произведениях Матевосяна).

Все эти разговоры, по существу, сводятся к поискам прямого и даже механического соответствия литературы и закономерностей социально-экономического развития (не говоря уже о том, что результаты самого этого развития в деревне оказались неоднозначными). А между тем «деревенская проза» никак не укладывается в рамки такого соответствия.

Причем надо еще учесть, что все многие значительные литературные явления прямо не могут быть отнесены к «деревенской прозе», то они все же имеют с ней много общего. Скажем, Чингиз Айтматов никто не называет «деревенским» прозаиком. А я склонен думать, что он очень близок к «деревенской прозе». Говоря это, я имею в виду не только те его произведения, в которых описывается жизнь киргизской деревни, но и последние повести. Именно через «деревенскую» тему Айтматов вышел к легенде о Рогатой матери-оленихе к нивхской легенде (в повести «Белый пес, бегущий краем моря»). Эти народные предания могли бы жить только в отдаленных уголках в деревнях, не тронутых или почти не тронутых цивилизацией. Общность здесь отнюдь не поверхностная. Напряженные размышления о фундаментальных человеческих ценностях свойственны в равной степени и «ортодоксальным деревенщикам», и Айтматову.

Стоит обратить особое внимание на роль «отдаленных уголков» в творчестве Шукшина, Распутина, Матевосяна и других прозаиков. Суть тут не столько в географических расстояниях, сколько в качественных характеристиках.

Чуткий взгляд настоящего художника видит очень часто то незаметное или малозаметное, что в определенных условиях может оказаться средоточием «болевых моментов» жизни. Таким средоточием и оказалась уходящая деревня. Наступление машинной цивилизации, тотальная рационализация жизни, ее невероятно быстрый и все убыстряющийся темп разрушают не только то, что отстало, но и сложившуюся веками систему морально-этических ценностей. До поры до времени все мы были уверены, что уходит только устаревшее, отжившее свой век. «Традиционная оптимистическая схема» в сознании общества была преобладающей. Но оказалось, что это не так, что научно-технический прогресс ставит под угрозу и вещи, без которых нечеловеческая жизнь внешне стала более обеспеченной, внутренне обеднялся.

Именно в этих маленьких деревнях с особой силой чувствуется драматизм происходящей ломки большой, рационально организованный мир властно вторгается в патриархальный мир этих деревушек, создавая здесь своеобразные критические ситуации. Сталкиваются традиционная система ценностей и озабоченные иными проблемами цивилизация.

Критикуя «деревенщиков», их то и дело обвиняют в том, что они идеализируют старую деревню, не видят ее пороков. Особенно четко звучат эти обвинения в статье В. Коваленко. В одном месте он пишет: «Как жаль, что некоторых наших писателей и критиков ничто не смущает и не тяготит, когда они всматриваются в патриархальный быт прошлого». В том-то и дело, что «деревенская проза» изображает не просто патриархальный быт, не просто старую деревню, а ее исчезновение, ее уход, прощание с ней (название повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» в этом смысле символично для всей «деревенской прозы»). Эта своеобразная историческая ситуация ставит перед художниками задачи, которые гораздо важнее критики отсталости и косности старого быта. Столкновение нивелирующих веяний цивилизации и изначальных человеческих ценностей создает своеобразное поле напряжения, под действием которого психология взаимоотношений людей проявляет себя в новых формах по-новому, более интенсивно высвечивая эти ценности.

Одна из последних повестей Гранта Матевосяна «Мать едет женить сына» посвящена судьбе деревенской женщины. Героиня собирается в город, чтобы женить сына. За те несколько часов, пока она собирается в дорогу, перед ее глазами проходит все ее жизнь и в какой-то мере — жизнь всей маленькой деревни, где находится ее дом. В этих напряженных размышлениях-воспоминаниях много горечи и ни одной идиллической картины. Безрадостное детство, редкие минуты любви и годы трудной жизни в семье мужа, бесконечные ссоры с ним и свекровью, нескончаемые заботы — вот ее жизнь.

Эта женщина сама далеко не ангел, и вообще герои повести как и других произведений Матевосяна, не выглядят идеальными. Живут, трудятся, борются с невзгодами, растят детей, из-за мелких обид, из-за клочка земли могут годами изводить друг друга. Но есть в них одна черта, которая является их сущностью: эти люди не могут жить без своего крестьянского труда, смысл их жизни, существования — в нем. Живя трудно и далеко не радостно, они сохраняли верность своей доле, мыслимой ими как назначение и призвание, — возделывать свою скудную землю. Труд и привязанность к земле — главная добродетель такой «патриархальной» деревни.

Но вот перед ее жителями открылись новые возможности — зарабатывать деньги и жить в городе «сладкой» жизнью. Земля лишается своих тружеников, деревня — своих жителей. Родители остаются в деревне, сыновья, получившие образование или просто повидавшие свет, рвутся в город. И родители, и сыновья мечутся между двумя полюсами, которые правильнее определить не как «город» и «деревня» (ведь и в городе приходится трудиться — и героя это вполне понимают), а как «созидание» и «потребление» (что с деревней и городом соотносится весьма условно). Родители ближе к первому, сыновья — ко второму. И конечно, симпатии Матевосяна на стороне тех, кто остается со своей землей, со своими нелегкими созидательными буднями.

Не думаю, чтобы противопоставление этих полюсов потеряло свое значение в будущей литературе о деревне (и не только о деревне!). Так ли уж радикально меняется человек в новых условиях, создаваемых НТР? Есть вещи, которые не теряют своего значения, не должны потерять! И в этом отношении литература должна быть дальновиднее. Если бывший деревенский житель или коренной горожанин в опьянении от благ городской жизни считает «деревенские» ценности утратившими свой смысл, то литература вряд ли должна следовать за ними...

Вовлеченность деревни в круговорот большого мира обострает все ее проблемы. В этом круговороте симпатии Г. Матевосяна на стороне того бескорыстного созидания, которое было основой жизни в деревне и в котором так нуждается современность. Это — истина для всей «деревенской прозы», ничего общего не имеющая с пресловутой идеализацией.

Достоинство нашей литературы, доказательство ее жизненности в том, что она заметила процессы, происходящие в жизни современной деревни, и с большой художественной силой отобразила их. Развитие цивилизации не привело к моментальному исчезновению островков народной жизни, связанных с традициями, с освященными веками принципами и нормами. Запечатлев столкновение этих норм и новых тенденций, освоив и осознав сложные жизненные коллизии, «деревенская проза» тем самым отразила великую привязанность к первородным ценностям, ту тоску по ним, которая, можно сказать, стала духовным веянием последних лет. Причем предельность ситуации придала всему изображенному особую проницательность, огромную эмоциональную силу и глубину.

Тегз к вечным нравственным ценностям, как известно, в современном мире всеобщая. Но на Западе она превращается порою в громоздкие философские построения, заставляя писателей обращаться к далеким мифологическим схемам, к разным «архетипическим» конструкциям, потому что цивилизация там давно и безоглядно оторвалась от исконной народной жизни. Потому и западной литературе, даже самым талантливым ее произведениям, не хватает довольно часто дыхания живых традиций...

«Деревенская» тема неразрывно связана и с тем, что мы сегодня называем «проблемой окружающей среды». Патриархальная, отсталая деревня (говорю об отсталости без иронии, но современная жизнь научила видеть в старой деревне не только отсталость) так стихийно-бережно относилась к природе, что никаких проблем с «окружающей средой» не могло возникнуть. А сейчас мы специально занимаемся охраной природы, создаем всякие заповедники, и все равно разрушительные процессы остановить очень трудно, потому что современный человек отучился бережно относиться к природе... В том же номере «Литературной газеты», например, где напечатана статья А. Проханова, опубликовано и тревожное письмо академика ВАСХНИЛ П. Баранова о плачевном состоянии крымского ботанического сада и этот факт, как и многие другие, наверно, стоило бы учесть при рассуждениях о правде жизни и культуре.

«Деревенская проза» — бесспорное богатство. Ее раздумья — о самых современных, самых животрепещущих проблемах нашей жизни. Кроме того, она явила значительное разнообразие форм и стилей, великолепную художественную пластику в изображении характеров и окружающего мира.

Несколько лет назад сначала на армянском, а потом на русском языке вышел роман Мушега Галшояна «Горнило». Он был, безусловно, связан с традициями «деревенской прозы», однако были в нем и новые моменты, на которых стоило бы остановиться особо.

В романе изображается жизнь нового совхоза. Из старой деревни, на месте которой должно быть построено водохранилище, жителей переселяют в совхозный поселок. Они должны освоить новые земли, на месте каменистой пустыни разбить виноградники. Борьба с пустыней и стала стержнем романного повествования. Нельзя не отметить некоторую полемичность романа Галшояна по отношению к традиционной прозе о деревне. Если В. Распутина в «Прощании с Матёрой» занимают именно проблемы, связанные с уходом Матёры, то Галшояна интересует новый совхоз, будни и заботы людей, осваивающих целинные земли, творящих новую жизнь.

Тема созидания, труда — центральная для Галшояна, и здесь он близок как к Г. Матевосяну, так и к «деревенской прозе» в целом. Галшояновский герой не страдающий и рефлектирующий, и отнюдь не идиллический, но действующий, борющийся человек. Галшоян показывает реальный, тяжкий труд, когда буквально из камня рождается плодородная земля. Причем герои борются не только с пустыней, но и с самими собой. Это очень важный момент. Духовные поиски, стремление к нравственному совершенствованию так же важны в их жизни, как и создание сада на земле. Это единый процесс. Не случайно роман назван «Горнило» — в процессе труда закаляются и совершенствуются людские характеры. Проблема нравственных ценностей в романе Галшояна, как и в других произведениях «деревенской прозы», на первом плане.

Галшоян не отказывается и от мотивов прощания, запечатленных в образе одинокой старухи с болью расстающейся со старым домом, в образе пастуха, умирающего после того, как оставленное ему стадо перестает существовать. Эти мотивы, замечу, вновь ожили и в новом цикле рассказов Галшояна. И это, на мой взгляд, характерно. Талантливый писатель, прекрасно знающий современную деревню, вновь и вновь возвращается к осмыслению нравственного опыта уходящих поколений, что, несомненно, имеет большое значение и для более глубокого отражения новой деревни.

Однако роману Галшояна «Горнило» на мой взгляд, все-таки не хватило глубины осмысления поставленных проблем. Увлекшись идеей борьбы с пустыней он, пожалуй, слишком уж легко переселил своих героев в новый поселок, тем самым сгладив подлинный драматизм ситуации. Потому и характеры пострадали в своей художественной достоверности, а тема завоевания пустыни оказалась не раскрытой во всей жизненной сложности.

Необходимость нового поворота «деревенской» темы сегодня осознана, чему немало способствовала и дискуссия на страницах «Литературной газеты», ибо важность более широкого охвата нашей действительности, включения тех же деревенских будней в более широкий контекст современного мира. Но надо помнить и другое. Любое новое произведение о деревне неизбежно будет оцениваться на фоне «старой» «деревенской прозы» с ее высокой искренностью и цельностью художнического взгляда. Нам не обойтись без глубокого и полного осмысления ее опыта и уроков.

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

Как много посвящено женщинам — стихов и прозы, драм и песен. И нет таких слов самых красивых, самых возвышенных, самых проникновенных, которые не были бы уже произнесены. Мне легче говорить языком графики. Хотелось воспеть всю красоту души таких неизвестных и романтических литературных образов, как Джемма из «Овода», Ассоль из «Алых парусов», шекспировская Джульетта или Комиссар Всеволода Вишневского (именно иллюстрация к «Оптимистической трагедии» и воспроизведена сегодня в «ЛГ»). Стараясь изо всех сил, чтобы еще раз повторить — пером и кистью — лучшее, что сказано о женщине.

Эти работы вместе с другими, созданными за последние 20 лет, впервые на суд зрителей в выставочном зале на улице Горького в Москве.

Сева БРОДСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Инна РОСТОВЦЕВА

«Воспоминания об А. Твардовском». Издательство «Советский писатель», М. 1978.

ИЗВЕСТНО, что на вопрос, кто такой писатель, Томас Манн дал ответ: *тот, чья жизнь — символ.*

Приведя эти слова в своем эссе о Твардовском, современный поэт замечает: «Вот и жизнь Твардовского — символ, ибо то, что касается его, то касается многих. В этом смысле, будучи лириком, он остается эпическим поэтом» (Е. Винокуров).

Мы свидетели того, как на наших глазах эта формула наполняется глубоким человеческим смыслом, а сами «многие» предстают живыми людьми — со своим именем, судьбой, свидетельствами...

Только за последние годы были изданы солдатские письма к автору «Книги про бойца», напечатанные в периодике воспоминания о поэте М. Бажана, Мустая Карима, В. Шугаева, М. Алигер, Ивана Твардовского, В. Смирнова.

Сегодня можно взять в руки и специально подготовленный сборник «Воспоминания об А. Твардовском» («Советский писатель», М., 1978, составитель М. И. Твардовская).

...В любом символе всегда есть «теплота сплачивающей тайны» (С. Аверинцев) — она-то и свела под сводами этого сборника самых разных людей. Эта тайна — тайна самой личности Твардовского, ее значительности, незаурядности, при всем том сохраняющей неизменную сдержанность там, где дело касалось его внутренних душевных понятий.

Это почувствовал — в той или иной мере — каждый, кто общался с поэтом, и хотя назвал это свойство по-разному — «достоинством личности» (Г. Бакланов), «конечной, глубоко продуманной справедливостью к людям» (К. Симонов), удивительной особенностью «воздвигать невидимую стену между собой и собеседником, не допускавшую фамильярности, дурного панибратства» (О. Верейский), — суть его, на мой взгляд, верно схвачена в словах М. Бажана: «Поэт не очень охотно раскрывался перед собеседником во всем богатстве своей внутренней жизни» («Дружба народов», № 8, 1979).

Это диктовало и свои условия жанру воспоминаний — давая права, налагало на пишущего и определенные обязанности: охранить «окрестности» души этой «крупной, очень крупной личности» (Кулиев), «обнести» ее достойными словами.

«...Мертвые не чувствуют нашей любви к ним», — как-то заметил Андрей Платонов, но наша любовь должна быть достойна их памяти, а в случае с Твардовским, быть может, особенно, ибо она, эта память, была таким святым началом всей его поэзии.

Твардовский органически не терпел краснословия и краснобайства («я как кощунства — краснословья остерегаюсь, как беды»), остро чувствовал всякую фальшь, показуху, или, как выразился он в одном из своих писем, «пустоутробие». Вот почему многие «красные» слова, уместные разве что в юбилейной почте поэта, в сборнике его памяти выглядят назойливыми, тщеславно-крикливыми: обратите и на меня внимание, на мою личность. Становится как-то не по себе, словно стал невольным свидетелем ненужной сцены.

Увы, не только поэзия, проза, критика, но и мемуаристика накопила сегодня свои штампы. Когда автор воспоминаний хочет утвердить себя на фоне знаменитой личности, то — для контраста — очень выигрышно прибегнуть к какой-нибудь эпизодической фигуре, конечно, не столь находчивой и умной, как он. Или приписать — задним числом — поэту мысли, которых он не произносил, сочинив красивую легенду.

Как начинаешь ценить в таком случае простую и существенную оговорку мемуариста: «ручаюсь за смысловую точность его (Твардовского. — И. Р.) речи, но, к сожалению, не смогу теперь воспроизвести ее изустную (к этому определению Твардовский был явно расположен) прелесть».

Справедливости ради следует сказать, что Вячеславу Шугаеву, чьи слова я здесь привела, одному из немногих удалось передать «особый аромат» речи поэта, живые черты его внешнего облика («поярчел лицом»), привычек, поведения и, что важно,— сохранить для читателя внутреннюю правду художественного образа.

По собственному опыту человека, у которого было две встречи с Твардовским, знаю, как мучительно трудно рассказать о них, не погрешив перед истиной.

Ведь поразительно даже не то, что за свою не столь уж долгую жизнь поэт встретился со множеством людей — с ними свели его фронтовые дороги, узы товарищества, поездки в Сибирь, работа в журнале, — поразительно то, что каждому из них он отдал не случайно оброненные, первые пришедшие в голову слова (как частенько бывает), а — свою заветную, выношенную годами мысль, нелицеприятное суждение, значительный поступок, одним словом, масштаб своей личности.

...Это была сложная личность — и во взаимоотношениях с людьми, и в сфере литературных пристрастий. Пожалуй, ни в ком работа времени, самосознание времени не отпечатались столь ярко, как в духовном росте этой личности...

...Твардовский — отец и человек, потерявший маленького сына Сашеньку; какая нравственная высота в переживании горя и какая редкостная художническая зрелость в рассказе о нем в дневнике (а ведь ему всего 28 лет) — как тут низко не поклониться вдове поэта Марии Илларионовне, приоткрывшей нам впервые эту трагическую страницу из семейной жизни.

Твардовский на собрании смоленских литераторов (1928—1929), читающий одно из ранних своих стихотворений «Уборщица»; уборщица ставит не просто венские стулья, а стулья, еще теплые от только что сидевших на них людей. И — знаменитое место в «Василии Теркине», которое помянет не один автор воспоминаний: «люди теплые, живые шли на дно, на дно, на дно» — это Твардовский, умеющий извлечь слова из самых чутких глубин народной души.

Твардовский, открывающий для себя не только Пушкина и Некрасова, но и Тютчева и до конца дней — по свидетельству А. Македонова — не перестающий восхищаться «Одиночеством» Бунина, его искусством предметной психологической детали: «твой след под дождем у крыльца расплылся, налился водой...»

Твардовский в 1964 году, в Италии, на веранде отеля, до глубокой ночи обсуждающий вместе с режиссером Пазолини только что просмотренный фильм «Евангелие от Матфея». «Я слушал Твардовского, поражаясь его эрудиции, остроте ума и многогранности интересов», — замечает присутствовавший при этой беседе Микола Бажан.

Твардовский, незадолго до смерти перечитывающий дневники Льва Толстого (1895—1910 годы) и подчеркивающий особо остановившие его внимание мысли («Да ведь это не просто закладки и подчеркивания, это не только Толстого, но и его, Твардовского, мысли», — справедливо замечает автор воспоминаний и книги о поэте Алексей Кондратович).

Вот одна из этих мыслей: «Думал о славе людской. Есть в этой потребности доброго мнения о тебе — любви к тебе людей что-то непреодолимое и законное. И сейчас мне пришло в голову то, что насколько ложно, преступно желание похвалы, любви людей при жизни, настолько хорошо, добро, законно желание продолжения своей жизни в душах других людей после своей смерти».

Было бы неверно считать, что Твардовский при жизни не думал о том, чтобы оставить свой след на земле. Но только после смерти поэта нам стало в полной мере очевидно, насколько этот след был значителен.

Как о самом сокровенном рассказывают в книге писатели о том, что значила в их творческой судьбе встреча с Твардовским.

Василь Быков, тогда, по его собственным словам, автор двух-трех жиденьких книжонок, только что обретший свое литературное имя: «Он дал мне возможность выстоять в самый мой трудный час, пошатнувшись, вновь обрести себя и остаться собой».

Константин Воробьев: «...эти наши две встречи были замечательны и останутся памятны для меня до конца жизни. Речь тогда шла о моих труднопроходимых повестях, и то, что говорил мне Александр Трифонович, как говорил, насколько он помог мне жить и писать, передать в воспоминании не только трудно, но просто немыслимо».

Алексей Прасолов: «Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский».

Ловлю себя на мысли, как много еще невысказанного осталось за скупыми строчками признаний. Такие воспоминания надо бы давать с комментариями — и я уверена, эти комментарии будут бесценны, ибо откроют нам новые удивительные факты, свидетельства, истории к книге «Жизнь Твардовского».

Мне кажется, сочувствие к судьбе человека было воспитано в нем всем гуманистическим строем русской классической литературы, которую он не просто прочел, а впитал с детства.

Космонавт Виталий Севастьянов, размышляя о Чехове и об уроках его творчества, поделился одним своим наблюдением: «Раскрыл наугад томик собрания сочинений (Чехова — И. Р.) и читаю: «...бедняк, литературный неудачник и, кажется, алкоголик... нельзя ли сделать для него что-нибудь, помимо мелкой денежной помощи?» Как часто мы расщедриваемся, — с людьми, попавшими в беду, — на добро, которое нам обходится наименьшими усилиями». Справедливые слова!

Так вот, Твардовский не отпускал людям добро в «урезанном виде», маленькими порциями — он думал сразу о всей судьбе человека — жизненной и творческой. Он отдавал себя людям — всего, без остатка, и мера этой личности сразу же ощущалась людьми. Такими, как шофер Комарсв или старик — хранитель ключей от Александровского Централа в Сибири (о них тепло рассказал в своих воспоминаниях Николай Печерский). Или простыми солдатами, для которых знаменитый автор «Василия Теркина» и его герой не разошлись в главном — «в правде сущей, правде, прямо в душу бьющей».

Жаль, что в книгу воспоминаний не вошли наиболее интересные из писем этих читателей к Твардовскому (жанр сборника не пострадал бы), ибо именно в них — продолжение жизни поэта уже на грани легенды, символа.

...Однажды у меня на работе раздался телефонный звонок, и незнакомый голос произнес: «Я Родин». В первую минуту я не могла сообразить, кто же такой Родин, а когда поняла, то не могла справиться с волнением.

Это был старший сержант Александр Родин, который в 1944 году послал письмо автору «Книги про бойца» — цитату из него я привела в одной из своих статей, опубликованных «Литературной газетой». Это был человек, пришедший из легенды, оттуда, где «люди теплые, живые шли на дно, на дно, на дно», выживший «под огнем косым, трехслойным, под навесным и прямым».

Он откликнулся на имя — Твардовский, имя поэта и человека, чья жизнь стала лучшим комментарием к его творениям, а творения — лучшим продолжением его жизни.

СРЕДИ КНИГ

«...МЛАДОСТИ МОЕЙ МЯТЕЖНОЕ ТЕЧЕНЬЕ»

Н. Эйдельман. «Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений». Издательство «Художественная литература». М. 1979.

КОГДА, казалось бы, уже каждый год жизни Пушкина обстоятельно изучен, когда работы, посвященные биографии поэта, не оставили будущему пушкинисту надежды на открытия, и три четверти XX века, прошедшие под знаком все растущей популярности имени Пушкина, присвоили себе право сказать: благодаря нам будущие века будут знать все о поэте ясно и полно — Пушкин вдруг стал удивлять почитателей его гения нежданным блеском новых граней и своего дарования, и своей биографии — событийной и душевной, и оказалось, что многое нужно бы перечитать и переосмыслить.

Вот новая книга Н. Эйдельмана «Пушкин и декабристы».

Широкий круг событий, явлений политической и духовной жизни, тайных и явных бумаг, стихов и «Записок», исторических исследований и свидетельств очевидцев соединяет автор. Читатель приглашается к медленному, «пристальному» чтению пушкинских текстов поры, простирающейся от первой южной ссылки до окончание ссылки в Михайловском, той, что сам поэт определил: «...младости моей мятежное теченье». Соединение давно известных и совершенно новых фактов, обращение к черновикам, гипотезы, доказанные или требующие доказательств, но уже доверенные нам, доверенные без напористости, в как повод к размышлению, открытие новых слоев в сочинениях, письмах, записках, расшифровка тайных знаков, оставленных Пушкиным в рукописях, — вот что скрывается в подзаголовке книги «Из истории взаимоотношений», в авторском призыве вместе с ним читать «пристальное». «В данной книге, — пишет автор, — использованы материалы десяти архивных хранилищ: выявлены некоторые новые документы о Пушкине и его южных друзьях, об отношениях поэта с декабристами, об угрозах, преследованиях, гонениях... В то же время на страницах этой работы не раз предпринимаются попытки «медленного чтения» хорошо известных текстов, следования за мыслью поэта, проникавшей сквозь таинство своего времени ко всем временам».

В книге три части: «Юг», «Пущин—Пушкин» и «Михайловское». «Южное пушкинское время» — четыре с небольшим года Н. Эйдельман рисует как пору резких контрастов с предыдущей жизнью — смена положения в обществе, смена географических координат, смена круга людей и круга отношений. Построчно рассматривая загадочное сочинение южной поры «Заметки по русской истории XVIII века», как принято называть сжатый очерк А. С. Пушкина, вместивший на шести двойных листах острую характеристику российской действительности от времени Петра I, которым «...связи древнего порядка вещей были прерваны навеки», до царствования Екатерины II, которое «возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо на нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве», писатель-историк вводит нас в круг кишиневских друзей и знакомцев поэта, не заключая, однако, биографии этих людей в жесткие рамки кишиневского быта. И нежданно события жизни И. Липранди, Н. Алексеева, попытка реконструкции их утерянных воспоминаний, исследование рукописного сборника Н. Алексеева, который начинается копией пушкинских «Заметок», наконец, история появления самой рукописи и ее копий в Пушкинском Доме создают тот перенасыщенный раствор, в котором кристаллизуется мысль: судьба изгнанника, вырвешая поэта из привычного мира, связь с декабристами, взбудоражившие мысль европейские революции, близко принятые к сердцу юным кишиневским мыслителем, — все это, помноженное на ясновидение таланта, привело Пушкина к столь зрелому взгляду на связь времен.

Неоднозначность отношения к Пушкину декабристов, сближения и удаление, не только пространственное, напряженный спор о поэте между И. Пущиным, сохранившим юношескую лицейскую приязненность за тридцатилетними решетками изгнания, и И. И. Горбачевским, знающим Пушкина-человека лишь со слов одесских клеветников, попытка выяснить, кто же эти клеветники, чьи «иглы тайные» были столь ядовиты, что в первые михайловские месяцы опальный поэт подумывает о самоубийстве, и при этом «пристальное чтение» стихов, прозы, писем той поры — сквозь пелену веков отыскивает Н. Эйдельман связи, скрепляет их размышлениями, сопоставлениями, комментарием, заставляя напряженно работать и читательскую мысль. Представляется, что особенность стиля книги «Пушкин и декабристы», как и вообще стиля историко-литературоведческих книг Н. Эйдельмана, как раз и состоит в том, что в нем всегда есть рядом с глубиной исследования, новизной мысли еще и вот его уважение к читателю, ради которого не разжижается, а увеличивается «плотность материала».

Так читаем мы с автором, его глазами, стихи «Андрей Шенье», «Записки о Пушкине» И. Пущина, так вникаем в литературную полемику между Пушкиным и Рылеевым, так приходим к тем дням, когда «тучи грозовые» начинают сходиться над поэтом. Здесь автор соединяет все упоминания о Пушкине в следственных бумагах декабристов с историей таинственного ордера № 1273, выданного летом 1826 года агенту Бошняку «...для взятия и доставления по назначению, в случае надобности при опечатании и забрании бумаг, одного чиновника, в Псковской губернии находящегося...».

Очерки, написанные с научной добросовестностью историка, аналитическим мастерством литературоведа, страстностью публициста и в увлекательной манере, близкой к эссе, сливаются в единую, цельную книгу. Дочитав ее до последней строки, начинаешь открывать ее снова и снова, чтобы еще раз вернуться к отдельным страницам.

Мари СЕРГЕЕВ

В НАПРЯЖЕНИИ ПОИСКА

Нуры Байрамов. «Чудо в пустыне». Стихи. Перевод с туркменского Н. Панченко. Издательство «Советский писатель». М. 1978.

НУРЫ БАЙРАМОВ уже два десятилетия работает в литературе, он не только поэт: туркменским читателям хорошо знакомы его журналистские, публицистические произведения. Пульс современной жизни остро чувствуется и в его стихах. Творчеству туркменского поэта прежде всего присуща черта, характерная для сегодняшнего состояние поэзии его республики, — напряженный поиск новых путей стихе, не которых можно было бы передать изменения в психологии земляков-современников, показать особенности жизни древнего народа, проявившиеся в последние десятилетия. Отсюда острый психологизм строк этой книги, ее горячее лирическое дыхание.

«...Дрожит мое сердца — людское в нем зыблется горе, — как земля от толчка, содрогаюсь испуганно весь...» — говорит поэт, страстно переживающий беду братского народа — ташкентское землетрясение. Эта интернационалистская нота подчеркивает главный мотив творчества Нуры Байрамова, его убежденность в том, что художник должен отзываться на все, что происходит в сегодняшнем мире, быть сейсмографом радостей и бед людских, проникать в глубины духовного мира современника, создавать его точный и правдивый портрет. «Пусть прямо из сердца — смыслом! — возникнет строка поэта, обнимет художних дали, но только — не в полкрыла», — так пишет он в своем лирическом репортаже «Чудо в пустыне», давшем название сборнику. Пустыня, каракумский песчаный простор — непременный «герой» в творчестве всех туркменских поэтов. Но Н. Байрамов сумел найти свои, новые и свежие краски и образы в стихах о крае, где он родился и вырос. Любой уголок земли прекрасен и дорог, если сердце предано ему. Потому и край песчаный чудесен для влюбленных в него. Пустыня в стихах Н. Байрамова как бы очеловечена, одухотворена, в ней зримо ощущается присутствие людей, преображающих ее, питающих ее водой. А с другой стороны, лик человека, взаимоотношения людей, их чувства и мысли поэт передает чаще всего именно через образы природы родного края.

Н. Байрамов известен у себе на родине как художник смелого эксперимента, опирающегося на точное знание и использование традиций восточной классики. Эти особенности, определяющие его стиль, нашли отражение и в переводах. Надо признаться, что здесь не обошлось без потерь, порой весьма досадных (так, неудачным представляется мне перевод стихотворений «Наше солнце», «Объездке лошадей», «Морщины», «Река» и, как ни печально, «лирического репортажа», давшего название сборнику. — «Чудо в пустыне»). Но в целом Н. Панченко дал немало образцов пластичной и яркой работы над переводами стихов Н. Байрамова. Он использует богатые средства русской поэтики для воссоздания сложных вариантов стихотворной техники туркменского коллеги по перу. Но и работая в традиционных размерах и ритмах, русский поэт нередко добивается емкого и пластичного звучание строк, органичной передачи мыслей и чувств лирических героев Н. Байрамова. Ответственность художника, проявившаяся в лучших произведениях туркменского поэта, выражена и в работа его переводчика.

Не надо легкости... Но этот —
Из бурь, сражений и огня! —
Но тяжкий труд — удел поэта! —
Пусть взвалит время на меня...

— пишет Н. Байрамов о долге художнике слове. Тревоги, радости и свершение его современников и сограждан определили главную тему его творчества, стали основой этой книги.

Ст. ЗОЛОТЦЕВ

РАДОСТНОЕ СОЛНЦЕ

Георгий Ладонщиков. «Солнце землю радует». Стихи. Издательство «Малыш». 1979.

В СБОРНИК «Солнце землю радует» Г. Ладонщикова вошли стихи поэта, получившие всесоюзное признание, и те, которые родились совсем недавно и в прежние его книги не включались. Сравнивая стихи давних и недавних лет, с радостью отмечаешь — Георгий Ладонщиков не изменил себе, своему призванию, своей верности весеннему и беспокойному племени мальчишек и девчонок. Более того, новые стихи поэта не только успешно соревнуются со стихами, вошедшими в школьные хрестоматии, но подчас и одерживают верх над ними.

Поэт стремится выйти за рамки традиционных тем, поставить в своих стихах проблемы, которых прежде не поднимал, обходил стороной или же, в лучшем случае, касался мимоходом. Вот на эти стихи мне и хотелось бы обратить внимание читателей прежде всего. «Трудный вопрос» — так озаглавлено одно из них.

От имени маленького мальчика поэт говорит:

Часто взрослые всерьез
Задают такой вопрос:
«Кем ты, мальчик, хочешь стать?»
А я не знаю, что сказать.
Я, наверно, не дорос,
Чтоб ответить на вопрос.

Читаем стихотворение дальше и убеждаемся: нет, малыш вовсе не такой уж простак, он человек мыслящий и не хочет решать все вопросы с бухты-барахты, наспех. Он знаком с малярм дядей Васей, «что на кухне стены красил», с дедушкой-машинистом и соседом-врачом, знает, что есть и другие хорошие профессии — шахтер, монтер, продавец, кузнец... Но одно дело — знать, другое — самому испытать, на что ты способен. Мальчик сам желает испробовать все своими руками, а затем решить, какая работе ему по душе:

Если б все работы эти
Удалось мне испытать,
Вот тогда бы я ответил,
Кем хочу я в жизни стать!

Среди действующих лиц сборника немало птиц и животных. Стихи эти похожи на басни. Мораль их проста и доходчива. Маленький читатель без труда найдет сходство между капризным бычком и малышом Тимошкой, который каждый раз со слезами отправляется в детский сад («Капризный бычок»), между хвастливой сорокой и мальчиком, бойким на словах и трусливым не деле («Случай на вяхе»), между задиристым козлом, который ото всех требует почтительного уважения к себе, и драчливым школьником («На узкой дорожке»).

И самое главное, что стихи поэта учат видеть необычное в обычном:

Над рекою встала аркою,
Опершись на берега,
Заслонив тучу, яркая
Семицветная дуга.
Дождь цветной
На землю падает
С поднебесной высоты.
Это солнце землю радует,
Солнце дарит ей цветы!

Веселую, солнечную книгу подарил юным читателям поэт Георгий Ладонщиков. Она, как семицветная радуга, несет радость детям.

Вл. РАЗУМНЕВИЧ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Я. Я. КРОССУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по эстонской литературе направили Яану Яановичу Кроссу приветствие, в котором, в частности, говорится:

«За четверть века творческого пути Вы показали себя талантливым поэтом и проваинком, критиком, очеркистом и публицистом, блестящим переводчиком со многих языков.

Ваши стихотворные книги «Обогатитель угля», «Каменные скрипки», «Песни на баке», «Дождь творит забавные вещи» и «Поток и трезубец» (удостоена литературной премии имени Ю. Смуула) отмечены высокой поэтической культурой, проникнуты верой в силу разума, утверждают идеи исторического прогресса, неизбежность торжества социализма. Ваши стихотворения и поэмы сыграли важную роль в обновлении эстонской поэзии в шестидесятые годы. В значительной мере благодаря им в поэзии утверждаются новые поэтические тенденции: интеллектуальное начало, ассоциативность мысли и образа, свободный стих, опирающийся на народную поэзию. Ваши сборники на русском языке «Зарубки на скалах» и «Каменные скрипки» были тепло приняты многонациональным читателем нашей Родины.

Приход в прозу им был для Вас случайным. В Ваших широко известных и признанных у нас в стране и за рубежом романах и повестях «Четыре монолога по поводу Святого Георгия», «Имматрикуляция Михельсона», «Небесный камень», «Час на стуле, который вращается», «Императорский безумец» и др., в эпической тетралогии «Между тремя повертиями» нашли высокохудожественное, социально-историческое отражение Ваши раздумья о судьбах родного народа на протяжении истории, о выпавших в прошлом на его долю тяжких испытаниях, о судьбе талантливых выходцев из числа эстонцев, закладывавших основы национальной культуры.

Создавая собственные произведения, доводя до эстонского читателя на его родном языке таких мастеров мировой культуры, как Шекспир и Гейне, Мадач и Верхарн, Вехер и Брехт, русских поэтов XIX и XX веков, Вы много сил отдаете литературно-общественной деятельности, являетесь секретарем Союза писателей Эстонии».

■

Одной из главных черт человеческого и творческого облика Яана Кросса является серьезность. Он серьезно писал и пишет стихи, серьезно занимался переводом (Шекспир), а серьез обратился и прозе. В каждую из названных отраслей литературы он внес нечто основательное, прочное, рассчитанное на долгое время.

Яан Кросс никогда не спешил. Не торопясь писал свои стихи, не торопясь проникал в таймы Шекспира, медленно приближался к отечественной истории, которая стала главным содержанием его прозы.

Так же медленно и основательно пришла к нему известность, пришел читатель, образовалось в эстонской литературе, а теперь, можно сказать, и во всей советской литературе некое «пространство Кросса», его тема, его интонация.

Я уверен, что много теряют (или много приобретают) при переводе только плохие писатели. При всех условностях художественного воссоздания в переводе остается главное — направление мысли, особенности решения темы, ум, характер, композиционное решение и многое другое. В «пространстве Кросса» все это содержится, потому он и обрел разноязычного, многонационального читателя в нашей стране и за рубежом.

Я люблю не только Кросса-писателя, но и Кросса-человека, в котором серьезность и основательность сочетаются с юмором и иронией, придающими его речи и облику особую негромкую и приятную в общении интонацию.

Яану Кроссу шестьдесят лет. Не без некоторой печали поздравляем мы, ровесники, друг друга с этой весомой датой. Вместе с тем сознавая, что есть с чем поздравить, что есть чего ожидать. Что пришел возраст зрелости, мастерства, свершений, возраст ученников.

Несколько лет проведя в Эстонии, я знаю, с каким уважением и любовью относятся к нему читатели, которым повезло знать Кросса на родном языке.

Наверное, многие из этих читателей присоединятся и моим поздравлениям и пожеланиям доброго здоровья, счастья и творчества прекрасному писателю Яану Кроссу.

Д. САМОЙЛОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

РЕПЛИКА

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ КУПЛЕТЫ?

Читатели январского номера «Мурзилки» получили в подарок песню Ю. Чичкова на слова Я. Халецкого «Из чего же, из чего же...». Цитирую: «Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки? Из веснушек и хлопушек, из лимонов и батареек сделаны наши мальчишки! Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки? Из цветочков и звоночков, из тетрадок и переглядок сделаны наши девчонки!».

Говорят, эту песню всюду поют по радио. Заучат они и на театральных подмостках — слова Я. Халецкого. А я вспоминаю много автора, и поскольку память — непрочный инструмент, беру с полки первый том сочинений С. Я. Маршака (ГИХЛ, 1957) и открываю страницу 357. Вспомним детство наше и детство наших детей и порадуемся вместе:

МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ

Из чего только
сделаны мальчики?
Из чего только
сделаны мальчики?
Из колючек, ракушек
И зеленых лягушек.
Вот из этого
сделаны мальчики.

Из чего только
сделаны девочки?
Из чего только
сделаны девочки?
Из конфет и пирожных,
И сластей всевозможных.
Вот из этого
сделаны девочки.

Это из раздела, который С. Я. Маршак скромно озаглавил «Детские песни и прибаутки разных стран и народов». С микроскопической долей вероятности можно предположить, что норифей перевода сделал что-то не так, и Я. Халецкий заново перевел народную песенку острова Альбиона. Но почему же он на ее народность не сослался?

С той же долей вероятности можно предположить, что Я. Халецкому ни разу в жизни не попадалось общеизвестное произведение. Но как выглядят дяди и тети из «Мурзилки»? Печатают посредственную копию того, что не просто общеизвестно, а давно и навсегда вошло в золотой фонд детской литературы...

Вот из чего сделаны куплеты Я. Халецкого на музыку Ю. Чичкова, печатая которые журнал «Мурзилка» вводит в заблуждение около золотой миллионов своих подписчиков.

Олег ДМИТРИЕВ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через «Литературную газету» сердечно, горячо поблагодарить всех, кто поздравил меня с 50-летием и высокой правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

Л. ЛАВЛИНСКИЙ

Замечаю, что из критических статей «ушли» или «уходят» некоторые понятия, термины. Как, например, понятие «положительный герой». Что оно, устарело? Или не отвечает новым требованиям при оценке личности литературного персонажа, что, кажется, связано с убеждением, будто современный человек должен быть необыкновенно «сложен».

Но вот что, хотелось бы знать, понимается в данном случае под «сложностью»? Боюсь — как это ни звучит парадоксально! — отсутствие у героя цельного, определенного характера, даже, если угодно, выстраданности собственных убеждений, мировоззренческой позиции. Неужели СЛОЖНОСТЬ равнозначна «душевной смуте», которую кое-кто не прочь считать «диалектикой души», исключающей такие черты поведения героя, как, например, нравственный максимализм?

Разумеется, положительный герой в литературе 30-х годов и в сегодняшней литературе — не одно и то же. Об этом справедливо говорил на заседании за «круглым столом» («стол» этот так и назывался — «Положительный герой сегодня и завтра») критик Б. Анашенков. Кстати, этот разговор, опубликованный на страницах «ЛГ», и подтолкнул меня обратиться в вашу газету.

А еще раньше в «Правде» я встретила выражение «обаятельный положительный герой». Насколько точно оно отвечает моему желанию почаще встречать именно такого героя в литературе! Я уверена, не только моему. Кажется, В. Овечкин сказал, что литературу донимает тоска по хорошему человеку. Я бы добавила: по героической личности, готовой на подвиг. Таких людей немало в жизни. Но создается впечатление, что некоторые писатели стесняются их изображать, боясь, может быть, обвинений в одномерности, примитиве, или просто не видят их, не хотят видеть.

Каков же он, «герой нашего времени»? Почему я не чувствую, что задача показать его стоит перед современной литературой так же остро, как она стояла во все времена?

М. БЕЛОВА,
инженер-конструктор
МОСКВА

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

«...ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ»

С просьбой ответить на этот вопрос читатели обратились к известному прозаику, автору книг о людях с героической судьбой Виктору Тельпугову.

Уважаемая товарищ Белова!

Вы совершенно правы, из литературно-критических статей последних лет как-то незаметно «ушли» или «уходят» некоторые понятия и термины. Например, почти начисто исчезла формулировка «положительный герой». Дело, разумеется, не в терминах, не в формулировках. Но в то же время «уходят» или «приходят» они отнюдь не случайно. Всякий раз появление или исчезновение того или иного термина в какой-то мере отражает состояние литературного процесса. В наши дни невольно задаешь себе вопрос: почему, действительно, в книгах, пьесах, кинофильмах на смену героям подчас приходит «антигерой»?

Это бросилось в глаза не только вам, товарищ Белова. На подобное явление обращают внимание другие читатели и зрители. Недавно на страницах «Литературной газеты» было опубликовано письмо Ф. Ридоша из города Кемерово. Он пишет: «Мы, зрители, благодарно принимаем остроту конфликтов, сложность в отображении борьбы. Но хочется увидеть и героя «без страха и упрека». У меня в связи с этим в памяти возникает «Председатель». Михаил Ульянов показал прекрасной души человека, преданного делу бесконечно и умеющего его довести до победы. Он заражал людей верой в себя, в их силы, в новую жизнь. Если бы иным руководителям с их образованностью и компетентностью дать такую страсть! Для этого, правда, художнику надо поглубже «влезть в жизнь», в ней разведать характеры и типы, способные увлечь жаждой победы и умением ее добиться».

В сетованиях товарища Ридоша содержится ответ на обсуждаемый нами вопрос. Вслушайтесь: «...поглубже «влезть в жизнь», в ней разведать характеры и типы, способные увлечь жаждой победы...».

Горький совсем не случайно называл себя «человекопоклонником». Он всегда искал и находил в жизни людей, которым можно и должно отдать дань уважения. В докладе на Первом съезде писателей он с особой страстностью подчеркивал: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради его победы над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью». Весь опыт развития советской литературы говорит о том, как точно и как верно это сказано на самой заре нашей социалистической культуры. Да возьмите любое из лучших произведений нашей литературы, в том числе и последнего времени: в центре любого из них — образ героя, которого так и хочется назвать обаятельным.

Конечно же, «положительный герой» и в жизни, и в литературе — явление вовсе не одномерное, не однозначное. Более того — он чаще всего не существует в совершенно «готовом виде». Для того чтобы стать самим собой, ему надобно порой сладить и с самим собой, побороть свои слабости, но в конце концов непременно выйти победителем из этой схватки. Только тогда он и становится подлинным героем. Героем с большой буквы.

В разных книгах разных писателей, как и в самой жизни, он поставлен в разные обстоятельства, но он всегда целеустремлен, предан делу и долгу, которому служит. Так всегда было, есть и будет в нашей литературе, в наиболее значительных ее проявлениях. Но вопрос, повторяю, вами задан не праздный, и сетуете вы не понапрасну. Тенденция к дегероизации действительно просматривается в иных произведениях, посвященных современности.

На сцене одного из московских театров уже второй сезон идет пьеса молодого драматурга. Пьеса острая, интересная, талантливая. В разговоре с автором я сказал ему и об остроте его произведения, и о том, что смотрится оно с волнением. Он слушал меня внимательно и в конце беседы спросил, какие, мол, есть недостатки. Я сказал, что при всей талантливости пьесы, изображающей теневые стороны нашей жизни, мне не хватает противовеса. Драматург не понял меня. Я пояснил свою мысль, сказал ему о положительном герое. Он решительно возразил: «Положительный герой? А я сам? Какой еще вам нужен положительный герой? Автор, его позиция — разве это не «противовес»? Вам мало того, что я осуждаю отрицательные явления и их носителей?»

Слов нет, от авторской позиции зависит многое. И это хорошо, что автор осуждает все отрицательное, негативное в жизни своих персонажей, что он сам становится одним из действующих лиц, одним из героев своего произведения. Но иногда этого мало, иногда, и очень часто, хочется большего. Хочется увидеть взятого из жизни человека, противостоящего всему тому негативному, с чем он встретился на жизненном пути, увидеть его в освещении не отраженном, а глаза в глаза, ощутить его не зашифрованным, а наблюдать его мысли и поступки в таком же сконцентрированном виде, в каком наблюдаем мы поступки и мысли людей недостойных, людей с червоточинкой, а те и вовсе никчемушних.

Г. Марков в своем выступлении на VII Всесоюзном совещании молодых писателей говорил об ошибочности мнения, будто талант в полной мере раскрывается лишь на негативном материале. «Весь опыт советской литературы, — подчеркнул он, — показывает, что истинную силу она набирала на изображении героизма нашей эпохи, на воссоздании образа человека — строителя нового мира. Мы живем в такое время, когда и характер героизма, и характер его конкретного выражения обогатился, усложнился и требует от писателя огромной затраты таланта и ума, досконального знания сферы, за показ которой берется писатель. Проблема художественного раскрытия нашего героя всегда была для советской литературы первостепенной, такой остается она и сегодня».

Тут, разумеется, надо резко разграничить произведения сатирические и несатирические. В произведении сатиры, в гротеске, может быть целое скопление носителей зла, порока при полном отсутствии людей иного плана. Тогда основная нагрузка падает на авторскую позицию. Но у нас речь идет совсем о другом — о том, что отнюдь не сатирические произведения иногда населены и даже перенаселены людьми без ясной цели, без четких нравственных принципов. Это огорчает и настораживает.

У меня есть друг, с которым я прошел войну. Он был на фронте парашютистом, а сейчас работает учителем в селе Нива-Трудовая на Днепропетровщине. Его зовут Яков Федорович Дашко. Мы часто переписываемся. В одном из последних писем Якова Федоровича есть такие строки: «Вы, писатели, должны активнее помогать нам, педагогам. Давайте нам побольше книг, в которых действовали бы настоящие герои, такие, какие были в нашей первой роте, какие сейчас живут и работают и в нашем селе — и молодые, и не совсем молодые. Покажите во весь рост человека хорошего». Якова Федоровича, думается, не устроит одна авторская позиция. Ему подай да еще крупным планом, героя, а не «антигероя».

Есть у меня другой друг — канадский писатель Дайсон Картер. С ним мы тоже много лет переписываемся. А недавно Дайсон побывал в Москве, и мы повидались. Человек этот не только мой личный друг — он друг Советского Союза.

Внимательно следит Д. Картер за советской литературой, лучшие образцы ее пропагандирует в редактируемом им журнале «Северные соседи», содействует переводу наших книг в Канаде. В первую очередь тех (Дайсон специально подчеркивает эту мысль), которые наиболее активно формируют сознание современной канадской молодежи на примерах служения целям мира, разрядки, социального прогресса. Его, как я понял, тоже интересует и увлекает не только авторская позиция, но и обязательно непосредственные герои, выведенные автором. Какие они? Что и как исповедуют? Что в мыслях и действиях их можно поставить в пример молодым канадцам?

Дайсон Картер спросил меня, почему я много пишу о рабочем человеке и о солдате. Откуда я беру материал? Был ли сам рабочим? Воевал ли? Я сказал ему, что стал писателем благодаря тому, что был рабочим и был воином. В рабочей и военной среде нашел таких людей, которые тронули меня своим благородством, своим не бросающимся в глаза героизмом, своей человечностью. Я рассказал Дайсону про старого наборщика Костромина, работавшего в газете «Правда» еще в тридцатые годы. Случилось так, что Костромину довелось набирать те номера газеты, в которых публиковались бюллетени о состоянии здоровья Горького, когда тот тяжело заболел. Однажды, прочитав текст очередного, особенно мрачного бюллетеня в мокрой, только что оттиснутой полосе, Костромин сказал дежурному по номеру: «Этого нам печатать нельзя». «Как нельзя?» — удивился дежурный. «Так, нельзя. Горький, как бы ему ни было плохо, каждый свой день начинает с чтения «Правды». Представляете, как подкосит его такое сообщение!» Дежурный задумался: «Что же вы предлагаете?» — «Нужно для Горького печатать отдельный номер, без бюллетеня. Не простая это штука, но возможная». И своего Костромин добился. Дошел до редактора, доказал. А утром Горький читал специальный номер «Правды», где вместо бюллетеня о тяжелом его состоянии была заверстана заметка о том, что сооружение новой домны в Донбассе приближается к концу, и больному стало лучше.

— Вы написали об этом наборщике? — спросил меня Дайсон.

— Не мог не написать. Рассказ называется «Матвеич». Он вошел в мою первую книгу.

— Действительно, такой человек не может не вдохновить! — согласился Дайсон. — Ну, а на фронте тоже много было людей вот с таким пониманием своего человеческого долга?

— Один из моих военных рассказов называется «Песнь о героях». Это не только название конкретного рассказа — это моя творческая позиция. Меня окружали люди действительно героические, и я считаю своим долгом рассказывать о них молодежи нынешней — чтобы ей было у кого поучиться мужеству, стойкости, верности своему народу.

— События, о которых вы рассказываете, относятся только к прошлому или к настоящему тоже? — задал Дайсон еще один вопрос.

— В каждом новом рассказе я стараюсь показать перекличку поколений, нарисовать образы современных рабочих и нынешних защитников Родины, раскрыть их моральные качества. Недавно во время поездки в Сибирь я познакомился с молодой ткачихой из города Канска. Ее зовут Нина Михайловна Веселкова. Молодая женщина отлично работает, стала лауреатом Государственной премии СССР. О своем городе, о своих товарищах говорит с гордостью человека, знающего цену труду, и труду довольно тяжелому: «Мы делаем хлопчатобумажные ткани, производим станки, добываем и обрабатываем древесину и сами строим завтрашний город. Я думаю, что тем, кто примет у нас эстафету, не будет стыдно за своих отцов и матерей. Посмотрите на наш комбинат, на его людей. Готовясь достойно встретить 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, пятьдесят моих товарищей уже справились с заданиями 10-й пятилетки. Я взяла обязательство к юбилею Владимира Ильича выполнить три пятилетки».

Цифры, скажет кто-нибудь. Да, цифры, но какие! За ними подлинно трудовое вдохновение людей. Мы в этом убедились воочию. Нина Михайловна при всей своей загруженности на работе много читает. Когда мы стали прощаться, я спросил, не нужно ли ей что-нибудь в Москве. Она сказала: все у меня есть. Сибирь — богатейший край, вы сами это видели. А вот книг хороших не хватает. Если можно, пришлите, пожалуйста. И в руках у меня оказался целый список произведений, которые в первую очередь хотела бы иметь в своей личной библиотеке Нина Михайловна. Конечно, по приезде домой я стал отправлять в Канск бандероли. Пришли и первые письма от Нины Михайловны. Главная мысль в них все та же, что и в письмах Я. Дашко, и в словах Дайсона Картера: побольше пусть писатели рассказывают о благородных, обаятельных людях.

А что касается задачи создания полнокровного образа героя нашего времени, то она стоит сейчас так же остро, как и всегда, и, может быть, даже еще острее, чем когда-либо. Случается, создается такое впечатление, словно некоторые из писателей как бы стесняются изображать героическую личность, опасаясь, может быть, упреков в одномерности, однолинейности, что ли. Одномерность и однолинейность, конечно, не нужны, они просто противопоказаны литературе. Речь идет именно о правдивом, честном показе человека с его недостатками, срывами, ошибками, но и с его стремлением стать лучше, совершеннее, чище, выше, если хотите. Эта задача снова и снова встает перед нами всеми и перед каждым из нас во весь свой рост.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Павло Загребельный

Фото А. КАРЗАНОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. С. САФАРОВУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по узбекской литературе направили Назиру Сафаровичу Сафарову приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, народного писателя Узбекистана, со славным юбилеем.

В Вашем лице мы приветствуем одного из замечательных писателей Советского Востока, чей самоотверженный труд и вдохновенное слово отданы партии и народу.

Публицистическую страстность, умение видеть за фактом повседневности явление истории, документальную достоверность повествования — эти качества, сплавленные с опытом жизни и высоким литературным мастерством, сохранили Вы на протяжении всей своей творческой биографии.

От одной из первых книг «Незабываемые дни» прошли Вы через большую жизнь партийного работника, журналиста, фронтовика к лучшим своим произведениям, романам «День проклятий и день надежд» и «Навруз» — многоплановым художественным полотнам, в которых с эпическим размахом и глубокой психологической убедительностью отображена борьба трудящихся Туркестана за светлое будущее, за торжество идей социализма.

Названия Ваших пьес «Пробуждение», «Заря Востока», «Кому горе, кому счастье», «Школа жизни», «Лукаш-батыр» не сходят с театральных афиш, привлекая зрителей верностью исторической правде, высоким интернационализмом, живыми образами бойцов революции, героев войны, наших современников.

Ваши очерки, рассказы, повести, романы и пьесы — это гимн советскому человеку-созидателю, преобразующему землю».

А. М. ДАРБНИ (МНАЦАКАНЯНУ) — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по армянской литературе направили Аршавиру Михайловичу Дарбни (Мнацаканяну) приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, видного армянского поэта и прозаика, с семидесятилетием со дня рождения.

Более сорока лет Вы преданно и плодотворно служите современной армянской литературе. Из созданных Вами за это время многих произведений — рассказов, стихов, пьес и басен — наибольшим и заслуженным успехом у читателей пользуются Ваши басни. Вы один из тех немногих армянских поэтов, которые своим басенным творчеством продолжают и развивают богатые традиции армянской литературы в этом жанре. Ваши сборники «Необыкновенная вежливость» и «Соловей в амбулатории» стали также достоянием русского читателя.

Мы знаем Вас и как поэта, пишущего для самых маленьких читателей. Ваши книги детских стихов («Котенок в кино», «Ярче солнца имя» и др.), изданные в республике и за ее пределами, пользуются большим успехом.

Писатель-коммунист, Вы принимаете активное участие в общественной жизни республики и в работе писательской организации.

Многие годы Вы работали в литературной печати, в студии «Арменкино», были секретарем правления СП Армении, везде показывая пример принципиальности, добросовестного отношения к делу».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Два разговора с Ааду Хинтом

КУДА ЛЕТИТЕ, ПТИЦЫ?

ЗНАКОМЬТЕСЬ, — сказали мне, — это Хинт. Ааду Хинт, народный писатель Эстонии. И я почувствовала крепкое и одновременно бережное пожатие руки.

Так вот он какой, автор «Берега ветров», чьи руки, я слышала, умеют и сеть поставить, и вспахать поле, и выкосить каменистый луг, и построить дом, и даже играть на органе! Седой, в очках — неброская внешность, а в движениях и речи, в том, как он тщательно подбирает русские слова и как негромко их произносит, чувствуются обстоятельность и надежность, унаследованные, должно быть, от сааремских рыбаков и земледельцев.

Лет 15 назад я была на острове Сааремаа и на соседних маленьких островках. Видела аккуратные поселки рыболовецких колхозов и заброшенные хутора со старыми ветряками. Я тогда не знала Хинта, не знала, что там прошло его детство, но мне теперь легко угадывать в нем то извечное и непреходящее, одновременно простое и глубокое, как самые старые и самые главные слова языка: «мать», «хлеб», «земля», «работа», — то, что открылось мне тогда в его земляках на Сааремаа.

...В самолете мы сели рядом, летели долгих четыре часа над енисейским меридианом — на Север. Только что закончилась в Шушенском Всесоюзная творческая конференция «С Лениным, по ленинскому пути» и начались Дни литературы в Красноярском крае. Хинт, пораженный величием Саяно-Шушенской ГЭС — встречей с будущим — и встречей с прошлым — потомками своих земляков — эстонцев, высланных в Сибирь за участие в крестьянских бунтах еще в середине XIX века, вспомнил слова Ю. Лиива, самого любимого — с юности и до сей поры — поэта: «Кто не помнит прошлое, тот живет без будущего».

Так начался наш разговор о новом его романе, в котором, как и в «Береге ветров», этот тезис, я поняла, играет немаловажную роль. Роман называется «Свой остров».

— Когда я задумал его написать? — повторяет Хинт мой вопрос. — Может быть, лет 20 назад, когда работал в своей хибарке на острове Рухну, получив от старого рыбака и охотника на тюленей Пэтера Росслаида приглашение в его дом на обсуждение книги американского астронома Шепли «О звездах и людях». Народу собралось множество, и я подумал: почему здесь, на Рухну, который всего-то 6 км в длину и 4 — в ширину, так внимательно прочли эту книгу? И что объединяет рыбака Пэтера с ее автором — только ли то, что они оба наблюдали звезды: один — у себя в обсерватории, а другой — в небе Балтики, чтобы прокладывать путь баркасу? А может быть, главным образом то, что звезды одни и те же и люди, живущие под ними, стремятся лучше понимать друг друга?

Каждый рожденный на Земле должен, обязан испытывать чувство ответственности за наш маленький островок в океане Вселенной и понять, что война — это невозможно, немыслимо, неразумно, преступно! Все в этом мире связано со всем и, я убежден, даже для крупных, глобальных событий небезразлично, как поведет себя самый скромный и незаметный человек.

Теперь думаю: а может быть, семя, из которого произрастает новая книга, зрело во мне всю жизнь? Лев Толстой говорил — не ручаюсь за дословную точность цитаты в переводе сейчас в уме с эстонского — что первые пять лет жизни дали ему больше впечатлений, способных потрясти душу, чем последующие 75. И в этом смысле, может быть, самым существенным из жизненных потрясений, которое привело меня через многие десятилетия к роману «Свой остров», было воспоминание раннего детства. Отец мой, дипломированный капитан дальнего плавания, на родине так и не получил этой должности: капитаном-хозяином на корабле всегда был другой, хотя в самые трудные и опасные моменты звали к штурвалу моего отца. «Старого Сандера» («Отцу и отечеству») я посвятил одну из книг «Берега ветров» и Сандера Тиху наделил многими его чертами. Отец всегда мечтал о своем клочке земли, но мы оставались арендаторами, и пока он плавал, мать пахала плугом каменистую землю.

До сих пор не могу без волнения рассказывать о том, как широко махали крыльями ветряные мельницы на холме возле нашего дома, как цвел шиповник и как пел плуг моей матери. Мне казалось, он пел, а на самом деле это со звоном отскакивали от него и катились в борозду камни.

От отца стали приходить письма из Америки. Он нашел там работу и звал нас навсегда переехать к нему. Мать, не видя просвета, начала уже было соглашаться, но дедушка с бабушкой не хотели уйти с земли предков, и я благодарю теперь этот час, определивший мою жизнь.

И вот я, четырехлетний, вижу, как отец, вернувшийся к нам, широко шагает в высоких сапогах, и эти сапоги кажутся мне сказочными семимильными скороходами, что принесли отца из-за океана.

А ведь многие ребята с нашего острова уезжали навсегда, потому что их отцы не могли вернуться домой. После «красных» дней 1905 года они вынуждены были уйти с родного острова, спасаясь от карателей. Старались и на чужбине селиться поближе к морю, искали места, напоминавшие Сааремаа. Они пополняли клан эстонских эмигрантов, предки которых по своей и не по своей воле покидали родину, мечтая о «своем острове», где можно устроить жизнь по справедливости.

Когда-то в одной из статей я писал: «Как мать рожает ребенка, так народ рождает писателя. Его рукопись отражает черты лица народа, черты лица матери». «Свой остров» — книга о судьбе моего народа, о трагических ее страницах. Ну, а как конкретно свою задачу решаю? Выдумывать героев не приходится: жизнь сама щедро предлагает их.

Юхан Раук — личность легендарная. В 1905 году он, писарь Пэрсамаской волости, попал в тюрьму за революционную деятельность, в 1906-м под залог освобожден, бежал в Канаду, нашел пристанище в Принс-Руперте на рыбзаводе. В 1911 году к нему приехала семья. А в 1924-м он учредил вместе с другими эстонцами — товарищами по работе — коммуну. И вот через американский материк, а оттуда океаном почти все они перебрались в Советскую Россию. Эстония была тогда буржуазной республикой, и рыболовецкая коммуна нашла «свой остров» в Приазовье.

После войны многие возвратились в Советскую Эстонию. Среди них и дочь Раука — Меланиз. Ей я очень благодарен за дополнительный материал. Судьба Раука повела дальше — в Канаду, к тем, другим, кто остался там. Я изучил множество литературы и, чтобы лучше постичь жизнь людей, среди которых поселились мои герои, и природу тех мест, перевел с английского роман Олдриджа «Охотник».

Следующая поездка в Канаду подарила встречу с другим уроженцем Сааремаа, чья судьба потрясла меня настолько, что я сделал его главным героем романа и веду теперь повествование от его лица. Правда, мне пришлось ждать 5 лет, прежде чем он дал на то разрешение, причем сам придумал имена себе и всем своим близким и названия населенных пунктов, включая остров в Канаде, где он живет. Он назвал его «Остров Предсказателя Будущего» (кстати, это подзаголовок 2-й книги романа, которую сейчас пишу).

Никогда не сочинить романа лучше того, что написан самой жизнью. Мне оставалось записать только подлинную повесть о людях, которых беда заставила искать «свой остров» вдали от родной земли.

Удастся ли автору уйти здесь от самого себя? Ведь все прежние книги были в определенной степени автобиографичны. И нужно ли уходить от себя? Думаю, и впечатления детства, и моя работа в годы войны вместе с отцом на Аральском море, на моторно-парусном суденышке «Верный», и рыболовецкий колхоз из эвакуированных эстонцев в Таджикистане, и мои 7 месяцев в действующей армии, и остальные дни войны в роли фронтового корреспондента — все это в том или ином виде должно найти свое место в романе. И потом: мысль автора, сердце автора. Без этого нет книги. Ведь и название «Свой остров» куда шире, чем только поиски клочка земли под солнцем. Это поиски самого себя, стремление в любых краях и в любых испытаниях сохранить достоинство личности и понятие о нравственных ценностях — истинных и ложных.

В юности я, как мой герой Энн Тиху из «Берега ветров», поклялся помочь своему народу в любой его беде, посвятить этому всю жизнь. И теперь повторяю Юхана Лийва, стихи которого в пору учительства помогали мне формировать души учеников:

Я взял бы любовь
и верность,
Я честность бы взял —
пускай
Они бы в одно связали
Тебя, мой несчастный край!

А чтобы вы еще лучше поняли меня, расскажу то, что видел своими глазами, хотя это похоже на притчу.

Я плыл из Канады домой. Над океаном пролетала стая птиц. Залитый огнями корабль, наверное, казался им островом, где они смогут отдохнуть. Чудо в океане — остров их надежд! Но птицы летели на юг, а корабль шел на север. И они не могли понять, в чем дело: ведь природой в них была заложена другая программа движения. Птицы бились о железные борта корабля, стремясь идти по своему природному курсу, и многие гибли у нас на глазах. Единственно верный курс, курс равенства и справедливости, совпадающий с тем, что заложен природой в каждом, кто ищет «свой остров», — это курс, проложенный Лениным.

Помню, я посетовала, что не скоро еще смогу прочесть «Свой остров», даже первую его часть, уже изданную в Эстонии: у книги пока нет переводчика. И летевший с нами Александр Борщаговский — он переводил четырехтомную эпопею «Берег ветров» — признавался: его никогда не покидало ощущение того, что оригинал Хинта красочнее, лучше, беспощаднее любых переводов.

...Что остается от человека? Прежде всего — дело его рук. Для писателя это книги. Но остается и след его собственной жизни на земле. Депутат Верховного Совета Эстонии самого первого созыва, Хинт оставался им и в военные годы. В Верховном Совете СССР девятого созыва был депутатом от своих земляков. После войны — председатель эстонского Союза рыбаков, а теперь — председатель Общества книголюбов Эстонии.

В декабре, когда я встретила Ааду Александровича Хинта в Москве, на пленуме правлений СП СССР и СП РСФСР, посвященном активной позиции писателя в жизни, он сказал, что собирается в колхоз «Сааремский рыбак» посмотреть, как земляки окончили 1979 год и как обстоят дела с библиотеками для колхозных молодоженов. Вручено пока 2, а нужно подготовить 20. На красной полке должны стоять рядом с книгой о браке и семье произведения Льва Толстого, Шолохова, Таммсааре и лучшие книги уроженцев острова Сааремаа, в том числе и молодых, таких, как Юри и Юло Туулики. А Хинт должен помочь в комплектовании библиотек.

И еще одна забота у писателя, хотя это впрямую не относится к его теперешним обязанностям: колхозные ветераны, те, что первыми вступали в колхозы, отдавали свой скот и инвентарь, служили примером для остальных. К ним народ обязан относиться, как и к ветеранам войны, считает Хинт. Имеются в виду и льготы, и повышенные пенсии. Колхоз имени Кирова кое-чего добился в этом направлении. Нужно распространить его опыт. И надо еще успеть в Пярну на премьеру пьесы «Предсказатель». Для Хинта это в значительной степени программное произведение.

Спрашиваю: а когда же за письменный стол?

— Я пишу тогда, — говорит Хинт, — когда переполнен настолько, что не могу не писать. Забиваюсь в такой угол, где меня трудно отыскать, и пишу запоем. Чувствую, что такой момент наступает. Сколотил на Сааремаа себе избушку на берегу. Там море, и ветер, и камни, и там я ближе душой к моим героям.

— Избушка на Рухну, избушка на Сааремаа — это что, хобби такое — строить?

— Вовсе нет. С тех пор, как полвека назад я, деревенский учитель, в каникулы сел на велосипед и уехал с острова на материк, в шестиметровую каморку, где и написал свой первый роман «Проказа», я каждую крупную вещь должен писать на новом месте, чтобы был другой вид из окна и другие стены. Это как у птицы, которая всякий раз вьет новое гнездо, чтобы снести там яйцо.

— А путешествия? Такие далекие концы: Канада, Таджикистан, Сибирь... Не трудно в вашем возрасте?

— Возраст? Чепуха! Гете написал «Мариенбадскую элегию» в 74 года. А мне только 70.

И я думаю: если чувство юмора не утрачено, значит, старость еще далеко.

Алла ЛАСКИНА

ПОЧТА БУМВОЕДА

■ «Заметках на полях» В. Лазарева, опубликованных в сборнике «Альманах библиофила» (выпуск 6, 1979), написано: «...Известно, к примеру, что великий Эрих Мария Рильке пытался писать стихи на русском языке...»

Жаль, что автор заметок не поведал нам, относился ли с таким же интересом к русскому языку Райнер Мария Ремарк!

Н. СЛАБОВСКИЙ
ВОЛГОГРАД

* * *

«Литературная газета» напечатала главу из романа Сегдуллы Караматова «В горах» (№ 49, 1979). В ней говорится: «Неожиданно, когда он ступил на тропинку, что-то лязгнуло под ним, остановило, сжало ботинок, и ногу пронзила боль». А ниже: «Слава богу, его выручил сапог...»

Во что же был обут герой!

В. ТАЛЕЦКИЙ
УРАЛЬСК

* * *

■ В первой колонке шахматного обозрения «Снова большой сбор» («Труд» от 18 января с. г.) можно прочесть: «...Два года назад на Олимпиаде в Буэнос-Айресе нам приходилось довольствоваться вторым местом...» Во второй же колонке: «...Мы постараемся доказать, что относительная неудача в Бразилии была лишь досадным эпизодом».

К разряду «досадных эпизодов» следует, видимо, отнести и то, что мы так и не поняли, где же проходила шахматная Олимпиада: ведь Буэнос-Айрес — это не Рио-де-Жанейро. Даже в прошлом Буэнос-Айрес не был столицей Бразилии. Но был и остается столицей Аргентины.

С. БОРЩЕВСКИЙ
КИЕВ

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Семья

На Руси это издавна чтимо,
Это в нашей, наверно, крови:
Чтобы женщина
Шла за мужчиной
В испытаньях, в скитаньях, в любви.

Чтоб, его признавая начало,
Все тревоги
В себе затая,
Все же исподволь напоминала:
Мы не просто вдвоем, мы — семья.

Чтобы мудрость в себе находила,
Распрямясь пред сыновним лицом,
Повторить с материнскою силой:
«Посоветуйся, сыне, с отцом!»

Чтоб, все страхи снося в одиночку,
Говорила, измаясь вконец:
«Обними-ка отца, слышишь, дочка,
Что-то нынче устал наш отец...»

И глядела бы с явной отрадой,
Как теплеет любимого взгляд,
Когда сядут за стол они рядом,
Как сегодня, к примеру, сидят.

Мы — семья.
Это значит, мы вместе.
Кто напросится к нам во враги?!
Дети вырастут.
Сложатся песни.
Только ты себя побереги.

Мы—семья.
По-отечески строги
К нам бывают родные края.
И Отечество тоже в итоге —
Нет, не просто народ, а семья!

Мы едины любовью и верой,
Мы едины землей и трудом.
И распахнуты дружеству двери
В наш добротный, устойчивый дом.

В дом, где, робкую нежность не пряча,
Я твои повторяю шаги.
Ты любим.
Ты добьешься удачи.
Только ты себя побереги.

■

Ветка яблони тяжела
То ли вешней водой, то ли соком.
Далеко еще до тепла,
До звенящих под ливнем окон.

Ветка яблони ждет листка:
Вот обтянется кожицей прочно
Капля жизни — круглая почка,
И родится он.
А пока

Ветка яблони тяжела...
Поступь женщины осторожна...
В марте месяце все возможно —
Слишком долго земля спала.

■

Я крупнее не видела звезд,
Чем у полночи южной во взгляде.
Там рисунок созвездий так прост,
Словно взят из чертежной тетради.

Но какую разгадку несет
Тайны той, что раскрыться не хочет,
Эта лунная ясность высот
С прихотливою яркостью точек?

И какие забыты следы
И какие отброшены маски
На пути до Полярной звезды,
На пути до далекого Марса?

Тишина.
И слабеет душа,
Говор звезд разобрав издалека.
И за нами следит не дыша
Чьей-то жизни холодное око.

И боясь раздразнить эту тьму
Любопытством, что вовсе не скрыто,
Лишь теснее к плечу твоему
Я прижмусь, ожидая защиты.

И не выдам звучанием слов
Той догадки, что в сердце запала.
Рокот моря да шелест ветров —
Больше я ничего не слыхала...

■

Это нежное имя, которым
Ты когда-то меня называл,
Было птичьим подхвачено хором,
Прогремело, как горный обвал.

Я подумала:
«Может, ошибка,
Я у памяти давней в кольце».
Но знакомая сердцу улыбка
На твоем промелькнула лице.

Среди праздников и среди будня
Время близости невелико.
Вот я снова дышу полной грудью —
Мне и раньше дышалось легко.

Нигяр РАФИБЕЙЛИ

■

Сердце мое земле сродни:
Ощущая дыханье весны,
Пробуждаются в нем
огни
самых первых цветов
и зеленой травы.
Сердце мое, словно земля:
Прячет семя в себе,
согревая.
Если нет на холодные ветры управы.
Сердце мое,
Словно вспаханная земля,
Ждет ветров, напоенных весной.
И в зной
Приятной прохлады ночной
И первых лучей рассвета —
Чтоб вспыхнули надо мной.

■

Твой взор смотрел мне в сердце.
Ничего
Скрыть не могла я.
В небе моего
Сознанья,
Словно молнии, сверкали
Разряды дум твоих.
Ты освещал мне путь.
С тобой дорог мы легких не искали.
Так соткана была, наверно, суть
Двух наших матерей.
Жизнь, полная труда.
Текла, как родниковая вода,
Не оставляя по дороге пятен.
И зов судьбы с тобою был мне внятен.
Мы жили,
Опираясь на народ,
Как на гору,
На честь, на верность друга
Мы опирались.
Пусть,
Как тропку вьюга,
Печаль взор застилала —
Мы легкие дыханием цветов,
Дыханьем горным наполнять умели.
И воздух нас Отечества лечил.

Перевел с азербайджанского
Валентин ПРОТАЛИН

Нино КУТАТЕЛАДЗЕ

Праздник труда

Празднует солнце
беспечную негу,
на золотистой танцует стерне.
Празднует сердце,
а в озере — небо
синим напевом на глубине.

Празднует мальчик
в подоблачной сини:
белый ягненок, как детство, в руках,
и тишина
тяжелеет и стынет,
гулко вздыхает на горных хребтах.

Празднуют руки
благодаренье,
здесь изобилие празднует труд,
светом плодов
и светом цветенья
песни наполнятся, в дом к нам войдут.

Видите:
солнце танцует и льется
на утомленные руки людей.
Всем нам дарует
спокойное солнце
радость
бесчисленных солнечных дней.

Крылья

Голубь взмывает.
Над нашим порогом
небо просеет звезды сквозь сеть,
нить бесконечности
стала дорогой —
крылья нужны,
чтоб ее одолеть.
Я приближаюсь на крыльях туманов —
цвет голубиный
у сказочных сил,
знаю: взрастить
сыновей-великанов
и воспитать
невозможно без крыл.
Стали, бурлящей в могучем разливе,
огненным звездам
в кузнечном жерле,
искрам разрядов —
всем надобны крылья.
Труженик, выйди в простор на крыле!
Голубь взмывает,
на крыльях, как знамя,
алое солнце плывет с вышины,
кружится небо,
земля вместе с нами.
Вечно движению
крылья нужны.

Перевела с грузинского
Наталья ДАРДЫКИНА

НОВОЕ ИМЯ

Когда я прочитала стихи Марии Аввакумовой, я сразу впала в состояние, исключающее доброжелательно-менторскую ноту в разговоре. Как же я буду учить М. Аввакумову и чему, когда ее стихи мне так нравятся?

По-моему, мы все присутствуем при отирывающейся нам через строчки, крылато и ярко осуществляющейся личности. Происходит это осуществление столь естественно, столь независимо от предполагаемого читателя, будто просто живешь, и смотришь, и видишь, и все это словно с самим тобой.

Римма КАЗАКОВА

Мария АВВАКУМОВА

■

Ритму волн морских уподобляя,
постигаю ритм судьбы мирской.
И живу небыстро. Поспешая
лишь за человечностью людской.

И однажды ритм судьбы постигну.
И накроет с головой волной мирской.
И покажется кому-то, что я гибну...
Но спасусь я человечностью людской!

■

Звень хлеба спелого.
Синь неба полного.
О лето светлое!
О поле-полюшко!

Как солнце — в борозду,
так птицы — в пение.
Хор их восторженный
жив нетерпением,

как поле хлебное живо колосьями, —
хор их серебряный жив подголосками.

■

Помешаю в кострище,
последний взбодрю уголек,
в уголке посижу,
в уголке разгулявшейся ночи.
Жизнь проходит... Ну, что же!
И пусть убегает вперед,
и пусть дарит мне все,
что захочет.

Я прощу и смирюсь
с облетанием розовых дней,
если там, впереди,
если там, в обступающих тучах,
будет несколько дней,
будет несколько жарких углей,
будет несколько встречных людей,
неожиданно ярких и лучших.

гор. КАЛИНИН

РАССКАЗ

ПЕРЕВАЛ

Дукенбай ДОСЖАНОВ

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

РАННИМ утром холодной серой осени Турсынбала села на коня и поехала в далекий аул, находившийся на солнечной стороне горы. Путь был опасен, ноябрьское небо грозило дождем и снегом, и перевал вот-вот должен был закрыться. Ее крепкий, породистый конь не хотел покидать аул, лениво ступал по каменистой дороге, таща повода в сторону. Он не считал молодую женщину за серьезного всадника. Это злило Турсынбалу, и она раза два огрела его плеткой. Конь недовольно взбрыкнул, но вскоре, тяжело фыркнув и кроша копытами камушки, пошел быстрее. Перевал Аксюмбе не представляет опасности, если его перейти засветло, а дальше, к сумеркам, она успеет добраться по горным тропинкам скотоводов до южного аула. Однако на сердце у нее было тревожно и страшно, когда она вспоминала слова мужа, сказанные ей ночью...

Ее муж Жузжасар был смуглый, черноусый. Женился, когда ему перевалило за тридцать. Был у него один физический недостаток: в молодости упал с коня и сломал левую ногу. С тех пор слегка прихрамывал. И то ли поэтому, то ли под влиянием отцовского воспитания он не продолжил учебу после десятилетки и рано взялся за приобретение всякого добра. Отец Жузжасара был агентом районной конторы «Заготживсырье» и долгие годы собирал в аулах кра-шкурки, шерсть и прочее. Он часто сердился на Жузжасара, говоря: «Ты не знаешь цену вещам. Вещи — главное». Когда Турсынбала вошла в его дом невесткой, он справил свадьбу, а через год умер от тяжелой болезни, и сын после отца крепче взялся за хозяйство. Сославшись на непригодность к тяжелой работе, сделался сторожем аульного магазина. Но трудно сказать, что он больше стерег — свое или чужое.

После десятилетки Турсынбала обучалась в медицинском училище в городе. До получения диплома ей оставалось шесть месяцев, и тут встретился ей этот Жузжасар. И, видно, такова была ее судьба: накинула Турсынбала на голову шаль с ниспадающей бахромой и стала невестой Жузжасара. Не желая без дела сидеть дома, Турсынбала стала искать себе работу и вскоре устроилась в медпункт процедурной медсестрой. Она была очень прилежной в своем деле, и люди стали называть ее ласково Легкорукой Невесткой.

Все лето Жузжасар не знал покоя. Возомнив, что нашел источник большого дохода, он с утра уезжал к берегам Чу собирать чий и возвращался в сумерки. Во все времена берега Чу были полны гибкого белого длинного чия. Известно, что казах-скотовод не может обойтись без юрты. Наружную ее часть он обматывает циновкой, сплетенной из тонкого чия, сборные висячие двери — из него же. Жузжасар спозаранку садился на коня, к обеду достигал Чу, облачался в домотканый чекмень, надевал рукавицы и, работая до вечера, надергивал огромное количество чия, затем сдирал стебли, корнями ударяя о землю, вязал снопы и, навьючив на коня, вез их домой. Потом открывал настоящую торговлю. Чий для одной юрты ценил он в барашка или шестьдесят рублей. Торговал Жузжасар очень бойко.

Некоторые скотоводы, получившие в долг чий, обещали полностью расплатиться осенью. Прошлый раз он на коне поднялся на горное пастбище, чтобы потребовать долг с двух чабанов, но не застал их в юртах. Возвратился домой мрачный, продрогший, с повисшими усами.

— Ишь, какие хитрецы! Забрали чий и хотят в дураках меня оставить. Ничего! Вот освобожусь, получу отпуск, я разыщу их, если даже откочуют они на дно моря, — свирепствовал он.

И заболел как раз в первый же день отпуска. Весь день возился с камнями, мазал глиной скотный двор. То ли перенапрягся, то ли простудился — к вечеру слег в постель. В одну ночь щеки провалились, глаза потухли. Турсынбала бегала вокруг него, лечила, как могла.

— Знаю, хочешь, чтобы я пораньше свернул себе шею; знаю, думы твои черные, — говорил он, словно пиная ее в грудь.

— Бедняга, какую ты ерунду несешь? Лучше выпей-ка это лекарство, тебе полезно сейчас пропотеть.

— Если умру, все состояние тебе достанется. Будешь доучиваться в медицине. Будешь довольна. Знаю!

От этих обидных слов у Турсынбалы упало сердце, она присела возле очага и печальными глазами уставилась в землю. Ее огорчила эта вздорная выходка вздорного мужа, который ни с того ни с сего очередной раз оскорбил ее.

— Живешь на всем готовом, ни о чем не заботишься: полный сундук одежды, полон подвал мяса. А ведь достается это нелегко! Эти скряги-чабаны улизнули, не расплатившись за мой чий. Разве это не грабеж?

— Заработанное тобой никуда не уйдет, — говорила Турсынбала. — Следующей весной чабаны вернутся, и ты получишь с них деньги.

— Кто вернется, а кто и нет. Я верю только тем деньгам, которые у меня на ладонях.

— Нельзя жить, не доверяя людям, — говорила Турсынбала.

— Э, оставь свои бабьи слова при себе! Доверишься чужим — ноги протянешь! Умру — и деньги уйдут от нас.

— Если ты так терзаешься, то вместо тебя сама поеду... — сказала Турсынбала. — Прямо за перевал...

— Давно бы, — проворчал Жузжасар.

Конь перешел на тихий шаг, плелся по извилистой горной тропинке. Надо было спешить, чтобы засветло одолеть Серебряный перевал.

На горизонте с северной стороны росла, заволакивая небо, сине-серая туча. Оттуда же примчался колючий ветерок, похолодало. Ущелье уходило все дальше, ведя за собой тропинку, как веревку.

Турсынбала чуть не плакала. Изнуренная душа просила отдыха. Хотелось излить всю горькую боль, накопившуюся в груди. Она посмотрела с горной высоты вниз — вид родного края еще больше напомнил об одиночестве. Не хотелось думать о муже.

Когда она пересекла долину и оставила за собой реку Ран, ею овладел безотчетный страх. Да и конь среди безлюдья начал беспокоиться. Горная река, что осталась позади, издавала глухие пугающие звуки, похожие на зловещее бормотанье. Перевал Аксюмбе в далекие времена был тропинкой для разбойников, воров, мастеров набега, для тех, кто жил тем, что «давала» большая дорога.

Дорога, бегущая к перевалу, петляет и на север, и на юг, словно зверь, путающий следы. На крутизну невозможно подняться напрямик. На середине пути конь начал тяжко дышать. У Турсынбалы кружилась голова, она едва различала тонкую нить реки, текущей вдали. Она слезла с коня и повела его за повод. Это спасло их: когда они проходили по огромному камню, конь начал скользить и еле удержался на ногах, чтобы не полететь вниз.

Ступая осторожно по тропинке, извивающейся по краю пропасти, она старалась не смотреть ни вверх — на вершину горы, ни вниз — в бездонную пасть ущелья. Ее настроение слепо передавалось коню — он осторожно следовал за нею. Она слышала, что опытный путник одолевал Аксюмбе даже среди ночи при свете луны, но она тысячу раз благодарила судьбу, что сейчас над головой ее солнце, а под ногами отчетливо различалась земля. Она очень устала, шаг ее отяжелел, в груди полыхал зной. Конь шел за нею с тяжелой одышкой, бока его ходили ходуном, и казалось, что вот-вот он совсем остановится...

Откуда-то снизу, будто из-под ног, потянул ветер, сорвал платок с головы, развеял косы. Тут она почувствовала, что стоит на самом хребте, и, несмотря на полное бессилие, ужасную усталость, очень обрадовалась. Пока было солнце — адская пропасть, трудная дорога остались позади. Борясь с ветром, она взяла приторочennый к седлу осенний плащ и надела, крепко завязала платок.

На остром хребте не было укрытия, сильный ветер нес навстречу песок и камушки. Она поставила коня поперек ветра, села под его брюхо и немного отдышалась. Задерживаться было нельзя, короткий день быстро угасал. Солнце, как огненный шар, катилось в объятия глубокой ночи.

Турсынбала поправила подпругу у коня, рука ее вдруг стала мокрой от начинающегося дождя. Ее знобило. Собирались густые тучи. Неизвестно откуда и когда успели они собраться. Они грозно клубились и походили на пенящийся айран, забродивший в огромной кадке, готовый выплеснуться через край. С тяжелым чувством тревоги Турсынбала села на коня и начала спуск, с опаской оглядываясь назад. Она знала, что тучи, вскипающие в ущелье, могут поднять на перевал любое дуновение ветра. А перевалив тучи обернутся сумасшедшим бураном. Страх еще крепче сковал Турсынбалу, к ее горлу подступили слезы.

Конь встревожился и убыстрил шаг. Седло стало неустойчивым. Подпруга ослабла. Турсынбала сошла с коня и, борясь с ветром, натянула подпругу. Окрестности тонули в сумерках, солнца не было видно: или его заслонил туман, или оно уже село за горизонт. Женщина снова взобралась на коня и дернула узду. Туча только что перелившаяся через перевал, догнала и разом поглотила ее. Белая пена, состоящая из снега и тумана, била по глазам. У Турсынбалы было такое ощущение, словно она вместе с конем летела в бездонную пропасть, где не за что зацепиться. Отовсюду понеслись хлопья снега. Она не столько заметила, сколько почувствовала, что косогор Ботаксы остался позади, что она спустилась в огромную впадину Ушаирыка.

Меж тем ветер усиливался. Иголки снега вонзались в лицо. Турсынбала упрямо продвигалась вперед, отвоевывая километр за километром. Скоро должно быть ущелье Карасюйр. Там ей нужно будет повернуть и выйти из впадины к аулу.

Небо и земля слились, темнота густела. В какой-то миг душу Турсынбалы сжало подозрение, что она заблудилась, то есть едет не по Средней, а по Главной развилке. Главный переход считался самым длинным. Он тянулся вдоль населенных пунктов и выходил в глубь безлюдной пустыни.

Буран усилился. Снег валил, закрывал все тропинки. У Турсынбалы все меньше оставалось надежды выбраться из впадины и найти дорогу. И она решила ехать по дну впадины, никуда не сворачивая. Должен же быть ее конец, куда-нибудь, да приедет она. Она до того замерзла, что не могла совладать с дрожью в теле, через тонкие сафьяновые сапоги пронизывающий холод все настойчивее проникал в ноги. Она пожалела, что не оделась потеплее: от сильной обиды на Жузжасара взяла да сгоряча поехала, не задумавшись о погоде...

Пронзительный ветер, кромешная ночь, хлестающий снег — все это давило на нее. Душа ее съежилась, похолодела, когда она вдруг заметила, что конь не идет, а стоит, уткнувшись мордой во что-то. Хотела закричать, позвать на помощь, но не смогла.

Почти обессиленная, она уперлась ногой в стремя и сошла с коня. Боясь потерять его, обмотала повод уздечки вокруг руки и решила довериться умному животному, которое приютилось возле огромной скалы с подветренной стороны. Здесь было сравнительно тише и теплее. Она поплотнее закуталась легким плащом и устроилась возле коня, опустившись на корточки.

Неизвестно, сколько она так сидела, ожидая конца бурана и холодной ночи. Путаное сознание рождало много причудливых видений, она плыла среди них, как в сказке. Однако колючий холод возвращал ее к суровую реальность, и ей казалось, что рассвет никогда не придет, что этот мир создан из одной только ночи. Она все более коченела. Угасающее сознание ее робко цеплялось за надежду: неужели никто не вырвет из когтей смерти слабую душу, неужели трепещущий луч жизни погаснет, молодое дыхание оборвется здесь, в пасти черной и мертвой от мороза впадины?

Турсынбала потеряла сознание. Черная мгла превратилась в белый вихрь.

Досай, опытный табунщик, зимовал на самом конце Главной развилки. Вчера, предвидя буран, он согнал коней в ущелье и возвратился домой рано. Он разбросал сено мелкому скоту, расседлал коня и поставил в стойло, после чего зашел в теплый дом. Он поел и лег, чтобы завтра пораньше быть на ногах.

Но не мог заснуть. Несколько раз вставал, подходил к окну, вглядывался в глухую темноту, прислушивался к завыванию бурана. И вот среди ночи ему показалось, что кто-то стонет. Досай прислушался, но, кроме завывания ветра, ничего не услышал.

Перед рассветом он опять услышал далекий крик.

Он встал, вышел во двор, оседлал коня.

Было уже светло, когда он поскакал, поднимаясь по Главной развилке к ущелью.

Снова послышался стон..

Досай привстал на стременах, огляделся вокруг. И тут на дне глубокой впадины он увидел коня, а рядом с ним — скорчившуюся фигурку, похожую на человеческую...

Турсынбала пришла в себя только после того, как внесли ее в теплый дом табунщика.

Она увидела над собой карие глаза Досая. Он о чем-то спрашивал ее, а она не понимала. И снова все куда-то провалилось.

Потом возле нее оказалась какая-то женщина. Турсынбала не знала, кто она и почему она. Турсынбала, в каком-то непонятном месте. А незнакомая женщина — хозяйка из соседней юрты — ласково спрашивала:

— Тебе лучше? Скажи, тебе лучше?

Что-то тяжелое, невыносимо тяжелое тянуло Турсынбалу вниз... Как потом выяснилось, это продолжалось несколько дней, после которых она смогла сказать своим спасителям тихо, очень тихо: «Спасибо».

Через десять дней Турсынбала встала на ноги. Оказывается, Досай уступил ей свою юрту, а сам переселился к соседям.

Досай как-то возвратился от табуна рано, день был теплый, светлый, как стекло. Поставил коня в стойло, снял верхнюю одежду и вошел в дом. В светлой комнате две женщины кроили платье. Турсынбала стояла, примеряя шитье.

Взбитые густые косы Турсынбалы, спадающие на открытый лоб, черные, с блеском глаза, чуть вздернутый нос, нежные губы, маленький пухлый подбородок, красивая, будто точеная из мрамора, белая шея... О! Люди не зря говорили, что Турсынбала — краса юга, не случайно многие джигиты с печалью били себя по бедрам, когда она вышла замуж за хромого парня с северной стороны. Сейчас она была похожа на красавицу, которую Досай видел на картине художника. Турсынбала отвернулась. Досай понял, что перешагнул рубеж приличия, и выскочил из дома.

Досай в этот день долго бродил по степи. Издали заметил медленно движущийся, вязнущий в снегу вездеход, направлявшийся в сторону его зимовки. Похоже, что это были гости из центра.

А может, это за Турсынбалой приехали?

Машина остановилась, чуть не навалившись на его дом. Вышли знакомый шофер и стройный, с румянцем во всю щеку джигит, который небрежно кивнул Досаю. (Табунщик догадался, что это муж Турсынбалы.)

— Перевал закрыт, поэтому поехал в объезд через Созак, до райцентра трясся в повозде. Словом, пока добрался к вам, объехал весь свет, — громко говорил джигит, точно разговаривал с глухими.

Турсынбала поздоровалась с мужем не как с родным человеком, не обняла его, не заплакала от радости — лишь едва шевельнула губами. Жузжасар вел себя так, будто с его женой ничего и не приключилось, будто не пропадала она, а отлучилась ненадолго из дома...

— Ой, раз жена заупрямится, трудно ее отговорить! — продолжал Жузжасар. — Как негодовал я, когда жена — будь она неладна! — отправилась в этот опасный путь. И меня заставила понести убыток. И повзд, и машина — вся эта дорога для денег — сушая напасть. Пах, пах, пах! Разве мог я предугадать все эти расходы, когда продавал чий? Думал о другом. Кишки, думал, жиром обрастут, разбогатеем чуточку. Ну, Турсынбала, чего же стоишь? Одевайся — и в путь. А коня заберу следующей весной.

И тут Жузжасар чуть не окаменел, когда услышал слова Турсынбалы.

— Нет уж, я останусь..

Жузжасар не верил своим ушам.

— Да, уж останусь...

— Что? Что? — вырвалось наконец у Жузжасара.

— Останусь...

— Как? Где? Что? — Жузжасар то бледнел, то краснел.

Турсынбала говорила очень спокойно, даже слишком внешне спокойно, в то время как сердце ее готово было разорваться от волнения:

— Я останусь здесь. Я уже перевалила через свой перевал. Я нашла свою дорогу.

— Что? Что? — зашипел от гнева Жузжасар.

— Свою дорогу нашла. Свою, — жестко сказала Турсынбала.

Перевел с казахского
Иван УХАНОВ

УРОКИ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

СЕЙЧАС, когда документально-публицистическая киноэпопея «Великая Отечественная» собрала многие миллионы кинозрителей, когда через голубые экраны она пришла буквально в каждый дом и снова ее смотрят стар и млад, пытаешься объяснить природу этого всенародного признания. Ну, хорошо. Великая Отечественная война и поныне неотделима от биографии любой советской семьи, и седые люди за мимолетным кадром вспоминают такое, чего хватило бы на целую жизнь, и дети ищут на экране отцов и внуки — дедов... Но ведь картину смотрят и в десятках зарубежных стран. И не только наши друзья. Прорвавшись через антисоветскую истерию, сметая наветы клеветников и фальсификаторов, она рассказала миру правду о нашей Победе. И хотя, скажем, крупнейшие телекомпании США, понимая неотразимую пропагандистскую силу этого произведения, не захотели его показывать — бойкот не удался. Фильмы транслировала местная телесеть многих американских штатов...

Итак, а чем же «секреты» двадцатисерийной эпопеи?

Первое. «Великая Отечественная» — актуальнейший политический документ. Она по обладать точнейшим, вдохновенным зрением, чтобы из миллионов кадров увидеть новый, неожиданный, самый выразительный, придающий документу образность и силу подлинно художественного произведения. «Великая Отечественная» — прекрасный урок для всех мастеров нашего цеха — и для документалистов, и для тех, кто работает над художественными лентами.

Ты словно сам на том заснеженном поле встаешь в атаку, на тебя надвигается пышущая огнем бронированная громада, твою голову пригибает к земле надсадный вой неотвратимо приближающегося снаряда... Мы как-то на всегда осознаем, что в эти мгновения рядом с солдатом был кинооператор, что в решающую минуту автомат в его руках сменяла кинокамера. А бывало и наоборот. Фронтовые операторы рядом с солдатами сражались, вместе с ними месили грязь весенней распутицы, вместе мерзли в выстуженной землянке... Без этих наших товарищей, людей, беззаветно преданных своему делу, многие из которых буквально сняли и свою смерть, на было бы сегодня двадцати серий «Великой Отечественной».

Съемки 252 фронтовых операторов вошли в картину. Здесь всех не перечислишь, на экране они названы поименно.

...В завершающем эпопею фильме «Неизвестный солдат» к зрителям обращается с экрана Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Эти слова руководителя нашей партии и Советского государства стали лейтмотивом «Великой Отечественной», определили ту высокую и чистую ноту, которая присуща всей ленте:

«Для советского народа это была Великая Отечественная война. Он вел ее во имя свободы и независимости своей Родины, во имя избавления Европы, да и всего мира от фашистского порабощения. Двадцать миллионов жизней унесла эта война. Наш народ не забудет ее никогда! О ней будут помнить на только та, кто, подобно мне, прошел огонь войны от начала до конца, но и новые поколения, которые входили в жизнь уже в послевоенные годы. Помнить об этой войне — это для нас призыв к бдительности в отношении замыслов любых новых происков агрессивных сил, и, самое главное, призыв к неустанной, последовательной борьбе за прочный мир, за прекращение гонки вооружений, за мирное сотрудничество между государствами».

Да, этот фильм — как наглядный бесценный урок жизни.

Е. МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

На соискание Ленинской премии

ВСЕГДА НОВЫЙ ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

НА КИНОЭКРАНЕ герои Игоря Ильинского обычно всем мешали: авто- и железнодорожному движению в «Закройщике из Торжка», банкирам и грабителям в «Процессе о трех миллионах», отцам церкви в «Празднике святого Иоргена», молодым дарованиям в «Волге-Волге» и «Карнавальной ночи». И напрасно в последней из названных картин персонаж Ильинского — Огурцов уверял зрителей, что он за все показанное никакой ответственности не несет. Зритель смеялся, зная, что несут всю полноту ответственности и Огурцов (без него фильм смотрелся бы совсем иначе), и игравший эту роль артист Игорь Владимирович Ильинский, без которого, вероятно, и весь наш кинокомедийный жанр был бы иным, поскольку именно он еще во времена «Папиросницы от Моссельпрома» и «Поцелуя Мэри Пикфорд» творил начинающуюся советскую кинокомедию. Когда смотришь те старые, мерцающие «комические» ленты, невозможно избавиться от впечатления, что сами сценарии их написаны специально для Ильинского.

Лично причастен он и к созданию нашего театра. С тех дней, когда под пристрастными взглядами Владимира Маяковского и Всеволода Мейерхольда репетировал он первую советскую пьесу «Мистерия-буфф», и до сего дня имя Игоря Ильинского не сходит с театральных афиш, со страниц критических рецензий, а главное — с уст любителей театра.

Но ныне, по-моему, перед актером открылась еще одна область — телевидение. И в этой области он вновь и вновь предстает перед нами беспрестанно ищущим художником, всегда готовым на творческий риск. Разве не риск — ставшая теперь чуть ли не телеклассикой и до сих пор уникальная работа «Эти разные, разные, разные лица» по рассказам А. П. Чехова?! Дело даже не в том, что слово «разные» надо было бы, по сути, повторить двадцать четыре раза — именно столько персонажей представил здесь Ильинский. И не в том даже дело, что две трети этих рассказов были уже экранизированы и сыграны отличными актерами, запомнившимися зрителю, а потому Игорю Ильинскому пришлось невольно вступить в заочное состязание с существовавшими образами. Дерзость еще и в том, что актер читал текст, из которого ясно, что ни на одного из персонажей внешне он не похож. Тем не менее актер не согласился с автором-классиком и сумел переубедить зрителя вопреки — в этом и состоит заслуга мастерства и таланта.

Трудно добиться перевоплощения, нарочито отказавшись от привычных аксессуаров, играть без грима, в повседневном платье. А именно так появляется на экране Игорь Ильинский — просто — «с листа» — читает Чехова, Зощенко, стихи Маршака, «Старосветских помещиков» Гоголя, «Историю Карла Ивановича» из толстовского «Детства».

Все, что делает Ильинский на телевидении, — это и есть телевидение авторское. Не кто иной, а только он, артист, сочетающий в себе драматический талант с даром комизма, только он, человек, умудренный долгой жизнью и сохранивший тем не менее какую-то детскую откровенность, способен прочитать это так, что опять ловишь себя на ощущении, будто рассказы эти и стихи написаны специально для него. Игоря Владимировича Ильинского.

В. СЕРГЕЕВ

ТВ: ЧАС РАЗВЛЕЧЕНИЙ И... МИНУТЫ РАЗДУМИЙ

Не часто случается такое: дискуссия лишь только стартовала анкетой («ЛГ», № 1, 1980) и статьей Ю. Богомолова «Потехе — время» («ЛГ», № 6, 1980), а мы уже можем публиковать обзор писем.

УЛЫБАЙТЕСЬ, ВАМ ВЕСЕЛО!

ВЕЛИКА заинтересованность, которую проявили читатели. Письма, пришедшие в «ЛГ», продиктованы вниманием к работе телевидения, желанием разобраться в причинах успехов и неудач.

«Действительно, час развлечений на ТВ требует раздумья, и на всегда здесь обойтись минутами. Почему одни программы пользуются заслуженной и стабильной популярностью, а другие оставляют нас равнодушными? Уже этот вопрос включает в себя целый спектр проблем. Мне кажется, что, говоря о развлекательных передачах, не стоит ограничиваться лишь теми, которые создает ЦТ. Стоит проанализировать программы республиканских и местных телестудий, наверняка там мы найдем интересные примеры» (А. Борисов, Москва).

Естественно, в первых письмах обсуждались прежде всего те передачи, которые вышли в эфир в новогоднюю неделю, и в основном внимание сконцентрировалось на «Голубом огоньке». В этом есть своя закономерность: ведь «Огонек» — программа не только самая популярная, но и самая «заслуженная» из ныне существующих, программа со своей долгой судьбой. Отношение к ней может стать «пробным камнем» в разговоре о том, как проходит час развлечений на ТВ.

Вот каким «Голубой огонек» представляется телезрителю:

«Это не столько сборный концерт с участием наших «кумиров», сколько общение с ними. Мы знаем, как они поют (и любим их за это), но мы хотим знать и то, чем они живут, что их волнует. На «Огоньках» хочется видеть тесную, веселую, дружную, умную компанию. «Огонек» должен быть построен не основе сценария — оригинального и не повторяющегося от праздника к празднику. Участники его — актеры, и они должны играть, участвовать в общем действии, не ограничиваясь своим концертным номером».

«Огонек» оставил впечатление неоднородности, — пишет москвичка Т. Орликова.— Возможно, постановщики его искали что-то новое, хотели отойти от традиционных форм, и само это желание похвально. Но первая половина состояла из чередующихся номеров, а во второй появились и публика, и своеобразные новые ведущие — клоуны, но программе так и не обрела дыхания, свойственного ей раньше. Пусть эксперимент продолжится, но недостатки учесть необходимо».

Нет ли, однако, у этих недостатков некоторой закономерности: передачи развлекательного характера неминуемо стареют, интерес к ним пропадает?

«Популярность эстрадных и развлекательных программ непосредственно связана с их «молодостью», новизной. А поскольку на эстраде мода меняется быстро, то и сами передачи должны поспевать за ней. Критические замечания по поводу «Кабачка тринадцати стульев» или «Голубого огонька» появились, когда эти программы стали копировать сами себя. Действительно, трудно настроиться на волну веселья, если зеленое можешь просчитать, кто будет сидеть за столиками телевизионного кафе, какие шутки отпустят пен Спортсмен или пени Зося. Вероятно, выход в том, чтобы постоянно менять форму этих передач или же... менять сами передачи. Прошло время «Артлото» — и исчезло оно из телепрограммы, исчерпал себя» КВН, но осталась добрая память о нем. Появились «Вокруг смеха», «Что? Где? Когда?». К ним теперь обращено наше внимание, и если сойдут с голубого экрана программы-евтеремы, то мы этого даже не заметим. Но обязательно потребуем новых!»

У Л. Комаровой из Минска, письмо которой мы только что процитировали, есть сторонники, считающие, что если не удается решительно обновить «Кабачок 13 стульев», то он должен уступить место другому телеклубу, но большинство зрителей все-таки высказывается за сохранение старых, полюбившихся уже программ. Один из аргументов — вера в то, что они поддаются внутренним изменениям.

«Пусть в «Кабачок» придут новые посетители, пусть в праздничных концертах выступят певцы, имена которых нам малоизвестны. Я уверен, что режиссеры еще не исчерпали своих возможностей, не израсходовали запасы своей фейерверки. Не «Голубой огонек» приглашаются актеры, которым под силу многое, и те, что участвовали в последнем (не самом удачном), при умелой режиссура могли бы превратить его в прекрасное праздничное зрелище. Зачем менять названия и рубрики, все равно в новых программах будут заняты те же любимцы телезрителей. Надо задуматься над тем, как усовершенствовать формы, как развлечение сделать действительно развлечением. Главное проблеме — в качестве» (Ю. Кузьменко, Волгоград).

«Мне вспоминаются несколько развлекательных передач, которые удалось посмотреть в Таллине, Тбилиси. Среди них были и оригинальные, весьма удачные. Учитывать достижения республиканских студий, думаю, полезно, так же как лучший опыт постановки развлекательных программ в странах социализма: по тем концертам, фрагменты из которых предлагает нам ТВ, видно, что часто они изобретательно и качественно сделаны» (Н. Золотарева, Ленинград).

Но что называть «качеством» в эстрадной программе? Предположим, участие хороших актеров, но...

«Автор статьи «Потехе — время» Ю. Богомолов упрекнул Льва Лещенко в том, что его образ с годами стерся. А как могло быть иначе, если не только он—и еще ряд исполнителей стели участниками практически любого телеконцерте. Режиссеры, наверное, удовлетворены уже давно «обжатанным» репертуером. А зритель постепенно становится равнодушным к певцу, снискавшему заслуженную популярность. Если несколько песен повторяются бесчисленное количество раз, то неши чувства притупляются, а режиссеры, как будто не учитывая этого, повторяют старое, редко представляя нам новые песни, новых исполнителей и композиторов» (П. Пащенко, Москва).

Следовательно, участие в развлекательных передачах известных исполнителей не является единственным залогом успеха — нужны неожиданности, сюрпризы. А это зависит от режиссеров-постановщиков эстрадных программ. Хороший пример — «Бенефис». Во многих письмах «Бенефис» упоминается как развлекательная программа, в которой обычно нет повторений, нет скучной предсказуемости. Он не «составляется» (как серия номеров), а создается — как целостное зрелище.

Но там, где заходит речь об этой программе, всегда стоит вопрос: «Почему «Бенефис» появляется на телеэкране так редко? Где обещанные представления с Т. Дорониной, И. Смоктуновским? Как долго ждать очередного «сеанса»?» Не только «Бенефис» является как гость долгожданный и всегда внезапный — нет и у других передач устойчивого места и времени в телевизионной программе. Только «Утренняя почта» появляется регулярно.

Читатели предлагают отвести эстраде, юмору, песне час ежедневно или настаивают на том, что все без исключения развлекательные программы должны иметь свой день и час.

«Сделать хотя бы субботу специальным «развлекательным вечером» на ЦТ. Создать новые передачи — «Дискотека», «Приглашаем к дискуссии», в общем, создать систему регулярной и разносторонней информации о том, что происходит в мире эстрады, песни» — так считает А. Малахов из Чечено-Ингушской АССР.

Судя по почте, наши читатели не ограничиваются критикой или одобрением развлекательных программ. Среди различных предложений чаще всего повторяется одно: необходимо установить «обратную связь» с телезрителями — так легче добиться желаемого эффекта.

«Телевидение, — пишет Т. Гордеева из Красноярска, — обратилось к зрителям с просьбой присылать свои пожелания, чтобы «скорректировать» построение очередного «Голубого огонька», но, судя по результатам, о письмах (которых, как я полагаю, было немало) никто потом не вспомнил».

Присутствие зрителей в концертной студии Останкино пока остается главной формой прямого контакта телевидения со зрителями. Но и сидя в партере, под светом прожекторов, лицом к лицу с исполнителями, они практически не воздействуют на ход программы, их соучастие ограничивается традиционными концертными аплодисментами.

«Не телевидении могут существовать «экспериментальные просмотры» — этот путь контекта предлагает Н. Лукьянова из Кирова, — выпуску популярных программ ЦТ может предшествовать обсуждение, которое осуществят те, кого обычно называют «рядовым зрителем». Эти обсуждения, предваряющие выход передачи в эфир, помогут создателям от чего-то отказаться, что-то добавить, исправить. Выигрыш будет, несомненно, обоюдным. Это, на мой взгляд, полезная возможность «обратной связи», потому что викетирование пока не принесло желаемых результатов. Однажды мне было предложено анкета, выпущенная информационным центром ЦТ. По ответам на нее можно было вполне судить о моих вкусах, любимых передачах и пожеланиях. Но это было лишь однажды. Если телевидение не использует всех возможных каналов связи, то уровень, которого достигли наши передачи-любимицы к середине 70-х годов, не вырастет. Так что вновь приходится говорить о том, что он зависит от соответствия изменяющимся требованиям зрителей, которые знают и любят телевидение».

Поскольку дискуссия «ТВ: час развлечений... и минуты раздумий» только начинается, рано делать выводы. Из пришедших писем ясно, что разговор затронул различные аспекты поднятой проблемы: от качества самых любимых программ до новых передач и телерубрик, предпочтительного для развлечения времени. Мы продолжаем диалог с читателями...

ОТДЕЛ ИСКУССТВ «ЛГ»

ПОРТРЕТ

ИЗ ЖИВОЙ ВОДЫ

Почему на сцена у актаров порою отсутствует тень? Не потому ли, что слишком много разностороннего света?

Может быть...

...Еще что-то происходило: подмостки «Современника» еще оставались местом драмы; действие спектакля «Спешите делать добро» еще катилось, но для Неёловой все было кончено (не попрекайте меня, мол, для Оли, ее героини, все было кончено — а не для актрисы. Я-то рядом стоял за сценой и видел: точно — для Неёловой).

Она вышла из луча прожектора, пропала из зрительских глаз и остановилась в темноте кулис. Никто к ней не подходил. Только добрый Гафт тихо, без восклицательного знака сказал: «Молодец, Марина». — и пошел играть. Я взял ее за руку, и она покорно побрела в «карман» сцены, где горела дежурная лампа и где были сложены декорации для других, более счастливых, чем неёловские, женщин.

Свет был не очень хорош, не это был свет из реальной жизни, из того мира, откуда Неёлова отправляется в мир иных своих жизней, проживаемых ею за два-три сценических часа.

Теперь она возвращалась. Она стояла не шевелясь (хотя я и не просил ее об этом) и оттаивала. Олина жизнь стекала с нее медленно и трудно...

Талантливая и умная актриса, сыгравшая немало уже блистательных ролей в театре и на экране, любимая зрителями и режиссерами за свою достоверность, будь то классика или современная драматургия, мучительно, как в слабом проявителе из жидкой воды, возникала из плоти одиночной девочки с Вольшеватом, хоть и короткой платье. Еще оставались Олина пластика, и руки, и плечи, и глаза... Но что-то свое, печальное и светлое, уже заполняло ее. И появилась тень.

Какой счастливый дар у окружающих дар у этой актрисы! Как пронзительны и прекрасны ее женщины, и как радостно, что она щедра в таланте своем.

...И все-таки, почему у актеров на сцене порою отсутствует тень? Только ли оттого, что слишком много разностороннего света?

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Я произношу — Раневская — и смотрю на такое лицо, читатель. Оно меняется к лучшему. Оно теплеет, на нем появляется улыбка, и тень детства светлее тебя самого отражается в твоих глазах.

Балует нас порою природа, создавая таких удивительных женщин.

Рядом с ними проживаешь юность, молодые годы и те, которые, по щадящему определению, называют зрелыми. Проживаешь жизнь и не теряешь любви, дарованной с первого взгляда.

Кто забыл этот первый взгляд? Взгляд Раневской? Кого оставила равнодушной жена директора гимназии из «Человека в футляре», Маргарита из «Весны», таперша из «Александра Пархоменко», Роза Скороход из «Мечты», мачеха из «Золушки», Леля из «Подкидыша»? Кто не ждал свидания с ней, хотя бы мимолетного (ей ведь не очень везло на большие роли), вглядываясь в айран, кто не ходил в Театр имени Моссовета на свидание со спекулянткой из «Шторма», странной миссис Сэмидж или Люси Купер из спектакля «Дальше — тишина»? Кто не радовался ее горьковатому юмору, ее уму, ее великому таланту чувствовать боль человеческого сердца, ее остроумию?..

Кого не привлекла к себе магнетическая сила обаяния Раневской? (Это не риторический вопрос. Действительно, хотелось бы посмотреть на такого человека.) Разве что кто-то не видел ее в кино или на сцене... А ведь можно прокрутить ретроспекцию Раневской в «Повторном». Да и в театр дорога не заказана. Тем более что впереди премьера пьесы Островского «Правда — хорошо, в счастье лучше», которую ставит Сергей Юрский и где Фаина Георгиевна будет играть роль Филицаты.

...Я подхожу к стене пустоватой комнаты Раневской и смотрю на самые дорогие вещи в ее квартире: фотографии ее друзей и почитателей — Ахматовой, Качалова, Акимова, Андж.-паридзе, Улановой, Шостаковича.

Какой счастливый для окружающих дар у этой актрисы! Как пронзительны и прекрасны ее женщины, и как радостно, что она щедра в таланте своем.

И как точно написал ей Борис Пастернак три слова на портрете: «Самому искусству — Раневской».

Ю. РОСТ

Фото автора

почта 8-й страницы

МИР ФАНТАЗИИ И ФАНТАСТИКИ

Современную литературу нельзя представить без научной фантастики. Несколько мне известно из нашей печати, и в зарубежном кино сейчас уделяют особое внимание научно-фантастическим фильмам, которые подчас собирают рекордное количество зрителей.

Вопрос не новый, но по-прежнему актуальный: почему у нас столь мало фильмов этого жанра? «Солярис», «Туманность Андромеды», «Отроки во Вселенной», «Москва — Кассиопея», «Молчание доктора Ивенса», «Дознание пилота Пиркса» — вот, пожалуй, и все за 70-е годы. Если учесть, что два из них обращены к юным зрителям, то взрослым любителям научной фантастики смотреть практически нечего.

Есть немало отличных исторических картин, переносящих нас на сто, двести и более лет назад. Никто не ставит под сомнение необходимость таких произведений. Но хотелось бы с помощью кино заглянуть и не сто, двести лет вперед, попытаться представить духовный мир, взаимоотношение, поступки наших далеких потомков. Думаю, такие талантливо сделанные работы помогут и нравственному становлению современников.

Возможно, отсутствие увлекательных, глубоких по мысли научно-фантастических фильмов связано с нехваткой соответствующего литературного материала, но, очевидно, дело на только в этом. Ведь есть же книги Ефремова, братьев Стругацких, того же Лема, полюбившиеся миллионам читателей и, вероятно, заслуживающие экранизации. Кстати, в опубликованном в прошлом году на страницах «ЛГ» диалоге летчика-космонавта СССР Г. Гречко и писателя Я. Голованова выдвигалось такое предложение. Хорошо бы, оно нашло отражение в конкретных пленах киностудий.

В. ПАВЛОВ

МУРМАНСК

СЕМЬ ДНЕЙ В ФЕВРАЛЕ...

ПО СЛЕДАМ ОФИЦИАЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ

Арманд ХАММЕР: ВЕРЮ В БУДУЩЕЕ

«27 ФЕВРАЛЯ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВ ПРИНЯЛ В КРЕМЛЕ ВИДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ДЕЛОВЫХ КРУГОВ США, ПРЕЗИДЕНТА ФИРМЫ «ОКСИДЕНТАЛ ПЕТРОЛЕУМ» АРМАНДА ХАММЕРА ПО ЕГО ПРОСЬБЕ.

Л. И. БРЕЖНЕВ ОТМЕТИЛ ВКЛАД Г-НА ХАММЕРА В РАЗВИТИЕ ВЗАИМОВЫГОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И США...»

(Из сообщения ТАСС)

Читатели, должно быть, знают это имя. Арманд Хаммер — давний друг нашей страны, пресса не раз писала о нем. Напомню лишь несколько моментов из биографии этого незаурядного человека.

Еще в 1921 году молодой врач и бизнесмен, впервые приехав к нам, начал налаживать торговлю американских фирм с Советской Россией. Его отличали благородные замыслы и практическая сметка, и Ленин высоко оценил усилия 23-летнего американца. В Полном собрании Сочинений Владимира Ильича есть целый ряд документов, свидетельствующих о том, как доброжелательно относился и Хаммеру основатель Советского государства.

...Много воды утекло с тех пор. Тогда, в 20-е годы, он занимался поставками Советской республике тракторов «фордзон», помог построить в Москве карандашную фабрику. А в 70-е Арманд Хаммер, глава одной из крупнейших промышленных корпораций США «Оксидентал петролеум», занялся с Советским Союзом сделку совсем иного масштаба: многомиллиардный контракт сроком на 20 лет. Им предусматривалось, что «Оксидентал петролеум» поставит нам оборудование для предприятий по производству минеральных удобрений, для строительства крупного аммиакопровода и другую продукцию, получая взамен советский аммиак. Не раз отмечалось большое значение этого контракта для Соединенных Штатов.

Арманд Хаммер был инициатором, активным участником еще целого ряда коммерческих соглашений, культурных обменов, укреплявших сотрудничество наших стран.

И вот теперь многое из того, что было достигнуто за долгие годы, оказалось под угрозой из-за действий администрации США.

Он прилетел в Москву, очевидно, испытывая чувство озабоченности нынешним состоянием американо-советских отношений. Не в первый раз принимая его Леонид Ильич Брежнев. И, как всегда, Арманд Хаммер услышал в Кремле спокойные и четкие ответы на все поставленные вопросы. Президент «Оксидентал петролеум» согласился, что ухудшение отношений между СССР и США не отвечает интересам ни одной из сторон. Он выразил надежду, что в этих отношениях будет восстановлено здоровое, конструктивное начало, и они смогут развиваться далее на благо народов обеих стран и всеобщего мира.

...В Москву он прилетел в понедельник, как всегда вместе с женой Фрэнсис, художницей, а уже в среду улетал через Париж домой (такие-то концы почти в 8 тыс. км!). Как-то миссис Хаммер, просидев над географическими картами, подсчитала: в последние десять лет они с мужем «налетывают» в год примерно по 250 тысяч километров. А Фрэнсис сама только на четыре года моложе Арманда...

Побеседовать с мистером Хаммером в день отлета казалось делом совершенно безнадежным. Расписание у него было таким: в 11 — в Кремль, оттуда — в Минвнешторг СССР, потом — в посольство, за женой — и в Шереметьево, где уже стоял наготове собственный самолет «Оксидентал петролеум». Спасибо министру внешней торговли Николаю Семеновичу Патоличеву: он замолвил словечко за «ЛГ», и, покидая высотное здание на Смоленской, Хаммер пригласил меня в машину, чтобы дать интервью буквально на ходу.

— Как прошла встреча? — переспросил он. — Мы провели вместе два часа, и я был очень рад видеть, что Генеральный секретарь в добром здравии и хорошем настроении. Разговор был, как обычно, очень теплый, откровенный, мы обсудили различные аспекты отношений наших стран. Конечно, зашла речь и о событиях в Афганистане. Я считаю, что план, который выдвинул Леонид Ильич в своей предвыборной речи, вполне реален. Это правильный путь...

— Верю ли я в будущее американо-советской торговли? Безусловно, верю. И стараюсь всячески содействовать взаимовыгодному сотрудничеству наших стран. Я улетаю из Москвы с надеждой на лучшее будущее и, как видите, стремлюсь приблизить его...

К сожалению, пора было прощаться.

* * *

Теперь я хотел бы отослать читателя на стр. 14, к статье Рона Шульца, президента другой компании, кстати, тоже из Калифорнии. По масштабам его фирма, конечно, не идет ни в какое сравнение с «Оксидентал петролеум». Но статья передает настроение многих американских бизнесменов и служит, по-моему, хорошей иллюстрацией мысли Л. И. Брежнева, высказанной им во время беседы с А. Хаммером:

«Предпринимаемые Вашингтоном шаги по подрыву торгово-экономических связей между нашими странами не окажут, конечно, на СССР воздействия, на которое рассчитывает американская администрация, но наверняка лишат американские деловые круги выгодных контрактов».

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

ДЖО МАККАРТИ СМЕЕТСЯ

Советско-американские отношения переживают особые времена. Времена, когда случаются истории, еще недавно казавшиеся невозможными в Соединенных Штатах. Одна из них только что разыгралась в связи с организованной Американским обществом по изучению вакуумной техники в Санта-Барбара, штат Калифорния, международной научной встречей, на которую пригласили ученых из Советского Союза, Польши и Венгрии. Узнав об этом приглашении, администрация США в лице госдепартамента, министерства обороны и министерства торговли начала стремительно действовать. Во-первых, были аннулированы переданные восьми советским, польским и венгерским физикам приглашения. Во-вторых, от американских участников встречи под страхом тюремного заключения потребовали не разглашать того, что должно было обсуждаться в Санта-Барбара. Наконец, иностранным ученым, тоже угрожая им «санкциями», предложили подписать обязательство: ничего из того, что они узнают на конференции, не сообщать гражданам социалистических стран.

Устроители встречи не знали, смеяться им или плакать. С одной стороны, гости из социалистических стран были приглашены прежде всего для того, чтобы поделиться собственным опытом. Кроме того, по словам одного из организаторов конференции, большая часть обсуждавшейся на ней информации уже была опубликована в открыто циркулирующих научных журналах.

С другой стороны, для американцев среднего и старшего поколений все это было не очень смешно, потому что живо напомнило им мрачные времена конца 40-х — начала 50-х годов. Соединенные Штаты стали тогда, как известно, жертвой чудовищного явления, окрещенного маккартизмом. Маккартизм, как чума, прошелся по Америке, принеся с собой всеобщее духовное оцепенение, взаимную подозрительность, тотальный страх.

Люди вспомнили, как в начале 1947 года то же министерство торговли приняло дискриминационные в отношении СССР меры, а в июле 1951 года конгресс разорвал советско-американское соглашение от 1937 года, что фактически свело к нулю экономические связи между двумя странами. Вспомнили они, и как в мае 1952 года госдепартамент под страхом судебного преследования запретил американцам поездки в СССР и восточноевропейские социалистические страны. Как живая встала перед их глазами картина казни в июне 1952 года Этель и Юлиуса Розенбергов. На основе заведомо подтасованных показаний супругов-физиков обвинили в том, что они «советские шпионы». То было время, когда любые контакты с Советским Союзом, с советскими гражданами вызывали ужас, потому что превращали любого американца в «красного», лишали его работы, обрекали на слежку и травлю. Время, когда окопавшийся в конгрессе погромщик Джо Маккарти сеял страх перед Советским Союзом, ненависть к нему, шовинизм.

Так что же, в начале 80-х Америка двинулась в направлении второго издания маккартизма? Не хотелось бы так думать. Но вот газета «Сан-Франциско кроникл», совсем не левая и не антиправительственная, комментируя случившееся в Санта-Барбара, замечает, что это «напоминает атмосферу Джо Маккарти». Если проанализировать действия нынешней американской администрации в отношении Советского Союза, то и впрямь сами собой напрашиваются неприятные параллели. И в то время кое-кто в политических целях играл на страхе американцев, только их пугали не сегодняшней «советской военной угрозой», а «коммунистической опасностью». Как некоторые это делают сейчас, в ходе избирательной кампании, Джо Маккарти тоже набирал себе политические очки на антисоветской истерии. Теперь, как и тогда, слепо, бездумно рвут одну за другой связи с Советским Союзом. То, что в немалых трудах создавалось десятилетиями, разрушают за месяцы, нисколько не заботясь о завтрашнем дне, полагая, что нерешенные проблемы так или иначе удастся урегулировать с позиции диктата, с помощью силы.

Тогда очень, очень просчитались. И на этот раз, когда придется подводить баланс, можно не сомневаться, убедятся, что не останется никакого кредита, а будет сплошной дебет. А за этим дебетом в очередной раз последуют покаянные заклинания, битье в грудь, запоздалые переоценки.

Все это уже было, хотя кому-то из вашингтонских политиков сегодня кажется, что они идут собственным, неизведанным путем, что, запуская в производство новые системы оружия и раздувая шовинизм, пугая американцев и поднимая волну антисоветской истерии, они демонстрируют твердость.

Не твердость они демонстрируют, а нечто иное. То, что случилось в Санта-Барбара, да и многое другое из происходящего ныне в Соединенных Штатах, наверное, очень повеселило бы незабвенной памяти Джо Маккарти.

Виталий КОБЫШ

СОПОСТАВИМ

СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ?

— Немедленно прекратить все переговоры западных держав с СССР, включая переговоры по разоружению, космосу, культуре и торговле.

— Наложить эмбарго на торговлю с СССР, делая упор на зерно, объявить общий бойкот всем фирмам, торгующим с Советами.

— Прекратить культурный, спортивный и туристический обмен с СССР.

— Отстранить Советы от Олимпийских игр.

— Добиваться поддержки этих мер со стороны антисоветски настроенных политических деятелей.

— Запугивать советских официальных лиц, проводить пикетирование и демонстрации у советских учреждений, призывать к прекращению всех контактов с Советским Союзом...

Что это? Выдержки из рекомендаций Совета национальной безопасности США, подготовленные по инициативе его шефа Збигнева Бжезинского? Вовсе нет. Перед нами в буквальном изложении «программа» Меира Кахане — главаря террористической сионистской банды, скрывающейся под вывеской «лиги защиты евреев». Он выступил с этой «программой» в феврале 1976 года на II Всемирном сионистском конгрессе в Брюсселе.

Сегодня, спустя четыре года, у Меира Кахане есть полное право требовать у Белого дома сатисфакции за политический плагиат. Осуществляемые в последнее время шаги администрации Картера в отношениях с Советским Союзом имеют очень много общего с бреднями, рожденными в воспаленном мозгу главаря хулиганов и провокаторов.

И что же вы думаете — Кахане не замедлил недавно воспользоваться этим обстоятельством, прямо напомнив своим американским партнерам и о себе, и о своих подручных. Дабы оживить работу сионистских штурмовиков, он вернулся в США после некоторой «отсидки» под крылышком израильских спецслужб, а в начале февраля, уже в качестве «международного президента» своей бандитской шайки, предпринял далеко не туристическое турне по американским городам.

Всего лишь один дополнительный штрих: четыре года назад участники брюссельского сионистского конгресса попытались, пусть хотя бы формально, отмежеваться от экстремистских вылазок Кахане, а его «программу», брезгливо поморщившись, назвали в газетах «провокационной». Теперь такая же программа лежит в основе курса администрации США.

Анатолий МАНАКОВ

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

КАБУЛ: КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ ПРОШЛА

ИЗ ДНЕВНИКА НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

21 февраля

Нормальная жизнь столицы нарушена. Взвинченные, орущие группы размахивают зелеными исламскими полотнищами, громят магазины и лавки. Возгласы «Аллаху-ль-Акбар!» («Аллах велик!»). Вооруженное нападение на банк. Попытка захватить хлебозавод. Снайперы на крышах и в окнах. Пылает кинотеатр. Прибывших не место пожарных обстреляли. Есть убитые. Отряды народной милиции, вооруженные члены партии отражают налеты бандитов. Зверские акты террора против мелких торговцев-дуканщиков.

Прорываюсь на машине сквозь город, сквозь треск автоматов. Вижу пламя в домах, взрывы гранат, окровавленного, с изрезанным лицом дуканщика.

Всю ночь раздаются выстрелы. Наутро — заявление правительства о введении в Кабуле военного положения. Подавлена еще одна контрреволюционная вылазка.

22 февраля

Центральная торговая улица Майванд. Пусто. Ветер. Перевернутая брюхом вверх автомашина. Вонь горелой резины. Хруст стекла. У расквашенной витрины на стене черным углем надписи: «Слава аллаху», «С благословения господа мы начнем исламскую революцию в Афганистане». Пулевые дыры в известке: иероглифы контрреволюции.

Слушаю Би-би-си и «Голос Америки». Опять все то же: интерпретация кабульских событий, как стихии народного возмущения против властей, как взрыв мусульманских чувств, оскорбленных пришествием безбожников-русских. Старательно раздуваемый лживый миф...

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

САЛЬВАДОР: КАРАТЕЛИ ПРОТИВ НАРОДА

На совести местной хунты, прислужников американского империализма, десятки убитых, сотни раненых сальвадорцев. На требования широких народных масс восстановить демократию, гражданские права и свободы, провести аграрную реформу ставленники империалистических монополий и местной олигархии отвечают репрессиями, арестами, убивают рабочих, профсоюзных и крестьянских активистов, расправляются со студенческими лидерами.

Обеспокоенные событиями в этой латиноамериканской стране, вашингтонские политики принимают срочные меры по «оказанию помощи Сальвадору». Туда направлены военные специалисты, которые, как сообщает американская пресса, обучат сальвадорских карателей методам «борьбы с беспорядками», создадут центры по ведению антипартизанской войны. Однако «конечная цель Пентагона заключается в том, чтобы ввести туда морских пехотинцев и доказать, что они могут выиграть партизанскую войну», — свидетельствует «Вашингтон пост».

На снимках жертвы полицейской расправы и американский солдат, один из тех, кто готов завтра ступить на землю Сальвадора.

Фото из журналов «Штерн» (ФРГ) и «Ньюсуик» (США)

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ

ГРИБЫ С КРАСНЫМИ ШЛЯПКАМИ

Хотя Пекин, как известно, пламенно приветствует любые проявления «большого беспорядка» в мире, бурно радуется «катастрофам и землетрясениям в Поднебесной», он тем не менее (а может быть, именно поэтому) полон решимости повсюду наводить порядок — свой, великокитайский порядок. Маоисты и постмаоисты, «радикалы» и «прагматики» одинаково ревностно лезут в чужие дела и всем дают указания: начиная от редакции газеты «Нью-Йорк таймс», куда они еще несколько лет назад послали директиву, что можно и чего нельзя печатать, и кончая руководителями государств и правительств, кои без твердых предписаний Пекина вообще не знали бы, как себя вести на международной арене. «Упорядочим», как им представляется, внешнюю политику Вашингтона и добившись резко антисоветского ее курса, китайские руководители теперь, видимо, решили «упорядочить» и американскую общественную жизнь, в частности рабочее и прогрессивное движение США.

Куда это, в самом деле, годится, если *промаоистские* группировки в США разобщены, бредут кто в лес, кто по дрова и ни в малейшей степени не влияют на настроения американского общества! Если такое махрово антисоветское и потому близкое по духу Пекину вашингтонское издание, как «Проблемз оф комьюнизм», упрекает китайских руководителей в «ослаблении интереса» к промаоизме и «потере влияния»?..

Пекин, как явствует из последних событий, решил «упорядочить» это положение. Пусть возникнет широкое, массовое движение американцев под лозунгом «Мы идем вслед за Пекином!», пусть его возглавит переименованная в «Коммунистическую партию США (марксистско-ленинскую)» прозябавшая прежде «Октябрьская лига» во главе с чеким Майклом Клонски. Ее лидеров неоднократно вызывают в Пекин, а в декабре—январе сам Клонски провел месяц в КНР и получил подробные директивы и строгие инструкции лично от заместителя председателя ЦК КПК Ли Сяньняня и занимающего международным отделом ЦК КПК Цзи Пэнфея. Ему дали задание — объединить вокруг своей группки остальных «сочувствующих» и «создать перелом» в настроениях американцев, зарядить их антисоветским потенциалом, добиться безоговорочного одобрения агрессии во Вьетнаме и прочих пекинских акций со стороны американской общественности.

И вот в январе появляется на свет удивительное по своей амбициозности «совместное заявление» «Компартии США (м.-л.)» какой-то «Лиги революционной борьбы» и самозваного «Революционного штаба рабочих». Они поклялись «добиваться большего единства», пропагандировать «идеи Мао Цзэдуна», внедрять в сознание каждого американца «теорию трех миров» и чувства горячей любви к пекинским руководителям.

Итак, «историческое событие» свершилось. Но — вот удивительное дело — в общественной жизни США как будто ничего не произошло. Правда, власти дали понять, что они будут приветствовать раскольническую антисоветскую деятельность пропекинского «объединения». Но дальше этого дело не двинулось. «Активисты» не жалеют усилий, чтобы очернить Коммунистическую партию США, оклеветать Советский Союз, рекламировать политику подрыва мира и военного психоза. Но никто не замечает их мышиной возни, а те, кто знаком с историей революционного движения, окрестили их «гапоновцами».

Поп Гапон, который пытался расколоть рабочее движение в России, ослабить его силу, как известно, плохо кончил. Канут в небытие и ядовитые грибы Пекина с красными шляпками.

Б. СВЕТОВ

ДЕТЕКТОР ЛЖИ

ФАКТЫ НЕ ПОДТВЕРДИЛИСЬ...

Вовсе не в результате событий в Афганистане наши недруги на Западе начали кампанию по срыву Московской Олимпиады. Этим они занялись давно — с того момента, когда МОК избрал Москву местом проведения летних Олимпийских игр 1980 года.

Сорвать Олимпиаду им не удается. И не удастся. Пытаются хотя бы скомпрометировать. Ищут любой повод. Советский спортсмен, олимпийский чемпион Владислав Чесюнас, приехавший в прошлом году в ФРГ туристом, вдруг удостоился там особого внимания западных спецслужб. Они занялись тщательной психической обработкой спортсмена. Добивались от олимпийца публичного заявления с призывом бойкотировать Олимпиаду в Москве. Пойти против совести Чесюнас отказался.

Неудача антисоветчиков была очевидной. Однако без внимания Чесюнаса они не оставили. Имя Владислава Чесюнаса не протяжении последних месяцев то и дело мелькает на страницах западных буржуазных газет. Вот уж не ожидал чемпион, что вдруг станет на Западе героем многосерийного политического детектива. Вернулся он из ФРГ на обыкновенном рейсовом самолете, в тот же день в Москве пересел на самолет до Вильнюса. В Вильнюсе вошел в свой дом, открыл квартиру... В этой квартире живет и поныне, работает, где работал, учится, где учился...

Однако существует иное «жизнеописание» Чесюнаса, созданное болезненным воображением антисоветчиков: похищен из ФРГ советской разведкой, силой доставлен в СССР, бит до полусмерти, с проломленным черепом помещен в психиатрическую больницу. Пусть топорно, пусть нелепо и неубедительно — важно пустить слушок. Давно обкатанный прием подрывной буржуазной пропаганды. Рассчитан на пристрастие человеческого воображения к тому, что выходит за рамки привычного, несет в себе сенсацию. Потом, демонстрируя «объективность», от сказанного можно походя отказаться: мол, сведения не подтвердились! Но цель уже достигнута: поднятый поначалу шумок уже запал в чьи-то уши.

Осенью прошлого года в Вильнюсе состоялась пресс-конференция, и на ней корреспондент западногерманского телевидения перед кинообъективом собственноручно ощупал голову Чесюнаса: цела у чемпиона голова. Можно было надеяться, что после пресс-конференции, после выступлений советской печати в западном боевике о Чесюнасе наступит наконец вымученный «хеппиэнд». Ведь как не радоваться тому, что человек жив-здоров!

Кто-то не радуется. Кто-то упорно желает Чесюнасу беды. И все для того, чтобы потрафить вашингтонской администрации в ее кампании против Олимпийских игр в Москве. Совсем недавно в западногерманской печати вновь появилось сообщение о Чесюнасе, а радиостанция «Немецкая волна» поспешила запустить его в эфир. Оказывается, «доведенный до отчаяния» олимпийский чемпион «покончил жизнь самоубийством». Все было сработано по законам жанра: в каждом остросюжетном боевике непременно должна быть кульминация.

Западногерманскому телевидению снова предоставляется возможность встретиться в Вильнюсе с... Чесюнасом. И снова стрекочут кинокамеры. Мы позвонили по телефону Клаусу Беднарцу, московскому корреспонденту радиотелекорпорации АРД, который только что вернулся из Вильнюса. Он подтвердил: «Да, снимал Чесюнаса: жив-здоров!» А «Немецкая волна», распространив перед этим злонамеренный вздор, теперь мимоходом скромно роняет: факты не подтвердились... Характерный стиль работы подрывных радиоцентров типа «Немецкой волны» — планомерной клеветой доводить свою жертву до отчаянья. Но пусть не обольщаются: нервы у Чесюнаса крепкие.

Говоря об этой неблаговидной истории, нелишне отметить одно примечательное обстоятельство. В своих сообщениях о судьбе Чесюнаса «Немецкая волна» уже не первый раз ссылается на информацию якобы полученную из посольства ФРГ в Москве. То кто-то туда позвонил и сообщил, что Чесюнасу пробили голову, то посольство само заявляет, что «не исключает возможность самоубийства Чесюнаса»... Не хотелось бы верить, что в этом дешевом антисоветском детективе принимает участие такое серьезное учреждение, как посольство крупного государства, с которым наша страна поддерживает нормальные дипломатические отношения.

Л. ВИКТОРОВ

КИТАЙ СЕГОДНЯ

РАЗОЧАРОВАНИЯ, СОМНЕНИЯ, ОТЧАЯНИЕ

На прошлой неделе французская газета «Монд» выступила с обстоятельной статьей о настроениях китайского народа. Корреспондент газеты в Пекине, в частности, сообщает:

Китайское население охватил сейчас кризис доверия. Об этом пишут все газеты, и, как полагают, сам Дэн Сяопин намекал на это в докладе, с которым он выступил 16 января перед несколькими тысячами кадровых работников. По сообщениям из хорошо информированных кругов, заместитель премьера Госсовета якобы констатировал отсутствие веры в будущее, сомнение в отношении программы «четырех модернизаций». За несколько дней до этого, 13 января, шанхайская газета «Вэньхуэй бао» пошла даже дальше, отмечая тенденцию к «сомнению во всей идеологии» (маоистской. — «АГ»).

По правде говоря, это явление нельзя считать полностью новым: многие признаки отмечались уже около года тому назад, причем не только в дацзыбао, но также во вполне официальных отчетах о собраниях.

Судя по всему, Дэн Сяопин попытался в своем докладе 16 января победить пессимизм окружающих, напомнив о «стабильности и единстве», об улучшении руководства государственными делами, не забыв также упомянуть о трудностях, порождаемых политикой «урегулирования» экономики. Такая аргументация заместителя премьера Госсовета в какой-то степени спорна. Уровень жизни слоев населения с наиболее скромными доходами понизился настолько, что часто уже нет желающих покупать мясо. Для городских жителей, зарабатывающих не более 40 юаней в месяц, купить полкилограмма свинины — это значит отдать заработок за целый рабочий день.

Однако главная проблема заключается не в стоимости жизни. Китайский народ знавал еще и не то, и дороговизна сама по себе для него не новость.

Становится слишком очевидным и слишком заметным социальное неравенство. Отныне главную суть китайской политической жизни составляет проблема ганьбу: очень многие кадровые работники на всех уровнях используют свое положение для того, чтобы обеспечивать себя и заботиться лишь о личных материальных или семейных интересах.

Есть особо «выдающиеся» случаи, о которых ничего не пишут в газетах, но которые всем известны. Даже сам Дэн Сяопин не гарантирован от упреков. Его обвиняют в том, что на одном пароходе, совершившем в прошлом году «круиз дружбы» в Японию, находилось слишком много его друзей и их родственников. Но особенно видна подобная практика в повседневной жизни, на более низких уровнях.

Постоянное несоответствие между словом и делом, недвусмысленно осужденное газетой «Вэньхуэй бао», в немалой степени и вызывает скепсицизм, тот кризис доверия, который охватил сейчас страну. В конечном счете прошло уже более трех лет после смерти Мао Цзэдуна, и никто не хочет больше всерьез верить, что нынешние беды общества объясняются единственно лишь последствиями стиля, унаследованного от «банды четырех». По прошествии этих трех лет народ не верит и новому китайскому руководству.

Остается острой главная проблема: взаимоотношения между теми, кто правит, и теми, кем правят. Что касается Китая начала 80-х годов, формула комментатора агентства Синьхуа проста: «Подлинной демократией является такая демократия, которая служит осуществлению четырех модернизаций». Перед лицом сомнений, разочарований, чувства несправедливости, которые сейчас проявляются повсюду, подобный ответ имеет несколько зловещий характер.

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

ТРИ ПОЭТИЧЕСКИХ ЭПИГРАФА К ПРАЗДНИЧНОЙ РУБРИКЕ

— Мой труд вливается в труд моей республики...

— Есть женщины в русских селеньях...

— Пусть всегда будет мама...

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Анатолий КОЗЛОВИЧ

ОТКРОЙ ГЛАЗА, УВИДИШЬ ЗВЕЗДЫ...

■

Лидия Августиновна Демченко — стерженщица Минского тракторного завода.

Что такое трактор, знает каждый. А вот какое участие в его производстве принимает стерженщица и что это за специальность — известно далеко не всем.

Название специальности Лидии Августиновны происходит, как легко можно догадаться, от слова «стержень». Что такое стержень? Говоря обобщенно, это некий крепкий предмет, пронизывающий, объединяющий и скрепляющий какие-то разрозненные части в одно целое. К примеру, кусочки баранины нанизываются на острый предмет, называемый шампуром, — и получается шашлык. Или же различные житейские факты объединяются обобщающей мыслью, нанизываются на острие, то есть стержень сюжета, — и вы читаете очерк. Существуют выражения «гвоздь вопроса», «гвоздь проблемы», в которых слово «гвоздь» синонимично по смыслу слову «стержень». Говорят еще, что стержень есть и в каждом человеке. Впрочем, выражают и сомнение: в каждом ли?..

Итак, Лидия Августиновна Демченко, о которой я пишу очерк, изготовляет стержни. Она делает стержни всевозможных размеров и конфигураций: плоские и круглые, маленькие, с десяток граммов, и двадцатикилограммовые, похожие на пальчики (они так и называются — «пальчики»), и на волшебную лампу Аладдина. Эти причудливые изделия женских рук станут важной частью литейной формы, они образуют в отливке внутренние полости, сквозные отверстия, впадины, выступы, то есть сделают стальную болванку конкретной и точной деталью трактора. Сделают свое дело — и умрут, их выбьют и отправят в мусор. Сталь, как бы прочна она ни была, оживает, обретает свое назначение благодаря песочным стержням Лидии Августиновны.

Да, да, стержни изготовляются из песка, точнее — из смеси песка, глины и скрепляющих добавок. Техническое название материала — стержневая смесь, в обиходе — формовочная земля, или просто и кратко — земля. Эта земля поступает в бункеры высотой в два этажа, в нижней своей части бункер сужается в трубу. В трубе три отверстия, через них земля потихоньку сползает на стол.

Крепкими сухощавыми ладонями Лидия Августиновна выгребает из отверстия жирную землю, похожую на домашнее тесто, руками накладывает ее в специальную форму («формовочный ящик»), разравнивает, утрамбовывает, прикрывает сверху железной крышкой («сушильной плитой») и — оп! — ловко переворачивает. Затем легонько и быстро стучит по днищу формовочного ящика деревянным молоточком, осторожно снимает форму, освобождая сформованный «пирог» — стержень. Вместе с плитой-подставкой ставит его на подвесной конвейер, движущийся рядом, — и стержень пошел в печь, на обжиг: там он станет румяным, прочным, огнеупорным, не боящимся расплавленной стали.

За смену Лидия Августиновна отправляет на сушку от 300 до 650 стержней (в зависимости от их сложности). Пока я наблюдал, она сделала десять штук. Ни одного лишнего движения, все под рукой — раз, раз, раз... стержень поехал на конвейере. И вновь ловко, звученно — раз, раз, раз... Оп — поехал! Опять — оп!.. И опять... 650 раз в день одни и те же движения рук, глаз, тела.

«Устают ли руки? Да, устают, особенно уставали поначалу, пальцы болели, вот здесь, в подушечках, — она пошевелила пальцы, на которых чернели песчинки. — Поясница болит, если не найдешь удобной позы. Я, бывало, положу на стол одну плиту и на ней, согнувшись, делаю стержни. Мастер Игорь Михайлович Каминский подойдет, посоветует: «А ты, Лида, положи плит побольше, чтобы можно было распрямиться, во весь рост работать...».

Давно не существует той юной стерженщицы Лиды, не умеющей найти за рабочим столом правильной позы, исчезла она, растворилась в грохочущем цехе, воплотилась в тысячи румяных стержней, в тысячи красных и синих тракторов «Беларусь», она, та неопытная, но сильная и упрямая Лида, отдав заводу свои дни и годы, выросла в Лидию Августиновну, стала Героем Социалистического Труда.

Не болят натренированные пальцы, разминая землю, не ноет поясница, потому что пришел опыт, пришла науке правильно распределять свои силы. Руки привыкли, тело привыкло. Но привыкла ли душа к однообразному, нелегкому занятию, не болит ли на душе человеческой, рвущейся, как всегда, к творчеству, к разнообразию, к красоте? Она делает стержни уже 22 года. Двадцать два года!

Всю свою жизнь она в этом цехе, за этим столом, у этого бункера, на котором на уровне глаз приклеен осколочек зеркала, что как-то сразу делает рабочее место истинно женским, несмотря на пыль и грохот, железо и огонь. За двадцать два года много раз менялись эти зеркальца, потому что от вибрации падали и разбивались. Но если за это же время ее рабочие дни и недели, месяцы и годы не поблекли от многократного повторения, не рассыпались, как песок, а, наоборот, выстроились в четкую линию, идущую вверх, к вершинам рабочего мастерства, то, следовательно, нечто цементировало их, скрепило в одно неразрывное целое, называемое славной человеческой жизнью, судьбой, — значит, существует в ней какой-то крепчайший стержень. В чем же он?

Вы думаете, она ответила на этот вопрос? Нет, не ответила. Задумалась над ним надолго, искренне желая мне помочь найти «тот стержень», и, видя, что помочь не в состоянии, растерялась, покраснела. Разве можно, например, ответить, за что любишь мать? Мы говорим просто: люблю свою мать. Люблю свою Родину. Лидия Августиновна сказала: люблю свой труд. Литейщиком, сказала она, не каждый может быть, потому что работа эта нелегкая.

Труд литейщика она полюбила даже раньше, чем пришла в сталелитейный цех. До этого она работала в цехе ширпотребе, собирала паяльные машинки и кровати, шесть лет собирала паяльные машинки и бегала в сталелитейный посмотреть, как там работают. Паяльные машинки были не по душе, хотелось серьезной работы, говорит она.

Таким образом, задолго до перехода в стерженщицы она приняла этот труд душой. Может быть, поэтому с первых же недель уверенно догнала и перегнала бывалых стерженщиц, а может, и в чем-то другом причине. Поди разберись теперь. Она сама не знает, почему у нее все так быстро получалось. Она говорит: очень ловкая была. Говорит — и краснеет при этом. Ей, видимо, кажется, что она хвалится.

Она была ловкая и сообразительная. Личные планы и нормы она выполняла при отличном качестве. Когда ее спрашивали, как у нее так быстро получается, показывала, наглядно демонстрируя свою ловкость.

Значит, причина успеха — в ловкости рук, в умении самоорганизоваться на рабочем месте? Да, соглашается она, в ловкости рук, в очень ловкая и быстрая, потому перевыполняю норму. Но ведь не одна я перевыполняю, вот, посмотрите табель: почти у всех перевыполнение. У многих ловкие руки. Земля есть, формы есть, конвейер плывет — не ленись, лепи стержни. И многие лепят обы как. Землю, бывает, подадут некачественную — все равно лепят, лишь бы побольше выгнать. Ленятся лишний раз форму керосином смочить, чтобы не приставала земля. И стержни получаются с раковинами. А я так не могу. Я, бывает, что и норму не выполню. Не могу работать с плохой землей. У меня душа болит, когда что-нибудь плохое вижу. Иду ругаться к земледелам. Наругаюсь, расстроюсь, настроения нет, руки совсем другими становятся, непослушными. Вот вам и ловкость рук! Нет, не в руках дело. Знаете что? Свой труд можно любить, можно достичь в нем большой производительности, а вот если ты не любишь чужой труд, то никакой ты не рабочий.

■

Речь, как выяснилось из дальнейшего разговора, не о чужом занятии, не о чужом труде как таковом. Она имела в виду результат чужого труда: вот его-то, результат, надо любить и уважать. Свой тезис она подкрепляет ежедневным делом. Для наглядности приведу лишь один пример.

Производительность одной стерженщицы и производительность участка в целом — понятия разные. Бывает, стерженщица намного перевыполнила свою норму по конкретным стержням, а их, этих же самых стержней, все равно не хватает. Почему? Да потому, что задача стерженщицы — слепить стержень и поставить его на конвейер. Дальнейшее ее не касается, свою зарплату она получает от количества слепленных «пирогов». Что получается со стержнем дальше?

Дальше конвейер быстро везет его в сушило. Перед сушилом — дверки: они открываются, впуская стержень, затем закрываются; высушивается изделие — дверки вновь открываются, выпуская его, и вновь захлопываются. Конвейер, таким образом, то двигался, то замирал в сушиле. Это сдерживало рост производительности участка. Получалось: стержни есть, и вроде одновременно их нет, литейщики-заливщики простаивали. Значит, они пусть стоят без дела, а мы, стерженщицы, будем лепить новые и новые «пироги»? Производительность ради производительности — вот что получалось.

Ловкие руки Лидии Августиновны не подобную производительность не способны, они, как говорится, совсем опускались, пока голова не придумала ловкий и простой выход. Демченко предложила установить не сушило вместо жесткой дверки экран из фольги и уменьшить скорость конвейера. Что получается теперь?

Конвейер движется медленнее, но безостановочно, сам открывает ленточные двери сушила, движется в сушиле, стержни успевают высохнуть на ходу. Повысились и качество, и производительность.

Зададимся таким вопросом: чья производительность повысилась в результате рационализаторского предложения? Стерженщицы Демченко? Нет, она от тех дверей не зависела. От них зависел литейный цех, недодающий из-за отсутствия готовых стержней стальные отливки, а значит, и сборочный цех, не выпускающий готовые тракторы в запланированном количестве, и колхоз, не получающий невыпущенные тракторы, и государство, недобирающее урожай...

К какой мысли можно прийти, проследив эту цепочку? К мысли о том, что от стерженщицы зависит целое государство? В известной степени — да, зависит, конечно, мой труд вливается в труд моей республики, как сказал поэт. Но государство зависит главным образом не от каждого из нас в отдельности, а от всех нас вместе взятых, объединенных и взаимосвязанных общими интересами и единым производственным конвейером. На конвейере мы продолжаем чужой труд, в чужой труд добавляем свой личный — и отправляем сей коллективный «пирог» дальше по конвейеру.

Все больше накапливается вокруг нас результатов чужого труда, материализованного в тракторах и дорогах, в станках и хлебах... Все более опосредованным становится наш личный вклад в общий результат, от которого нас отрывают узкая специализация и широкая кооперация. Лидия Августиновна как-то призналась мне, что первые две года не знала, куда и зачем идут ее стержни, не представляла, где они будут на тракторе. Делаю-делаю, говорила она, и думаю: а зачем их столько, для чего я стараюсь? У рабочей зародилась тревога: как ее личный результат стыкуется с общим, коллективным результатом? Она отправилась к литейщикам, работающим с ее стержнями, и дотошно расспросила, не лишние ли стержни, куда они предназначены, качественны ли? Затем пошла не сборочный конвейер и увидела там конкретный результат своего труда, многократно умноженный не чьи-то другие результаты. После этого ей стало легче, ее личная прибавка к чужому результату как бы обрела большую значимость.

Почему же не придут к ней, к стерженщице, земледелы и не спросят, куда и зачем они готовят тысячи тонн смеси?.. Ведь специализация может настолько отделить работника от конечного результата труда, что работа вообще потеряет общественную перспективу. Спросите у швеи крупной фабрики: что она шьет? Она ответит (я спрашивал, знаю): шью кокетку. А ее подруга шьет пленку. Еще одна швея с успехом шьет оборку. Но скажите, зачем кем эти их пленки и кокетки? Нам нужны пиджаки! И не потому ли так много в магазинах неуклюжих пиджаков, что наши швеи делали не пиджак, а кокетку, карман, пленку? А почему так много плохой обуви? Может быть, потому, что сапожник, как таковой... исчез, растворился в узкой специализации? Вместо сапожника появились заготовщики верха обуви, раскройщики, затяжчики, прикреплялыщики низа, красильщики... Исчезают профессии — исчезает и профессиональная честь. А без чести брак производить легко.

У Лидии Августиновны тоже «узкая» специальность — стерженщица. Однако она гордо, даже с вызовом считает себя литейщиком и непременно напомнит вам об этом. Она водила меня к сталелитейным печам, не участок заливки, на земле-приготовительный участок и говорила: здесь мы варим сталь, здесь мы делаем землю... Мы! Она показывала новые автоматы и полуавтоматы на своем участке и говорила, на сей раз не боясь хвастовства: прекрасные машины, их сделали по чертежам конструкторов сами тракторозаводцы.

Затем она показала мне (это было не другой день) автомат в действии: в горячий стержневой ящик выстреливалась земля — и через две минуты кран ставил на тележку готовый румяный стержень. Демченко при этом лишь нажимала кнопки и внимательно следила за стрелками приборов. И не без гордости сообщила, что, вскрывая автомат, инженеры приходили к ней, советовались. Машине, повторяю она, получилась хорошая, и с каждым годом их все больше и больше на участке. Но без моих ручек, говорила с радостью и смотрела на свои крепкие кулачки, все равно не обойтись. Есть такие сложные стержни, что их ни одна машина не сделает. Во всем мире эти стержни делают руками.

Еще говорила, показывая на большие жгуты проволоки в углу: из нее делают арматуру для стержней, тысячи тонн металла идет. А ведь во многие стержни можно обойтись без арматуры или закладывать ее меньше, а по собственному опыту это доказала. Нет-нет, все равно кладешь проволоку, почем зря переводим чей-то труд. Говорила с болью и злостью. Это — творческая боль, созидательная злость. Я замечал: этой злостью болеют настоящие труженики.

Стерев женщине, полевод колхоза «Большевик» Минской области К. Н. Клишевич рассказывала однажды: «На трактор меня позвала знаменитая Паша Ангелина. Окончила в курске, до самой войны работала на тракторе, он мне стал родным. Когда пришли фашисты, злость меня взяла: нет уж, трактор вам не достанется! Разобрала его на запчасти и закопала. А после войны с моего трактора МТС началась».

Рабочая Демченко болеет за экономию проволоки, колхозница Клишевич болела за трактор — думаю, это факты одного ряда. Что касается трактора, то в Белоруссии известно еще несколько удивительных случаев неразлучной дружбы человека и стального коня. Во дворе Минского краеведческого музея стоит на постаменте трактор «ХТЗ». До войны на этом тракторе работал колхозник В. Г. Потрубейко. Он не позволил отступающим сапорам взорвать свою верную машину. Разобрал ее, смазал части солидолом и закопал в своем саове. После войны он работал на этом тракторе еще пятнадцать лет, во всех деревнях района знали легендарную стальную машину, даже имя дали — Капитан, то есть первый...

Гордо рокотал на заросшем послевоенном поле сбережейный Капитан, а где-то рядом, за околицей деревни Юрьево Минской области, женщины тянули на себе плуг, и была в той жуткой упряжке молоденькая Лида. Не тогда ли зародилась у нее мечта выпустить много-много тракторов? И когда на окраине Минска вырос завод, Лида пришла туда работать.

Первый трактор «Беларусь», выпущенный двадцать шесть лет назад и послуживший трактористу С. С. Науменко вдвое дольше положенного срока, стоит теперь перед проходной завода на постаменте. Перед сменой с обеих сторон его обтекает плотная толпа, рабочие идут делать новые тракторы. Их сделано на минском заводе уже свыше полутора миллионов. Армада стальных коней пашет поля, сеет хлеб. Общий впечатляющий результат нашего труда настолько огромен, что какая-то маленькая проволочка, с которой ты имеешь дело на своем рабочем месте, зачастую кажется несущественной, нематериальной. Лидия Августиновна Демченко всем сердцем своим хочет вернуть материальность каждой проволочке, каждой песчинке формовочной земли. С понимания этой материальности, убеждена она, начинается истинно рабочий человек.

■

По правую руку от Демченко за формовочным столом старательно суетилась девушка у своих «пирожков»-стержней. Лидия Августиновна нет-нет, да и глянет в ту сторону. «Тянешь!» — сказала она мне. — Хорошая девочка». Хорошая девочка, наверно, почувствовала, что говорим о ней. Стрельнула глазами в зеркальце, висевшее перед ней, улыбнулась нам.

Это была очередная ученица Лидии Августиновны, она уже работала самостоятельно. Демченко считает ее хорошей не за глазки — за добросовестность. Степень добросовестности Лидия Августиновна определяет по собственной, довольно простой и верной методе. Учениц у нее было много, и самыми любимыми были те, кто больше «надоел» расспросами: Лидия Августиновна, а почему вы арматуру закладываете здесь не по чертежу?.. Лидия Августиновна, посмотрите, у меня развалился третий подряд стержень!.. Лидия Августиновна, а когда покажете свой полуавтомат?

Обучить конкретной специальности, горячо убеждала она меня, не так уж и сложно, сложнее и, наверно, важнее научить новичка не замыкаться в своей специальности, видеть дальше и шире ее. Всех своих учениц она поначалу, понятно, учит делать стержни. Учит, пока по умению и знанию технологии ученик и учитель не станут равными. Затем Лидия Августиновна, как она выражается, «берет девочку за ручку и ведет в комитет комсомола, в хор, в кружок: давай, милая, включайся в общественную жизнь завода, выбирай дело по способностям, по душе. Не завода не только стержни делают!..»

Ведет она ученицу «за ручку» и словно воочию видит, как четверть века назад по этой же центральной аллее, где висят портреты передовиков, в том числе и ее портрет, вот так же мастер «вел» в комитет комсомола ее, вчерашнюю деревенскую девчонку, окончившую десять классов в перерывах тяжелого крестьянского труда в полуголодной послевоенной деревне в центре Белоруссии...

Видит она в юной ученице себя — и грустит, конечно: кто не грустит о прошедшей молодости!.. Видит ученице портреты передовиков, всматривается в лицо своего учителя, и кто знает, возможно, видит не этой славной аллеи и себя, опытную стерженщицу, бывалую рабочую, иначе зачем же идти на завод и проситься в ученицы к прославленной стерженщице Демченко, члену парткома завода, члену совета наставников, члену редколлегии республиканского журнала «Работніце і сялянка»...

Смотрись, как в зеркало, в другого человека — и ты увидишь себя. Это формуле психологов.

Лидия Августиновна однажды сказала мне: «Был у меня в жизни счастливый день, когда я смогла записать в своих соцобязательствах такой пункт: «Вызываю на соревнование комсомолку Тамару Алехно».

Тамара — ее бывшая ученица. За три года она сравнялась с наставником в производительности труда. Ее неспокойный, неравнодушный характер естественным путем привел ее к активной общественной жизни, она — член заводского комитета комсомола. «Хорошая девочка, — говорила о ней Демченко слова своей высшей похвалы. — Болеет за все вокруг. Далеко пойдет!»

МИНСК

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

ОБРАЗ НАДЕЖДЫ

ДИКТОР объявил, что наш самолет задерживается еще на пять часов. Погода действительно была скверной. Хлестал ливень. Эти пять часов показались мне пятью годами. В просторном аэропорту Домодедово я от волнения не знала, куда деться. 20 дней, как я не видела свою дочурку Шахло. Эта тоска по ней заставила меня бросить лечение и не неделю раньше вылететь домой. И вот наше свидание задержалось еще не пять часов. Перед моими глазами — Шахло. Первые ее шаги, первые ее слова: новые, придуманные, неуклюжие слова. И я их с удовольствием повторяю. Мне кажется, она рядом — топает, хохочет, лепечет.

Как будто недавно было. Держу свою малышку на руках, мы играем. Ей нет и года. Она все понимает, все знает. Я осторожненько коснулась пальцем ее носа-пуговки, она принимает мою шутку и от удовольствия закрывает глазки. Трется головкой о мое лицо и бросает себя в мои объятия. Я поднимаю ее над головой. Солнце купает ее в своих лучах. Малышка ручонками, как крылышками, машет, как будто хочет взлететь. Она радуется, улыбается и показывает пару беленьких зубиков. И эти зубки на мгновение меняют все ее лицо.

Как недавно это было. А сейчас она мне читает стихи, поет... И вдруг за спиной плач ребенка. Оборачиваюсь на этот голос. Смотрю: молодая женщина передает малыша мужу, а муж увешан чемоданами, рюкзаками... Оба такие усталые, давно, видать, ждут самолета. А ребенок плачет во весь голос. Я подошла. «Дайте мне», — говорю. Женщина протянула ребенка. Мальчуган белобрысый, голубоглазый. Я ласково обняла его и тихо спела нашу таджикскую колыбельную. Не знаю, от моих объятий или от спокойного моего голоса малыш прекратил реветь, положил головку на плечо и уснул. Я слышала, как стучит его беспокойное сердечко. И вдруг спросонья обвил толстенькими ручками мою шею этот белокурый мальчуган. А я от волнения плакала. Молодая мать с удивлением смотрела на меня. Я только и смогла сказать, что очень соскучилась по детям...

У нас в Таджикистане говорят: «Дом, полный детей, — базар, дом без детей — могила». И новые знакомые обычно друг друга спрашивают: «Сколько у вас детей?» Недаром наша республика занимает первое место по рождаемости в стране (и, к сожалению, по изданию книг для детей — не предпоследнем)...

Я часто выезжаю в кишлаки. Каждая дверь таджикского дома распахнута для гостей. Входя в таджикский дом, замечаешь тут традиционный знак. В каждом доме на тебя смотрят 10—12 пар глаз. Черные, карие, голубые, веселые, удивленные. И в глубине каждого взгляде ты видишь красочный мир детства.

Однажды я была в гостях у одной колхозницы — матери-героини. Мать пела своей новорожденной колыбельную. Это была чудесная колыбельная. В конце каждого куплета повторялось: «Ты моя единственная, ты мое солнышко, ты моя надежда». Когда уснул ребенок, я спросила: «Почему вы одиннадцатого своего ребенка называете единственным?» А она ответила: «Каждый для меня — единственный, каждый — солнышко, каждый — надежда».

ДУШАНБЕ

НАСТРОЕНИЕ — ХОРОШЕЕ!

Фото А. СААКОВА

Фото А. ВАСИЛЬЕВА

Замира ИБРАГИМОВА

ГИЛЕВСКИЕ

— Баба, а коли бы тебе не было, так и нас всех не было бы, да?

(Открытие 8-летнего внука крестьянки О. Ф. Шибковой, сделанное им однажды в разговоре с бабкой о прошлом ее жизни)

1.

СМОГУ ЛИ рассказать о них лучше, чем они сами рассказывают о себе, плача и смеясь, не проклиная незавидную свою судьбу, а тихо удивляясь тому, что пережили, тому, что выжили, тому, что дожили до времени, «когда бы жить да жить, если бы не изработались так, что все болит»?

Мне, наверно, не суметь. Ведь это не я провожала на фронт мужика, с которым «хоть и недолго пожила, а шестерых детей накопила, и старшему было 10 лет, а младший еще не родился». Не мне сказал на прощанье муж летом сорок первого, как раз в покос, оставив в дома погибули хлеба: «Не обижай детей, война кончится миром, им там жить». Не я получила в сорок третьем короткое письмецо с «навсегда» запомнившимися словами: «Спасибо тебе, жена моя, что ты всех детей моих спасла. Я скоро вернусь, а сейчас на танке ухожу в бой...» И не мне, когда война уж «замирялась», принесли похоронку, и не я кричала-кричала, так кричала, что соседка прибежала утишать — хватит кричать, от крика твоего избушку мою в поле унесет: и не я запрягла после этого корову, выехала на ней пахать да запела вдруг, сама не зная с чего.

Не я катала ночами валенки — пару за ночь, если не валилась замертво в коротком сне после бесконечного рабочего дня. Катала до рассвета — в надежде сегодня же получить за них хлеба ли, мяса ли, картошки — «кто чо сможет».

Не я камыш литовкой по льду косила — не успела по таляу детям подстилок наплести, да и топились камышом и шишками.

Не я, прибегая с ферм, скидывала пимы и снаряжала старшего в школу, а сама натягивала на ноги рукавички и носилась по хозяйству.

Не я обменяла по бревну родительский еще дом на продукты и тряпки, перебравшись в землянку со всей детворой до счастливых тех дней, когда начали лить пятистенки из самана.

Не со мной, не со мной все это было — не по годам мне эта судьба, а по плечу ли ноша — судить о том не дано никому, не испытавшему подобного. Но вот свела нас жизнь в теплых, прибранных сибирских избах для неторопливых разговоров, и вспоминают солдатские вдовы, вспоминают осиротевшие матери, вспоминают бабки да прабабки долгов свое лихоманное житье-бытье и мешают слезы со смехом. А с портретов глядят с неизменным спокойствием на состарившихся жен и матерей вечно молодые мужья и сыновья.

Тридцать семь осталось в Гилевке женщин, потерявших в войну кто мужа кто сына, кто мужа и сына, кто мужа и двух-трех сыновей.

2.

Старинное, говорят, сибирское село Гилевка. Но верить приходится на слово, потому что никак не угадаешь по селу почтенного его возраста. Дома в большинстве глядятся молодо, много новостроек, а светло-каменный центр и вовсе еще складывается. И все тут — школа, детсад, Дом культуры, магазины, административные здания, все тут точно сошло на гилевскую землю с глянцевых страниц книжки-альбома об облике лучших нынешних деревень страны.

Пятьсот примерно дворов в Гилевке на 1700 жителей. 80 оранжевых, зеленых, синих «Москвичей», «Жигулей» (мотоциклы тут давно не считают). 245 учащихся в собственной десятилетке, почти половина выпускников которой остается работать в колхозе. Колхоз называется «Заря Алтая». И славен высокими урожаями: три года назад занял даже первое место в Алтайском крае, собрав чуть ли не 26 центнеров пшеницы с гектара.

Показатели тут, впрочем, по всем статьям хороши, и в материале иного назначения вольготно было бы порассуждать, отчего это да почему на гилевских полях не только пшеница, но и кукуруза, и сахарная свекла, и подсолнечник лучше растут, чем у соседей, да как это умудрились гилевцы пятилетний план по молоку и шерсти выполнить за четыре года, за счет каких таких возможностей увеличивается из года в год сдача мяса, молока и других продуктов сельского хозяйства. Когда-нибудь, может быть, — я летнюю ли страду, в послеуборочное ли затишье — и случится попытать колхозников, почему это они работают лучше ближних и дальних своих соседей, за что и удостоено их хозяйство переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Доску почета ВДНХ. Но вот в

З. ЯНКОВА,
кандидат исторических наук

ЖЕНЩИНА НА РАБОТЕ И ДОМА

По последним данным, свыше 93 процентов всех трудоспособных женщин нашей страны работают или учатся. При этом сфера применения простого труда сокращается, сложного — растет. За последнее десятилетие удельный вес работниц, выполняющих ручные операции, резко уменьшился, доля тех, кто руководит производством, занимается научной деятельностью, лечит, учит, управляет станками, машинами, механизмами, аппаратами, увеличилась. В этом одна из особенностей современного этапа развитого социализма.

Труд — осмысленный, квалифицированный, творческий — стимулирует духовный рост женщины; участие в общественном производстве помогает ей ощутить свою причастность ко всем делам страны, способствует развитию ее как личности.

В то же время женщина-труженица остается женой, матерью, хозяйкой дома. В нашей стране делается очень многое, чтобы все эти роли она могла исполнять наилучшим и для общества, и для семьи, и для самой себя образом. Практически равенство женщины и мужчины достигается предоставлением женщине целого ряда привилегий: более льготные условия выхода на пенсию, оплачиваемый отпуск по беременности и родам, сохранение за женщиной права вернуться после отпуска на прежнее место работы, особая охрана труда в период беременности, отпуск по уходу за ребенком до одного года и т. д.

Перечень привилегий, предоставляемых женщинам, все расширяется, но некоторые проблемы еще предстоит решить. Об этом — заметки социолога и письмо читательницы.

КАК ДОБИТЬСЯ гармоничного сочетания профессиональных и семейно-бытовых ролей, выполняемых женщиной? Такова сегодня одна из важнейших социальных проблем современности.

На вопрос социологов, обращенный к женщинам разных социально - профессиональных групп и образовательного уровня, какую роль они считают для себя более значимой — профессиональную или семейно-бытовую — 90 процентов ответили: «И ту, и другую, так как они взаимно дополняют друг друга».

В результате общий уровень профессиональной занятости женщины в СССР в настоящее время достиг более девяноста процентов, то есть фактического предела. Это отражает потребности как народного хозяйства, так и самих женщин, но порождает и много сложностей. Как свидетельствуют многочисленные социологические исследования последних лет, советские женщины не могут жить счастливо вне общественного труда, вне производственного коллектива. Общения с коллегами им столь же необходимо, как и общение в семье. Именно этим объясняются длительность (в среднем 33,5 года) и непрерывность трудового стажа работниц-матерей, их внутреннее нежелание уходить на пенсию по старости, их стремление сохранять контакты с производством даже во время отпуска. Наконец, о том же свидетельствуют и мотивы профессиональной деятельности. Пятьдесят восемь процентов женщин, у которых было взято интервью, мотив «приносить пользу обществу в целом, а не только семье» ставят на первое место.

Более того, исследования, проведенные на протяжении последнего десятилетия, показывают: работницы в конце 70-х годов значительно чаще, чем в конце 60-х, подчеркивают, что в труде важен не только заработок, но и его смысл, общественная значимость, сам процесс, а не только результат.

Иными словами, высокий уровень занятости советских женщин объясняется не только потребностями народного хозяйства и не только необходимостью повысить уровень материального благосостояния семьи, но и ростом самосознания представительниц «прекрасного пола», изменением их собственных установок, причем не только на труд, но и на образ жизни в целом. Именно поэтому профессиональная активность проявляется не только и даже не столько в постоянном росте уровня занятости женщин в общественном производстве (доля составляет 51 процент), сколько в изменении характера и содержания их труда, в насыщении его творческими, организаторскими и управленческими функциями. Эти изменения и характеризуют тенденции развития женского труда на социалистическом предприятии. Достаточно отметить, например, что за время между 1959 и 1970 годами доля женщин в общей численности работниц физического труда не изменилась и составляет 48 процентов, а доля работниц умственного труда возросла на 7 процентов.

В ПОСЛЕДНЕЕ время все чаще стали говорить и писать о «деловой женщине», «эмансипированной женщине», как бы противопоставляя ее «женственной женщине». Как ни парадоксально, «деловая женщина» часто оказывается куда более женственной, чем так называемая «женственная», потому что она тоньше, умнее, деликатнее, душевнее умеет рассмотреть и решить как производственный конфликт, так и семейный. Женщины больше, чем мужчины, уделяют времени и душевной теплоты созданию в трудовых коллективах атмосферы взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимопонимания. В этом проявляется и их активная жизненная позиция, и особенности их социально-психологического склада — выработанное историей стремление и умение опекать, помогать, понять «причину причин» настроений и помыслов своих коллег, руководителей и подчиненных. Они отзывчивы, способны к сопереживанию, самоанализу.

Конечно, некоторые специфические женские качества могут приводить и иногда приводят к излишней нервозности, усложняют отношения как в коллективе, так и в семье. Женский организм очень чутко и непосредственно реагирует не только на физические воздействия производственной среды (температура, вибрация, ритм и т. д.), но и на нравственно-психологический ее климат. В отдельные периоды — вступления в брак, материнства — эти реакции усиливаются и могут порождать, если их не учитывать, конфликтные ситуации, создавать определенные «зоны опасности».

И тем не менее для женщин характерна большая, чем для мужчин, адаптация в коллективе, что подтверждается, например, их сравнительно редкими переходами с предприятия на предприятие (на 15—20 процентов реже, чем у мужчин), низким уровнем нарушений трудовой и производственной дисциплины, большей удовлетворенностью от общения с коллегами.

Многие женщины отмечают, кроме того, взаимосвязь профессионального и семейного общения, в частности, они подчеркивают, что те из них, кто профессионально занят, имеют более широкий кругозор, чем домашняя хозяйка, и потому пользуются бо́льшим авторитетом у мужа и детей, рациональнее выполняют свои семейные обязанности. Социологические исследования показали, что в тех семьях, где жена активно работает на производстве, где ее связи с коллективом содержательны, она и дома чувствует себя свободно и спокойно, с ней считаются, и она обид ни на кого не копит. Детей такой женщине также воспитывать куда легче: авторитет ее высок, а семейный диалог более содержателен. И, напротив, в тех семьях, где жена не работает, ее обязанности чаще всего ограничиваются обслуживанием членов семьи, и только.

В СПЕЦИАЛЬНОЙ литературе неоднократно отмечалось, что ведущая тенденция внутрисемейных отношений в условиях развитого социализма — развитие фактического равенства между супругами, а следовательно, изменение характера семейно-бытовых ролей женщины и мужчины. Если авторитарный характер семьи в прошлом предполагал жестко закрепленное распределение прав и обязанностей членов семьи, осуществление руководящих функций исключительно мужем — главой и подчиненное положение жены и детей, то для современной семьи, напротив, характерна хозяйственная кооперация. Впрочем, в части семей сохраняются элементы старых взаимоотношений. И это понятно: развитие фактического равенства истинной коллективности в быту — процесс сложный, длительный и далеко не завершенный.

Обследование, проведенное, в частности, в Москве, показало: примерно в трети семей во многом сохраняются традиционные порядки. Возьмем, например, затраты времени на домашний труд мужчин и женщин. Приготовление пищи отнимает у женщин 10—12 часов в неделю, у мужчин — полтора—два часа; покупка продуктов — около шести и около трех часов; стирка — 20—30 минут в неделю у женщин и около шести минут у мужчин. И все же еще в 60-е годы ленинградский социолог А. Л. Пименова убедительно показала, что главенство в семье меняется: от прежнего беспрекословного почитания мужа-главы, независимо от его личных качеств и степени участия во внутрисемейных делах, к признанию прежде всего личных достоинств лидера. Многие обследованные (57 процентов!), по данным Пименовой, вовсе отрицают наличие в семьях какого-либо главы. Эти выводы затем неоднократно проверяли и подтверждали многие исследователи на материалах Москвы и других городов и районов страны. Иногда при этом делался вывод о том, что отсутствие главенства является процессом однозначно прогрессивным, свидетельствующим о становлении семьи нового типа. Между тем дело обстоит не так схематически просто.

Любая социально-психологическая группа, в том числе и семья, всегда имеет главу, который обладает специфическими способностями направлять ее деятельность, разрешать конфликты умением и готовностью взять на себя всю полноту ответственности за принимаемые решения. Плохо, если таким лидером является человек, которому не под силу быть ни ведущим, ни организатором, да и вообще принимать ответственные решения. Не лучше, однако, если семья не имеет главы вообще, ибо тогда в житейском море с его конфликтами, сложными ситуациями, трудностями и вечными вопросами можно оказаться «без руля и без ветрил».

Главой современной советской семьи должен стать и обычно становится наиболее знающий, ответственный из супругов, умеющий действовать в интересах семьи в целом и каждого ее члена в отдельности, а вовсе не тот, у кого деньги и потому власть, как писал в свое время Владимир Война в «Литературной газете». Кстати, в традиционной семье, во главе которой всегда стоял мужчина, «кассой», подсчетами доходов и расходов тоже нередко ведала женщина. И это никогда не мешало мужу ощущать свою ответственность за жену и детей и осуществлять главенство. Не мешает это и многим современным мужчинам — в большинстве семей главами по-прежнему остаются они. В других семьях муж возглавляет и организует одну из сфер внутрисемейной жизни, жене — другую и только в третьих главой признается женщина. Гармоническое совмещение этой новой роли возможно лишь в условиях активной помощи общества и государства.

В НАСТОЯЩЕЕ время в стране проходят проверку различные социальные эксперименты. Среди них необходимо назвать первые опыты разработки дифференцированных по полу норм труда, содержащего высокий удельный вес физических затрат (в сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве), создание удобных для женщин режимов труда. Одновременно проверяется на практике большое число экспериментов, связанных с рациональной организацией службы быта.

Наблюдения за ходом всех этих экспериментов показали, что сокращение рабочего дня женщин, имеющих малолетних детей, на один-два часа (на швейных предприятиях Москвы, Таллина, в одной из строительных организаций Одессы и др.), равно как и введение так называемого скользящего графика для начала и конца рабочего дня (на предприятии радиоламповой промышленности Калуги), дало хорошие результаты — повысились производительность труда и качество продукции, понизилась себестоимость, больше времени стало уделяться дому и воспитанию детей, возросла удовлетворенность женщин образом жизни в целом. Те же результаты дал и эксперимент организации надомного труда в швейном объединении «Трибуна» в Ленинграде, который предусматривает сохранение у надомников содержательных производственных контактов и др.

Опросы общественного мнения показали, что 40 процентов женщин-работниц, имеющих малолетних детей, изъявили желание работать на неполном рабочем дне или неделе и 16 процентов — на режиме надомного труда. При этом на таких режимах женщины хотели бы трудиться не более трех—пяти лет, пока дети маленькие.

Предоставление им такой льготы не только приведет к росту дополнительных трудовых ресурсов, что само по себе в условиях полной занятости женщин немаловажно, но и будет способствовать процессу гармонического сочетания женщиной профессиональных и семейно-бытовых ролей.

НАСТРОЕНИЕ — ХОРОШЕЕ!

Фото А. КОЧЕТОВА

Фото А. КОЛЯДЫ

ЧТОБЫ ВЫРАСТИТЬ ТРОИХ...

Инна ХАН

УЧЕНЫМИ установлена, казалось бы, парадоксальная зависимость: чем выше доход семьи, тем ниже рождаемость. А зависимость рождаемости от таких важных факторов, как жилищные условия и наличие мест в детских дошкольных учреждениях, не прослеживается почти совсем.

В семьях высококвалифицированных специалистов, естественно, выше доход, а значит, появляется материальная и бытовая независимость. Творческая, высококвалифицированная работа формирует определенный статус личности, к которому личность привыкает.

Но вот рождается второй ребенок, и налаженного быта как не бывало. Общеизвестно, что потерять часто тяжелее, чем не иметь вовсе. Был всем нужен, высоко ценим, а теперь... Бюллетени «по уходу...» чуть ли не каждый месяц. И отпуск нужен обязательно летом, вне графика, — дети много хворали, надо поехать с ними к морю, подлечить. А тут еще бытовые трудности. И в яслях говорят: «Ждите». И начальник, который ничего этого во внимание принимать не желает... Все приходится как бы выпрашивать, постоянно чувствовать себя виноватой. И это угнетает больше всего.

Современная женщина может согласиться на снижение материального достатка — с появлением в семье еще одного ребенка доход на человека, естественно, снижается, — но она не хочет быть зависимой от огромного числа лиц, перед которыми становится просительницей на многие годы. Как же ее от этой жалкой роли избавить?

Государство выделяет огромные средства на обучение школьников, содержание малышей в яслях и детских садах. Нужно узаконить, однако, еще и льготы, не требующие материальных затрат и в то же время исключительно важные для нормальной жизни многодетной семьи, льготы как бы морального плана. И к тому же воспитывать людей в правильном отношении к этим льготам. Надо сказать, что оба эти процесса взаимосвязаны. Узаконивание дополнительного права матери и отца, у которых, скажем, трое ребят, на отпуск в удобное для них время, другие подобные меры поднимают нравственные критерии населения. После того, например, как закон запретил увольнять матерей грудных детей при сокращении штатов, это для всех стало естественной, само собой разумеющейся нормой.

Хочется напомнить, что в нашем обществе каждый человек обязан не только трудиться, но и вырастить себе смену, которая, достигнув трудового возраста, даст возможность, кроме всего прочего, выплачивать нам ту самую пенсию, которую мы себе заработали. Точно так же, как и наша трудовая деятельность позволяет выплачивать пенсию нашим родителям, всему старшему поколению.

Это экономическая закономерность. Наша пенсия не ждет нас в сберкассе. Она будет, если на место старшего поколения придет молодое трудоспособное поколение. Да и не только это. А будущие защитники Родины, откуда они возьмутся, если мы их не вырастим в своих семьях?

Поэтому воспитание детей — не только личное дело родителей, но и наше общее дело. И если человек не смог вырастить ребенка в силу обстоятельств, зависящих или не зависящих от него, он должен считать для себя естественным поступиться чем-то ради других семей, которые сделали это за него. То же относится и к семьям с одним ребенком — они выполнили свой долг перед обществом в этом отношении лишь частично.

Большим преимуществом нашего общества является возможность решения этих вопросов в государственном масштабе. В Москве, например, уже несколько лет существует ряд льгот для многодетных (от трех и более детей) семей: первоочередность в улучшении жилищных условий, первоочередность в получении мест в детских дошкольных учреждениях и др.

Но чтобы иметь троих детей, надо сначала решиться на второго. И значит, нужно создать условия, чтобы растить второго было менее хлопотно, чем первого, а третьего — чем второго.

Можно предложить целый ряд «нематериальных» льгот, которые очень помогут двух- и трехдетным семьям в решении жизненно важных для них вопросов, не требуя от государства существенных материальных затрат. Для этого необходимо установить приоритет для семей в решении всех вопросов, связанных с использованием общественных фондов потребления. Нужно, чтобы во все дошкольные (ясли, сады) и школьные (лагеря летние, зимние) учреждения в первую очередь путевки выделялись многодетным, затем двухдетным и только потом однодетным семьям (разумеется, с учетом других обстоятельств). Такой же порядок необходимо установить по месту работы родителей при распределении жилой площади, путевок в санатории, дома отдыха, особенно в семейные дома отдыха (значительно увеличив число таких пансионатов), организации поездок старшеклассников на экскурсии в другие города и т. д.

Особенно важным для многодетных и двухдетных семей были бы следующие льготы:

льготный график отпусков на предприятиях и в учреждениях: один график — общий, другой — для матерей с двумя и более детьми;

обязанность руководителей предприятий и организаций предоставлять матери двоих и более детей возможность работать на половинной ставке, если это позволяют должность и профиль ее работы;

возможность отцов трехдетной семьи работать по совместительству.

Короче, трехдетная семья в наше время может стать нормой, если создать материальные и «нематериальные» условия для ее нормального существования.

ВДОВЫ

этот раз — иная тема, иные беседы, хотя село — одно, и ясно, что от успехов колхоза селу прямая выгода. Богатеет «Заря Алтая» — хорошеет Гилевка, жизнь гилевцев улучшается. И в этом отношении и цифры, и факты — не то чтобы лучше некуда, но вполне выразительны. Зарабатывает, например, в день колхозный механизатор 9 рублей 30 копеек, животновод — от 7 рублей 60 копеек до 8 рублей, шофер — по 8 рублей 70 копеек. Платят колхозникам зарплату с железной заводской регулярностью — раз в месяц. Школа Гилевки одной из первых в крае перешла на «продленку», где кормят детей два раза в день за очень небольшую плату (до 4 рублей в месяц), а некоторых — бесплатно. Детсад из сезонного превратился в круглогодичный, и все его воспитатели имеют высшее образование. И все почти гилевские парни, отслужившие в армии, возвращаются в родное село. Парни, деды и прадеды которых лежат в далеких от гилевских — кто в братских, кто в нумерованных — могилах, кто — в ленинградской земле, кто — в польской, кто — в немецкой. Посчитали гилевские школьники: 195 гилевцев ушли на фронт, 111 с войны не вернулись.

3.

«...и ушел он на танке в бой».

Все ли они уходили на танке в последний бой или теперь этот героический конец легче примирил с неизбежностью раннего — и навечно — расставания, только чаще старухи так именно представляют гибель нестареющих своих солдатиков и не хранят похоронок. Точнее — не сохранили. У похоронок — особая, неведомая какая-то жизнь: в разные послевоенные годы по разным случаям запрашивали их из разных учреждений, и разбрелись похоронки из гилевских изб по большому белому свету, точно мало черному этому известию одного адреса и должно оно напоминать о гибели алтайского мужика еще кому-то в Ленинграде, Минске, на Волге...

Сын Дарьи Ивановны Цыганенко — Василий — погиб близко под Берлином, а где муж навеки остался — не знает Дарья Ивановна.

Сын Татьяны Игнатьевны Клейменовой — Леонид, 1926 года рождения, — погиб в Курской области, муж дома умер, с войны вернувшись и полтора месяца не дотянув до победы.

Связист Тихон Ильич Дураков, муж Елены Феоктистовны, умер от ран в марте 1945 года в госпитале в Польше.

Андрей Константинович Лященко погиб в начале 1942 года «на ленинградском направлении», когда родившейся без него дочке пошел второй месяц.

Михаил Степанович Трисантович умер от ран в конце войны в небольшом немецком городе, побывав в плену, поправя ногу, но умер, похоже, своих дождавшись.

Евдокия Панкратьевна Волкова от мужа своего Ерофея Самойловича последнее письмо получила в 1942 году. «Здравствуйте и прощайте. Иду в бой». В том бою, может, и кончилась жизнь Ерофея Самойловича, а где это именно случилось, не знает Евдокия Панкратьевна.

Тракторист, агроном, кузнец, шофер, просто «вечный колхозник», по определению одной из вдов, — кто им, гилевским мужикам, носит цветы на могилы в День Победы, в родительский ли день или просто в день, когда живые вдруг особенно затоскуют по мертвым? Может, и разошлись похоронки в поисках могил, поближе к земле, схоронившей солдата? Или увезли с собой маленькую эту бумажку как великое свидетельство того, что Отец был, да еще был Герой, повзрослевшие его дети, уезжая навсегда из послевоенной Гилевки от тяжкого труда, от лепешек из карлыка (трава наподобие гречихи), босоногих зим, за постоянной городской зарплатой, нормированным рабочим днем, магазином, хлебом, образованием?

Многие солдатские дети подались из села в сторону города в надежде на лучшую жизнь, многим и удалась эта лучшая жизнь на стороне — украшают сейчас стены гилевских изб яркие поздравительные открытки и телеграммы из Тольятти, из Арсеньева, из Барнаула и Новосибирска, с запада и востока нашей страны, между которыми Гилевка и будет примерно в середине. Но многие же дожили до лучшей жизни в самой Гилевке и до того дня дожили, когда в центре села торжественно открылся памятник павшим и дети вслух читали плачущим матерям фамилии свои, соединенные отныне общим камнем под твердым заверением: «Никто не забыт, ничто не забыто».

И музей боевой славы в школе, хоть и припоздал немного за разлетевшимися похоронками, успел, однако же, собрать и полустертые фронтовые карандашные «писулечки», и пожелтевшие, ломкие фотографии вечно молодых гилевцев, и зовущие душу тоскливой неопределенностью извещения о без вести пропавших. Музеем занимались не дети — внуки и правнуки погибших, те, что на полях ученических производственных бригад получают урожаи более колхозных, занимают первые места в соревнованиях юных пахарей и полеводов — от районных до республиканских, те, что зимними вечерами спорят в колхозной библиотеке о том, что есть равнодушие и как с ним бороться коллективу.

Есть памятник. Есть музей. Есть Память. Есть еще солдатские вдовы, богатые внуками и правнуками. 12 внуков — у Ольги Федоровны Шибковой, 13 внуков и два правнука — у Феодоры Ивановны Буряк, 16 внуков и 9 правнуков — у Елены Феоктистовны Дураковой, 19 внуков и четыре правнука — у Евдокии Панкратьевны Волковой. Чуть ли не у каждой второй — внучат «полное лукошко», а за ними — и правнуки, счет которым, впрочем, еще только открывается. «Ушел он на танке в бой», оставив за себя на родной земле, в утешенье нам, беспомощное свое продолжение...

4.

Кому пришла добрая мысль собрать вместе осиротевших солдаток и посидеть с ними за праздично-поминальным столом, который народ наш в 35-й раз накроет нынче в День Победы? Не важно, кому именно, важно, что добрая эта мысль положила в Гилевке начало новой традиции: 8 мая — вдовий сбор, а 9-го, как издавна повелось, — митинг и застолье ветеранов. Собрали женщин в первый раз в год 30-летия Победы, а теперь уж они привыкли и волнуются, если чуть-чуть задерживается нарядное приглашение.

Артур Яковлевич Эонст, председатель колхоза, рассказывает:

— Большое это было событие, когда мы их в первый раз собрали. Выступили перед ними председатель, парторг, специалисты, рассказывали о делах колхоза, о том, как с планами справляемся, что строить собираемся, какие перемены намечаем. Слушают внимательно, спрашивают, всем интересуются. А потом — со столом мы постарались: и яблоки привезли, и гортов-пирожных наготовили, вина хорошего выставили. Тут уж они — хозяйки. Первую выпили, не чокаясь, стоя — «помянем, подруги, мужей наших, сыновей дорогих». Второй тост мы говорим — за их здоровье. Песни старинные поют, вспоминают, и плачут, и шутят, и потом просьбы свои к колхозу выложат. А когда пионеры на плачи каждой бросили по темному полушалку, тут такой момент был, что и не опишешь... Трогательный.

Да, они полюбили этот свой майский сбор. Кто не может прийти по болезни, тому потом привезут гостинец домой, и об этом они тоже не забудут рассказать проезжему человеку, перемежая в памяти дни нынешние с днями давно минувшими.

— Ходили тогда босиком, теми же ногами, а ничо, не кололо ноги, что ли, в войне деоевенеют? Сейчас, как выйдешь, боишся наступить, босиком шагу не ходишь. Тогда — кожа, как подошва, а чо делать, раз подошвы нет?

— Ох, и долгая война эта была! Сейчас годки не успеваешь считать. А тогда зима тянется... Дак и ведь не такая, как нынче. Нынче зимы теплые...

— Теплые тебе, что одеты, что обуты. А тогда не съела сладко, не вышла баско, ноги в кровь полопаются, пока добежишь до дому...

— Не лопнули, однако, добежали вон куда. Сейчас пшеница ворохами лежит. А тогда насыпаю в бригаде в поллитровую бутылку, в которой воду носила, за спину в мешок кину и иду себе, руки свободны. Дома ее порушу, детям лепешки...

— А кашка-то тогда какая была? Вкусная. Пойду на работу, а ребятишкам накажу: рвите идите кашку. Они за собой мешок тянут, поднести не могут, я обмолочу, провею ее, а когда сварю, так она вкусна, как в молоке сваришь. А тогда пьяной делаешься с нее. Я как раз поела, у меня голова кругом...

— Вкусная... Отрава какая-то... Зеленая... Ляжешь с нее, а земля плывет и небо плывет, облака... А есть можно было...

Пекут хлеб. Прядут шерсть. Ткут из тряпочных дранок дорожки. Нянчат маленьких. Лепят пельмени. Возятся в огороде. А некоторые еще в колхозе работают. Все умеют, ничего им не страшно. Здоровья бы только «Его-то уж теперь взять негде».

— Мужьям нашим война, и нам — война. Надо было терпеть. Но почему-то ни за что мы долго не горевали. Есть нечего, а мы песни поем. На быках вдим, на коровах пашем, разуты, раздеты — и песни поем! Наплачешься, погорюешь — и опять поешь! То ли горе так вытворит человека, что ему всякая беда нипочем?

Говоришь с матерью, подсаживается дочь, которой и самой уж за пятьдесят. И почему-то пятидесятилетние дочери без слез и слова о войне сказать не могут, а сгорбленные их матери, обладая удивительной памятью и какой-то сторонней безжалостностью к себе и горькой своей доле, могут и удивиться прежней своей стойкости, и лукаво посмеяться над былой своей хитростью да удалью, и подумать легко над тем, что жизнь вроде просто так прошла, но уж в работе — не отказала.

Вот вспоминают они вместе, мать и дочь Шибковы — Ефросинья Федоровна и Александра Ефимовна, и мать сурова, спокойна, не плачет, плачет дочь, которой в 1941-м как раз 16 исполнилось, а в 1942-м и пришла — не задержалась похоронная на отца, кузнеца Шибкова, которого «народ уважал и все навеличивали Ефим Петровичем». У Александры Ефимовны у самой уже трое взрослых сыновей, все кончили десятилетку, двое служат, третий учится, и, может, потому она о войне и говорить без слез не умеет, что примеряет невольно свою юность к детям своим — тяготам тем сейчас запоздало ужасается: как вынесли?

А вот вынесли. И крепко, счастливо стоит на алтайской земле село Гилевка. И только об одном просят вдовы:

— Хоть бы не было больше войны! Пусть внуки наши, дети наши поживут без войны!

...Расскажу ли о них лучше, чем они сами рассказывают о незавидной своей судьбе, печалясь, вздыхая, пошучивая, не ропща и не жалясь? Не расскажу. Но если услышу где-нибудь про вдовий сбор, пойду туда — их послушать и поучиться мужеству, мудрости, терпению.

село ГИЛЕВКА
Завьяловского района
Алтайского края

БАЙКАЛ-80

Комиссия КПД по действенности

Что происходит на Байкале? Как там сейчас? Были годы, когда мы ничего не писали о судьбе озера, но в редакционной почте нет-нет, да и мелькнет снова письмо читателя. То с тревожными вопросами, то с рассказом об интересных байкальских впечатлениях.

Байкал — это наша национальная гордость, тревога, радость и забота. Иногда говорят: «Байкал — это академия». И действительно, история борьбы за Байкал — это высшая школа, где в особо сложных и ответственных обстоятельствах мы учились и учимся решать проблемы охраны природы и ее рационального использования.

Итак, «Комиссия по действенности» («КПД») рассматривает вопрос: Байкал-80. Но прежде, чем говорить о сегодняшнем Байкале, немного истории.

БАЙКАЛЬСКОЙ хронике уже двадцать второй год. Емкие, тревожные слова — «В защиту Байкала» — впервые появились в «Литературной газете» 21 октября 1958 года. В письме в редакцию группа писателей и ученых призывала отказаться от порочного, на ее взгляд, проекта расширить с помощью взрыва русло Ангары в ее истоке, чтобы увеличить подачу воды к нижележащим гидростанциям. Они утверждали: **осуществление этого проекта может вызвать ряд нежелательных последствий для озера, он должен быть отвергнут как необоснованный.**

А еще через несколько месяцев, 10 февраля 1959 года, о судьбе Байкала заговорил в своей статье писатель Ф. Таурин. Читатели «ЛГ» узнали о том, что на берегах «славного моря» начинает строиться целлюлозный завод. По мнению автора, промышленные сбросы могли погубить кристально чистые воды Байкала. Поэтому писатель выступил против строительства. Смысл его предложений четко был выражен в названии статьи: **«Байкал должен быть заповедником».**

С февраля 1965 года интерес к Байкалу резко усиливается. Судьба его начинает волновать широкую общественность. 6 февраля писатель О. Волков публикует статью «Туман над Байкалом», где приводит еще ряд доводов против строительства БЦЗ: надо учитывать сейсмическую опасность этого района и то, что на заводе намечается выпуск морально устаревшего продукта — вискозного корда, который уже с успехом заменяется кордом синтетическим.

Спустя месяц с лишним, 18 марта, на страницах «ЛГ» снова появляется заголовок «В защиту Байкала!». Группа писателей — А. Соболев, С. Сартаков, Ф. Таурин, Ан. Никульков, Е. Буравлев, Г. Граубин, В. Глущенко, М. Сергеев — предостерегает хозяйственников от того, что БЦЗ может причинить природе Байкала большой ущерб и что экономический эффект самого производства весьма сомнителен.

Руководители целлюлозно-бумажной промышленности не согласились с писателями. 10 апреля 1965 года председатель Госкомитета Г. Орлов, заместитель председателя Н. Чистяков, начальник Управления целлюлозы, бумаги и картона Е. Кузнецов ответили через газету: сооружение крупного целлюлозного завода продиктовано важными народнохозяйственными интересами, а очистные сооружения дают полную гарантию сохранности озера. Специалисты подчеркивали, что антисейсмические мероприятия предохранят завод от землетрясений. Наличие же громадных запасов древесины в этом районе и высокие качества байкальской воды создают необходимые условия для создания целлюлозного предприятия. Другие кандидаты, которые могли бы предоставить свои берега для строительства (озера Ладожское, Онежское, Телецкое), по ряду обстоятельств значительно уступают Байкалу.

Но точка в дискуссии на этом поставлена не была. 13 апреля вновь выступил писатель О. Волков. Приводя мнение экспертов и ученых, он доказывал, что позиция руководителей целлюлозно-бумажной промышленности ошибочна: «Туман не рассеялся».

Писателя поддержал ученый (А. Трофимук — «Цена ведомственного упрямства», 15 апреля 1965 г.). Если для производства кордной целлюлозы нужна вода особой чистоты, то, по мнению академика А. Трофимука, стоки завода приведут к тому, что часть целлюлозы может оказаться низкокачественной. Нужно ли подвергать риску и Байкал, и само производство? Академик предлагал **сбрасывать очищенные воды не в Байкал, а по водоводу в реку Иркут.**

Возник и новый объект дискуссии — строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. А. Трофимук считал, что это опять-таки неправомерное решение, ибо предприятие строится в сейсмически опасном районе, а промышленные стоки создадут угрозу омулевым нерестилищам Селенги и самому Байкалу. Беспокойство вызывала и ограниченность лесосырьевых запасов Забайкалья.

ПОСЛЕ бурных и напряженных споров, которые велись в течение нескольких первых месяцев 1965 года, в байкальской дискуссии наступает некоторый спад. Оно и понятно: строительство заводов продолжалось, и нужно было время всем оглядеться, а может быть, проверить на практике серьезность и обоснованность тех или иных доводов. Тем не менее «ЛГ» и далее не выпускает из виду волнующей всех темы. В 1966 году корреспондент «ЛГ» снова отправляется к берегам «славного моря». Писатель А. Блинов в статье «За ведомственной околицей» (10 февраля 1966 г.) анализирует проект Селенгинского целлюлозно-картонного комбината, указывает не его ошибки, на известную непродуманность природоохранных мер: **нерешенность вопросов очистки стоков, ведомственный подход к транспортировке древесины, выразившийся в отказе бумажников от железнодорожного варианта, гораздо более «экологичного», чем водный.**

А. Блинов говорит об особой «чувствительности» байкальской природы, о том, что перерубы при заготовках леса здесь угрожают наступлением пустыни: так тонок почвенный слой, так близко соседство пустыни Гоби...

1967 год — новая вспышка дискуссии, с новым поворотом, с новыми красками. Вчерашние безоговорочные резкие противники строительства завода стали несколько сдержаннее в своих оценках. БЦЗ начал действовать, под влиянием общественного мнения были построены и пущены **уникальные очистные сооружения, их эффективность впечатляла.** Познакомившись с производством, О. Волков в «Уроках Байкала» (11 октября 1967 г.) заявил, что **«сделано все мыслимое, чтобы добиться полноценной очистки заводских стоков».**

Любопытно, что это мнение писателя вызвало возражение у многих специалистов. Их голоса прозвучали в байкальской почте (15 ноября 1967 г.): для оптимистических заключений пока еще нет достаточных оснований. Большой успех — эффективные очистные сооружения, но достаточны ли они для особых условий Байкала? Инженер Г. Горин («Пока еще не поздно», № 51, 1967) подчеркивал, что даже очищенный заводской сток все-таки представляет угрозу озеру. 60 миллионов кубометров в год — это внушительный объем сбросов, даже если они на вид кажутся невинными. По мнению Г. Горина, **нужны меры, которые исключили бы попадание в водоем даже очищенных стоков.**

ПРОШЛО еще несколько лет. Меньше стало споров вокруг Байкала, но больше конкретных действий, направленных на то, чтобы сберечь озеро. В 1971 году было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал» — обширная, конкретная, долговременная программа, поднимающая целый комплекс вопросов, стоящих как близкие, так и дальние задачи.

В октябре 1971 года редакция попросила руководителей трех союзных министерств рассказать, как будут выполняться эти задачи. Министр мелиорации и водного хозяйства СССР Е. Алексеевский, министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. Тимофеев, первый заместитель министра целлюлозно-бумажной промышленности СССР Н. Чистяков подробно рассказали о проделанной работе и о том, что еще предстоит осуществить.

Н. Тимофеев подчеркнул, что **в первой группе лесов, находящихся в водоохранной зоне, сырьевые базы ликвидируются:** «...заготовки будут вестись узкими лесосеками и выборочно». «Во второй группе ежегодный отпуск леса нашими базами сократился с 9,3 миллиона до 4,4 миллиона кубометров».

С целью упорядочить лесозаготовки в бассейне озера Минлеспром разрабатывает перспективный план на ближайшие десять лет. **Намечено в ближайшие годы полностью отказаться от молевого сплава по рекам и расчистить реки от затонувшей древесины.**

Н. Чистяков отметил, что **важнейшие показатели очистки стоков на БЦЗ соответствуют запроектированным, но необходимо решить сложную научную и техническую задачу — перевести предприятие на замкнутое водоснабжение.**

Чтобы проверить, как выполняется постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, «ЛГ» в начале 1972 года послала своих корреспондентов М. Подгородникова и В. Травинского на Байкал. Результаты их рейда опубликованы 5 апреля. Корреспонденты отмечали важные сдвиги, которые произошли на Байкале: постепенное прекращение молевого сплава, расчистка от затонувшей древесины русел рек и берегов озера; последовательное стремление инженеров Селенгинского комбината учесть все «академические» уроки БЦЗ; разработка Минводхозом проекта водоохранной зоны Байкала и т. д. Одновременно они установили, что нормы стоков БЦЗ «по просьбе бумажников» сильно смягчены, и это позволяет предприятию чувствовать себя вольготно и, в сущности, загрязнять Байкал.

Привлек внимание корреспондентов и проект организации водоохранной зоны на ближайшие десять лет. Процитируем одно место из статьи, потому что оно уже имеет непосредственное отношение к нынешним дням:

«Объем заготовок леса до 1980 года здесь ограничивается. И увеличится только тогда, когда протянутся дороги к неосвоенным районам. Не за горами время, когда все лесозаготовительные предприятия перейдут на выборочную рубку. Намечается разукрупнить лесхозы и организовать на их базе различные промыслы... Будут созданы еще пять государственных парков и четыре заповедника: Селенгинский, Северо-Ольхонский, Чивыркуйский и Чикойский. На предприятиях повсеместно намечается многоступенчатая очистка сточных вод. Реконструируются и расширяются рыбоводные заводы. Организуются госпромхозы, охотничьи хозяйства с закреплением промысловых участков.

И только про одно, пожалуй, забыли: про веселого, пытливого, неугомонного человека, имя которому — Турист...»

О проблемах байкальского туризма «ЛГ» писала неоднократно: О. Волков, «Славное море» (6 октября 1966 г.), П. Олдак, «Людям — радость, казне — доход» (2 июня 1971 г.), О. Гусев, «Окаянный автограф» (22 ноября 1978 г.) и др. С годами усиливается поток туристов на берега Байкала — усиливается и острота проблемы.

Было еще одно байкальское событие, мимо которого не прошла «ЛГ»: в 1973 году введены «Временные правила охраны вод озера Байкал и естественных ресурсов бассейна этого озера». О смысле и значении их рассказал в своем интервью заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР И. Бородавченко («ЛГ», 4 декабря 1974 г. — «Байкал: новая страница биографии»).

ИТАК, позади почти двадцать два года борьбы за сохранность Байкала. Чего же удалось добиться? Что предстоит сделать? Какова же в конечном итоге оказалась действенность выступлений «Литературной газеты» и — в более широком смысле — эффективность общественного мнения по этой проблеме?

Заметная многоплановая дискуссия о Байкале, как полагают некоторые читатели (мы с ними согласны), — благодатная тема для первого заседания «Комиссии по действенности» («КПД»).

Напомним, что в новогоднем номере («ЛГ» от 1 января с. г.) мы предложили на суд читателей новый вариант «экспериментальной страницы», которая, помимо открытых полемических турниров «ЗОНД», в этом году будет публиковать материалы «Комиссии по действенности».

Уточним еще раз порядок работы «КПД». Примерно раз в квартал мы думаем публиковать краткую аннотацию какого-то прошлого выступления «ЛГ», сопровождая ее анкетой (сегодня — это обзор дискуссии о Байкале). Примерно через полтора месяца — заседание «Комиссии по действенности». Комиссия заслушает два доклада. Один — сообщение авторов давней публикации, зачинателей дискуссии. Второй доклад — слово читателя (анализ ответов на анкету «ЛГ»).

Коллегия экспертов обсудит оба доклада и выскажет мнение об эффективности выступления газеты, формах и степени решения проблемы.

И, наконец, прогноз: каждый из экспертов сообщит свое личное суждение о дальнейшей судьбе проблемы.

НАША АНКЕТА

Вопросов так много, а наш читатель так многолик, что мы вынуждены дифференцировать свою анкету и направить ее по разным адресам. Для подведения итогов по теме «Байкал» предлагаем три группы вопросов.

I. Прежде всего мы ждем ответа от специалистов.

Обращаясь к экологам, гидрологам, ихтиологам, лесоводам, а также к ученым и инженерам других специальностей, чья работа так или иначе связана с районом озера Байкал, к специалистам ведомств, непосредственно организующих в этой зоне хозяйственную деятельность, мы спрашиваем:

Подтверждают ли ваши исследования, разработки, выводы аргументацию участников многолетней дискуссии о Байкале? Если говорить конкретнее, то какое влияние, на ваш взгляд, оказали Байкальский целлюлозный завод и Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат на бассейн озера Байкал?

Подтвердились ли опасения пессимистов, оправдались ли расчеты оптимистов? Какие из высказывавшихся в ходе дискуссии проектов и предложений были осуществлены и какие (по каким именно причинам) оказались в числе отвергнутых?

Что вы можете сказать о технологии очистки сточных вод, проблеме вывода их из зоны Байкала, о замкнутом водоснабжении упомянутых предприятий и т. д.?

В каком состоянии находятся и как используются лесные и рыбные богатства бассейна озера, его флора и фауна?

Насколько последовательно и точно соблюдаются государственные решения, касающиеся Байкала?

II. Не только ученые и инженеры могут судить о Байкале. Мы обращаемся к туристам, к людям, путешествующим в окрестностях озера по служебным и личным делам, и жителям прибайкальских районов — к широкому кругу читателей-очевидцев, приглашая их подумать о таких вопросах:

Что, на ваш не вооруженный специальными знаниями взгляд, изменилось в природе Байкала? Когда в последний раз наблюдали вы Байкал? Что обрадовало вас или встревожило при посещении озера?

Удовлетворяет ли вас организация туризма на Байкале?

Что подсказывает ваш личный опыт: как повлияло общественное обсуждение на судьбу Байкала?

III. Не все изучают байкальские проблемы профессионально, не каждому довелось лично побывать на озере... И тем не менее мы обращаемся, помимо специалистов и очевидцев, ко всем остальным нашим читателям. Нам было бы интересно узнать мнение тех, чье представление о судьбе Байкала складывалось прежде всего под влиянием публикаций «ЛГ». Письма от таких читателей для нас представляют особый интерес как своеобразное эхо газетных выступлений. Для этой категории читателей два вопроса:

Какие мысли и чувства вызвала у вас долголетняя байкальская дискуссия? Как вы оцениваете ее?

Что нового в этом плане ждете от «ЛГ»?

Письма просим присылать с пометкой «КПД».

ОТДЕЛ «ЧЕЛОВЕК И ЭКОНОМИКА» «ЛГ»

Камчатские маршруты геологов

Фото С. ПЕТРУХИНА

Евгений ВОРОБЬЕВ

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

НЕЛЮДИМО НАШЕ МОРЕ

КАК ОСВАИВАЮТСЯ ВОДОХРАНИЛИЩА АНГАРСКОГО КАСКАДА

ПЛОТИНА Братской ГЭС стала перемычкой двух рукотворных морей. В верхнем бьефе плещется Братское море. После того как вода промчалась через водоводы и прокрутила лопасти турбин, она вливается в Усть-Илимское море.

На Братском море изредка разыгрываются настоящие штормы, и тогда ходят волны высотой в три метра. Но и в самую тихую погоду, в погожий день октября полет вдоль побережья на вертолете или путешествие вдоль берегов на катере не вызывают положительных эмоций.

Тиховодье у побережий зарастает ряской, не услышать плеска волны, даже ее легкого шороха. Долгие годы будут застить горизонт полузатопленные деревья, лиственные и хвойные руины. Прогнившие в воде березы клонятся вкривь и вкось или стоят, как трухлявые мертвецы в саванах. И вдаль не поглядеть. А лодке не под силу отчалить от берега. Что это за морской ландшафт, если вот-вот заквакают лягушки, а вода — болотистого цвета?

Берега завалены плавником с той поры, когда водохранилище наполнилось. Несмываемую память оставил по себе полноводный 1968 год. Море тогда достигло проектной отметки 402, а лес прибило к берегам; с той поры деревья хлещет волнами, они трутся одно о другое, толчея на мелководье обила сучья и ветви, усердно ошкурила все эти «хлысты», бревна, балансы, побелевшие от солнца и воды.

Контора «Востсиблесосплав» занимается ловлей и сплоткой ошкуренных бревен, пострадавших от «ветроволнового действия», и доставляет их на биржу лесопромышленного комбината в Братске. Более чем скромный план «улова» выполняется, но за одиннадцать лет народному хозяйству возвращено лишь около одной пятой затопленной древесины, и не вся она уже могла называться деловой.

Десять лет назад считали, что на прибрежных свалках около миллиона кубометров бревен-отходов. За десятилетие выловили около трех миллионов кубометров, но запасы бесхозных плотбищ не уменьшаются.

Пора всерьез позаботиться о новоявленных берегах. Кое-где происходит их неостановимое, непредусмотренное обрушение. Даже в зонах отдыха и возле некоторых пионерлагерей пляжи не очищены от загнивающих бревен, от бурелома.

Последние три года в Приангарье выдались маловодные. Ржавые завалы плавника, тянущиеся на десятки километров, оставило прошлогоднее знойное лето, когда в иркутской тайге полыхали лесные пожары, а почва кое-где раскалялась до 60 градусов.

С каждым годом деревьев всплывает все меньше, но их по-прежнему боятся капитаны, штурманы, рулевые. Нельзя забывать об опасном норове Ангары. Долго ли стволу лиственницы, не видимому на поверхности воды, пробить обшивку судна, идущего против сильного течения?

Речники в Братском море испытывают нужду в самоходных баржах, сильных буксирах, катерах, теплоходах, которые все вместе позволили бы резко увеличить грузоподъемность местного флота. На всех трех гидростанциях Ангары нет шлюзов, и забросить новые суда на разобщенные плотинами моря сложнее сложного. Вовремя не позаботились, и теперь на плаву водохранилища непоправимо мало судов и суденышек.

— В свое время прошляпили. Не поступили заявки от сухопутных хозяйственников, — разводит руками Виталий Павлович Плотников. Он ведает навигацией на Братском море. — А мы не изучали грузопотоков. Жизнь показала, что экономические расчеты были ошибочны.

Тысячи вагонов с самыми разнообразными грузами, начиная от кирпича и кончая скоропортящимися продуктами, и летом идут из Иркутска в Братск кружным путем, через Тайшет, по сверхперегруженной железной дороге.

Можно было бы значительно больше грузов перекладывать на Ангару от весеннего паводка до ледостава.

Ложе Усть-Илимского водохранилища было подготовлено к затоплению еще хуже Братского. И здесь всплывают топляки, ими забиты устья рек, речек, заливы. И носит, носит неприкаянные «хлысты» от одного берега к другому.

В Братском море плавучая обстановка за последние годы улучшилась, «Метеоры» на подводных крыльях ходят до Иркутска.

Что же касается Усть-Илимского моря, то туда Восточно-Сибирское речное пароходство вообще не заглядывает. Там владения гидротехотряда Братскгэсстроя.

О навигации в Усть-Илимском море приходится говорить с большими оговорками. До сих пор нет карты водохранилища, не обустроен как следует фарватер. Где-то рядом на берегу моря шагают опоры линии электропередачи на 500 тысяч вольт. А буи на водохранилище освещены прескверно, их не видать, пока не подплывешь вплотную. Бакенщики не могут дождаться электрических батарей в два с половиной вольта...

Если братская контора «Востсиблесосплав» занимается ловлей бросовых бревен, то ниже по течению, в Усть-Илимском море, уборкой бесхозной древесины по-настоящему никто не озабочен: собрали пока всего 60 тысяч кубометров бревен, ошкуренных волнами.

«Востсиблесосплав» ошибочно считает, что в ложе водохранилища Усть-Илимской ГЭС вырублена вся товарная древесина. На самом же деле там осталось на корню более 7 миллионов кубометров.

Уровень воды как в Братском, так и в Усть-Илимском морях ежегодно меняется в зависимости от климатических условий и от режима работы гидростанций. Колебания уровня могут достигать и десяти метров. Значит, нужны не только постоянные, но и плавучие причалы, пристани. Сейчас навигация затруднена тем, что большинство причалов оказалось вдали от воды. Например, в Эдучанке к причалу ни одно суденышко подойти не может. Такая же картина у совхоза «Березняки».

Всего несколько самоходных барж и жилых посудин заняты перевозками в Усть-Илимском водохранилище.

Братскгэсстрой упрямо отказывается считать Усть-Илимск портом Усть-Илимского моря, не содействует росту навигации на водохранилище. Сколько горючего можно было бы сэкономить, как уменьшилась бы нагрузка автотранспорта, если бы больше грузов доставлялось по воде! Съездить из Братска в Усть-Илимск — это полтысячи километров туда и обратно через тайгу!

С огромным трудом речники несколько лет назад перетащили через плотину в Усть-Илимское море нефтеналивное судно «НТ-56» грузоподъемностью 600 тонн. Танкер пригнали с Иртыша. Он прошел по Оби, Северному морскому пути, Енисею, Ангаре. Но из-за отсутствия причала в Усть-Илимске долго ржавел без дела. А ведь один рейс танкера заменил бы сто рейсов шеститонной цистерны!

Длиннющие очереди к двум колонкам на бензозаправочной станции Братскгэсстроя, где отпускается горючее «частникам». Ждут бензин одной марки, а привозят другую. Само собой разумеется, моторные лодки не стоят на мертвом приколе, автомашины, мотоциклы не безвыездно в гаражах. Передовики труда (только им продают здесь автомобили), честные, заслуженные люди, вынужденно ездят на «левом» бензине. А им хочется не доставать, а покупать бензин у государства! Сколько тысяч ребятишек Усть-Илимска, подростков, малолетних и совершеннолетних пассажиров «Жигулей» или моторок видят, как с болью душевной их родители ловчат, нарушают нормы морали и законности! А как воспитывать нравственность, когда самим житейским укладом, неблагоустройством, чьей-то безответственностью прививается безнравственность, терпимость к ней?

А кончилась вся история с нефтеналивным судном плачевным анекдотом. Иркутское управление Главнефтеснаба, отчаявшись дождаться причала в Усть-Илимске, переоборудовало танкер под сухогрузную баржу. Выдрали из него внутренности, огромные резервуары бездельно ржавели на берегу, поблескивали железными боками под лучами скупого октябрьского солнца. Стоило ли ради этого менять нефтеналивному судну «НТ-56» местожительство — Иртыш на Ангару?

Такова расплата за экономическую близорукость тех, кто противится плановой стыковке.

Если бы Усть-Илимское водохранилище не оставалось мертвым морем, можно было бы наладить и пассажирское сообщение. Связь городов с прибрежными деревнями, леспромхозами сейчас прескверная. В свое время о нуждах переселенцев из затопленных деревень, охотников, рыбаков, отпускников не подумали. За последние пять лет ни один организованный турист, ни одна экскурсия не увидели новых ландшафтов на средней Ангаре с вновь образованными островами.

— Никто до перекрытия Ангары в Усть-Илимске не позаботился о пассажирском сообщении по морю, — вздыхает начальник участка гидротехотряда Баянов, который сам, к слову сказать, неразлучен с рекой четверть века. — Не запланировали. А как теперь затащить теплоходы в Усть-Илимское море? Ума не приложу.

На водохранилище застрял один служебный пароходик на двенадцать пассажиров. Так сказать, флагман несуществующего флота!

И речники, с которыми я разговаривал, и работники сплава, и сотрудники гидротехотряда сходятся на том, что у каждого новорожденного моря должен быть свой хозяин.

А что, если взять да узаконить такую должность — генеральный директор моря? Или управляющий морем? Или смотритель моря? Или хранитель моря?

Дело в конце концов не в его звании. Но этот наместник Нептуна должен быть облечен достаточной властью, чтобы противостоять хищническому отношению к драгоценным запасам пресной воды, а также злокачественному местничеству.

Трезубец в руке у Нептуна не только мифологический символ власти: мол, взмахнул им — глянь, откуда ни возьмись, шторм. Надо, чтобы наместника Нептуна побаивались, чтобы трезубец стал действенным оружием при охране акватории. Если понадобится — больно ткнуть в бок трезубцем или поддеть на него, как на вилы, браконьера или отравителя рыбы, чинушу или невежду — «ума недальнего ленивца».

Этот наместник Нептуна должен быть озабочен всем комплексом проблем и вопросов, касающихся новой акватории: строительство причалов, регулирование молевого сплава, обустройство фарватера, рыбный промысел, борьба с загрязнением водоема, укрепление берегов там, где они обрушиваются.

Есть еще одна проблема, требующая морского единоначалия. Это изучение всех болезненных явлений, присущих водоему, ложе которого было плохо очищено от леса. Там, где навеки осталась невыкорчеванная тайга, происходит тревожное «бескислороживание», от этого сильно страдает все рыбье царство. Ценные виды вымирают (хариус, таймень, ленок и др.), и, как утверждают местные ихтиологи, «резко ухудшился видовой состав рыб нового водоема, он стал плотвично-окуневым».

Братская метеостанция пытается вести наблюдения, но растительность, оставшаяся на дне морском, сильно затрудняет научную работу. Уже погибли десятки приборов, опущенных в воду. Зацепился тросик за верхушку дерева стоячего — и пиши пропало. Заброшенные в воду сети часто рвутся. А спуститься водолазу в цепкую подводную тайгу — смерти подобно. Уместно напомнить, что температура ангарской воды и зимой, и летом — плюс четыре градуса. По этим причинам трудно проследить, как выживают и развиваются личинки и мальки ценных пород рыб (омуль, пелядь), сброшенных в оба моря с вертолетов.

Даже самые опытные метеорологи, санитарные врачи не в состоянии предусмотреть всех изменений, какие приносит с собой дерзкое, самоуправное вторжение человека в природу региона. Так, например, по утверждению местных синоптиков, в Братске даже несколько изменилась роза ветров. Что за фантасмагория, возможно ли это?

В старом поселке дули ветры преимущественно юго-западные. Появление извечно холодного моря породило атмосферные новации. Летом, когда земля сильно подогрета, возникают инверсионные воздушные течения. С Братского моря идут, не сообразуясь со старой розой ветров, холодные потоки воздуха, не зарегистрированные в старых метеосводках, в Братском остроге. И роза ветров склоняется в другую сторону.

На берегу пустынных волн стоял я, дум тревожных полн. Стоял в Кодинской заимке на берегу будущего Богучанского моря.

Тревога возникла, когда перелистал материалы Гидропроекта. Словно держал в руках метрическое свидетельство человека, которому еще только предстояло родиться, словно плыл по подводному лесу, словно объезжал деревеньки, заимки и зимовья, уже затопленные.

В границах Богучанского водохранилища должно быть вырублено и вывезено оттуда 10,7 миллиона кубометров товарной древесины. Кроме того, намечена лесоочистка на участках социального назначения — в санитарных зонах, у населенных пунктов, в охранной зоне гидроузла, на рыбопромысловых участках и на судовых трассах. Всего 18,1 тысячи гектаров при общей площади затопления 149,5 тысячи гектаров. Почти вся затопляемая территория покрыта лесом и кустарником.

Товарищи из Красноярского крайисполкома предлагали вырубить и прибрежную полосу глубиной 18 метров — оконтурить будущее море, избежать загнивания берегов. Работа немалая, оценивается в 19,8 миллиона рублей, вырубку пришлось бы вести в необжитых местах, без дорог, в таежной глуши, а периметр будущего моря — 3700 километров.

Красноярцам в их просьбе отказали: «выполнение этих работ экономически нецелесообразно». Но красноярцы и не уповали на экономические выгоды! Их встревожил печальный опыт Братского, Усть-Илимского морей. При столь высокоответственной, с точки зрения экологии, операции, как образование нового водохранилища, не все можно подсчитать в рублях. И то, что сегодня бухгалтерам в Министерстве энергетики и электрификации кажется экономией, прибылью, может в будущем обернуться непоправимым убытком. Если же руководствоваться такими аргументами, то и против графы расходов на очистные сооружения в Байкальске или Братске тоже можно было написать: «экономически нецелесообразно».

Да, государственную копейку надо беречь. Но прежде, чем отказаться от лесоочистки прибрежной полосы, не мешало бы плановикам и финансистам проделать путешествие на катере вдоль берегов Братского, Усть-Илимского морей или обозреть их берега с вертолета.

К сожалению, местные руководители всех рангов, ратуя за охрану окружающей среды, никогда не упоминают о затопленных лесах и, по существу, замалчивают глубинные, животрепещущие проблемы экологии в этом регионе.

Не хотят выносить сор из избы? Но сора столько, что с иных берегов, заваленных гниющими деревьями, не видно моря.

БРАТСК — УСТЬ-ИЛИМСК

ПО ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

От турбазы «Арский камень» берет начало знаменитый санный маршрут Башкирского совета по туризму и экскурсиям. Сотни людей, любящих природу и путешествия, приезжают сюда со всех концов страны. Их встречают красоты зимнего Урала: вековые сосновые боры и причудливые силуэты горных хребтов. Их ждут привалы у костров, туристские песни и — умные, добрые кони.

Фото В. БОГДАНОВА

Капитолина КОЖЕВНИКОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

НЕИСТОВЫЙ ДОКТОР КАСЬЯН

СКАЖУ сразу: я отношусь к категории людей, которые лечиться не любят. С трудом заставляю себя идти в поликлинику, когда уже нельзя не идти. Может, поэтому с недоверием отношусь ко всяким лжейогам, сыроедам, гипнотизерам и прочим «кудесникам», что в большом изобилии развелись у нас в последние годы. В моду вошла медицина неофициальная, так сказать, окольная. Почему — это уже другой разговор.

Читала я реплики, заметки и статьи в журнале «Здоровье», осуждающие увлечение разного рода лекарствами. И со многими согласна.

И все же, и все же не могу не написать об украинском докторе Касьяне. Не могу потому, что видела людей, приговоренных тяжелейшими диагнозами к инвалидности и избавившихся от нее после вмешательства Касьяна. Еще потому, что сама возила к нему близкого человека, которому врачи сказали без обиняков: через год-два полная неподвижность. И возила не напрасно...

ВНАЧАЛЕ было письмо. Обычное, пожалуй, письмо, каких в редакцию приходит немало. Л. Ягафарова из Нижнекамска благодарила доктора Николая Андреевича Касьяна за то, что тот вылечил ее восьмилетнего сына. Необычным было вот что: доктор живет далеко от Татарии, а именно в районном городке на Украине.

Потом у меня была командировка не в Украину, никак не связанная ни с Касьяном, ни с письмом счастливой мамы. И снова я услышала, но услышала разное:

— Знаете, у нас тут живет в некотором роде знаменитость — доктор Касьян. Прямо чудодей какой-то.

— Ну, это все сродни шарлатанству. Сам я, правда, не лечился у него, но в чудеса не верю. Есть апробированная годами медицина, а тут нечто доморощенное, несовременное...

Выстраивая цепочку информации о непонятном и даже несколько таинственном докторе, я тут же переношусь в тот украинский поселок, в ненастную осеннюю ночь.

Днем мы договорились с Николаем Андреевичем, что нанесем ему визит в три часа ночи. И вот я иду со своим спутником, больным человеком. Терять ему уже, как говорится было нечего, и он приехал сюда, дабы испробовать на себе касьяновский способ лечения.

Как я уже сказала, стояла осенняя ночь. Колючий дождь резал лицо, порывистый ветер выворачивал наизнанку мой зонтик. Дорога скользкая, кругом темень. «Эх, и занесла же меня нелегкая!» — грешным делом подумала я, с грустью вспоминая оставленное тепло гостиничной комнаты. У дома Касьяна стояли больные. Но ни шума, ни гомона. Разговаривали шепотом. Ночь. Вокруг в темных, окруженных садами домах спали люди.

Существовала очередь, которая неукоснительно соблюдалась. Больные выбирали старшего. Он следил за порядком, регистрировал пациентов. Мы тоскливо переглянулись — вставать в самый хвост? Да так и за неделю к доктору не попасть. Вдруг слышу — мою фамилию выкликают. Ага, стало быть, Николай Андреевич не позабыл, распорядился. Народ заволновался: почему без очереди, по какому такому праву! И тут прошелестело магическое слово: корреспондент, из Москвы. Все сразу расступились. Признаться, я удивилась — хотя профессия наша вполне уважаема, но чтоб такое почтение... Впрочем, по репликам стало все ясно: «Посмотрите, убедитесь, что это за человек...», «Таких беречь надо, а не мешать ему...»

По асфальтовой дорожке нас повели в маленький флигелек, где странный доктор и производил свои ночные приемы. Входим в хорошо натопленную комнату. Я ожидала увидеть сердитого, усталого, раздраженного неурочной работой человека. Ничуть не бывало: Николай Андреевич, здоровяк лет сорока, в трикотажной рубашке с короткими рукавами, похожий скорее на тренера, а то и на мастерового человека, чем на врача, сверкал глазами, зубами, отпускал направо и налево шутки, громко, заразительно смеялся. И больные тоже смеялись вместе с ним. Да, необычная для лечения ситуация...

— Сидайте, — кивнул нам на стулья и продолжал свое дело. Чуть не написала «свое селое дело», да, пожалуй, что так оно и было.

Очередной пациент раздевался по пояс, ложился корпусом поперек кровати на чистую простынку, и Касьян начинал. Он осторожно проводил пальцами своей непомерно большой руки по позвоночнику. Потом говорил диагноз и начинал лечение. Наверное, чтобы отвлечь человека, он шутил, рассказывал байки, хохотал так, что стены дрожали.

— Завидкиля будешь? — спрашивал он каждого.

Ответы были самые разные: из Днепропетровска, Харькова, Кривого Рога, Кишинева, Орла...

Молодая женщина, чуть не плача, рассказала: у нее что-то непоправимое с позвоночником. Касьян тщательно прощупал каждый позвонок, засмеялся:

— Ничего подобного, несколько раз до меня приедете, и все. Не плачь, дивчинко, до ста лет жить будешь.

Принесли двухлетнего ребенка, который не ходит от рождения. Диагноз: церебральный паралич. Касьян осмотрел мальчика, бросил:

— Паралича еще нет, но мог быть. Родовая травма — выпадение диска позвонка. Вправим, будет ходить ваш хлопчик.

Некоторых огорчал:

— А вам надо не ко мне, а к хирургу.

Когда дошла очередь до моего спутника, он был потрясен тем, что буквально за несколько секунд, проведя пальцами от первого до последнего позвонка, Касьян поставил безошибочный диагноз. Без рентгена, без консилиумов и консультаций! Вот эта мгновенность и удивительная простота всей процедуры казались каким-то волшебством.

— А вот волшебства-то никакого тут и нет,—улыбнулся Касьян. — Чувствительность пальцев, доскональное знание анатомии этого костяка — только и всего.

Только и всего... Но этим «только» владеет лишь он один, скромный сельский врач!

— Ну, почему один?.. Батька мой всю жизнь людей лечил, так переломанные кости складывал — любой травматолог позавидует. И дед мой тоже лекарствовал в старые времена. В земской больнице ему комнату для приема выделяли. Между прочим, — усмехнулся Николай Андреевич, — у дипломированных врачей самолюбие ничуть от этого не страдало. Они и народную медицину умели уважать.

И в голосе — горечь...

ПО ОБРАЗОВАНИЮ Николай Андреевич — санитарный врач, окончил Харьковский мединститут. Но уже давно работает он главным врачом дома-интерната престарелых и инвалидов, стало быть, фактически является практикующим врачом. К тому же проходил специальную подготовку по геронтологии, невропатологии. Однажды попал он в автомобильную аварию. У одного из пассажиров оказалась тяжелая травма. Касьян, тогда еще начинающий доктор, лихорадочно вспоминал (медлить-то было нельзя!) все, чему учил его отец. И справился, спас человека от инвалидности. Оказалось, унаследовал он все-таки семейную чудодейственную силу и умение рук.

С тех пор и пошло. Хочешь — не хочешь, принимай, лечи, ибо Николай Андреевич по натуре своей гуманист и врачеватель в изначальном высоком смысле этого слова.

Днем — основная работа в своем интернате, ночью (другого-то времени нет, и он привык уже спать по два-три часа в сутки) — прием больных, часто приезжавших издалека.

У меня два блокнота заполнены историями, которые поведали мне люди. Истории поистине трагические и прекрасные.

Вот что я выписала из книги, в которую (к сожалению, нерегулярно) время от времени больные заносят собственные случаи. Пишут мать и отец Майструки из Львова: «Наша дочь Наташа, 1964 года рождения, упала, поскользнувшись на ступеньках лестницы. Начались жалобы на боль в пояснице. Два года лечилась в железнодорожной клинической больнице. Но ей становилось все хуже. Мы буквально на руках привезли ее сюда. Н. А. Касьян сразу сказал: выпадение диска между четвертым и пятым позвонками, вывих шестого позвонка. Сразу начал лечение. И сразу дочке стало лучше. На четвертый прием Наташа уже на своих ногах пришла к Николаю Андреевичу. Невозможно рассказать, сколько мы пережили за эти три года! И вот наша дочь здорова. Поразительно: ни одного укола, ни одного порошка. Благоговение — вот самое верное слово, как мы теперь относимся к Н. А. Касьяну. Теперь он самый дорогой для нас человек, вернувший к жизни нашу дочь...»

Таких писем, случаев масса. Что ж, значит, надо петь осанну замечательному доктору. Но не тут-то было.

Метод его необычен, непохож на все, что предлагают сейчас больницы и поликлиники тем, кто страдает различными болезнями позвоночника. А раз непохож, пусть его не будет — так решили некоторые коллеги Касьяна.

Появились и анонимки, и комиссии бесконечные в доминтернат, где работает Касьян. Все с единственной целью — опорочить не только метод его лечения, но и самое человеческую личность, запретить ночные приемы как незаконные.

— Я пробовал бросить все, — простодушно признается Николай Андреевич, — тут как-то сердце прихватило, слег. Так верите, места себе не находил без моих больных. Понимаю, режим у меня убийственный, но иначе я уже жить не могу. Как увижу людей на костылях, не выдерживаю, выхожу к ним, приглашаю на прием.

Говорит он об этом чуть ли не виновато. И это при том, что результаты лечения столь эффективны!

— Вот какая сложилась ситуация, — сказал мне секретарь Полтавского обкома партии Г. А. Олейник. — Человек себя не щадит ради других, а ему мешают. Одних только партийных работников сколько он вылечил. Ведь как только трудный случай, сами врачи советуют: езжайте до Касьяна...

В гостинице я познакомилась с женщиной-врачом из областного города. Ее приговорили тяжелым диагнозом и постели. Сейчас она лечится у Касьяна, и успешно. Причем приехала с запиской от деятеля здравоохранения, который официально выступает не «за», а «против». И тем не менее — записка, а в ней слезная просьба: примите коллегу.

Метод Касьяна идет от народной медицины, которая всегда по сложившейся традиции широко бытовала не Украине. Идет он из далеких лет, когда не было ни институтов, ни академий, но было нечто самобытное, рожденное талантливыми самоучками. И оказалось, что оно вполне может вписываться в нашу современность, в нашу сегодняшнюю медицину, которую, по моему твердому убеждению, это не должно ни унижать, ни оскорблять. Ведь ни ванны, ни электропроцедуры не могут сделать того, что делает Касьян, — это факт, подтвержденный множество раз. Он лечит один, без чьей-либо помощи. Ценой огромной затраты собственных сил и здоровья.

А помогать ему необходимо. Ну, во-первых, для начала хотя бы не мешать, не нервировать, не дергать. Во-вторых, медикам надо заняться всерьез изучением касьяновского метода, если хотите, его совершенно оригинальной школы. Он мечтает об учениках. Как-то один молодой врач пытался перенять опыт Николая Андреевича, да ненадолго хватило его. И не всякому под силу то, что делает Касьян. И все-таки надо помочь найти добровольцев, которых он смог бы обучить своему искусству.

Отец Николая Андреевича уже стар и болен, не практикует. Настанет час, когда и сын его не сможет принимать больных. Ведь способ этот требует очень большого напряжения физических сил. Беречь надо редкостный народный опыт, который выдержал испытание временем.

Неужели так уж сложно местным органам здравоохранения создать Н. А. Касьяну необходимые условия для приема больных? Да и не мешало бы упорядочить эти приемы. Почему нельзя организовать их днем? Все эти ночные бдения трудны как для больных, так и для врача. Официальное признание, уважение — право, не столь уж непомерные требования. А как бы это облегчило судьбу удивительного, неистового человека!

Я НЕ МЕДИК. Естественно, мне захотелось узнать мнение врача. Вот что сказал мне доктор медицинских наук, профессор М. Г. Бостанджян:

— Люди часто с большим опозданием обнаруживают, что у них различные недуги, связанные с позвоночником. И потому уже ни ванны, ни массажи, ни лечебная гимнастика помочь им не в состоянии. Болезнь прогрессирует, и часто, как результат, — инвалидность, больницы, операции. Касьян обладает редчайшим даром — особой чувствительностью, или, как говорим мы, медики, пальпаторной способностью пальцев. Он находит болезненные участки-точки и резкими, но осторожными ударами разбивает от скованности межпозвонковые хрящи, диски и связки суставов. Радикальный метод лечения, применяемый им, очень эффективен и заслуживает серьезного внимания.

Так говорит ученый-медик. Стало быть, если подходить к делу не предвзято, а объективно и доброжелательно, то можно и изучить опыт Касьяна, и дать ему научное обоснование, и распространить. Хотя будучи уникальным, вряд ли он может широко войти в медицинскую практику. Главное же — помочь. Помочь и самому врачу, и больным, которые в нем так нуждаются.

ОТ РЕДАКЦИИ. Решая, публиковать или нет статью нашего специального корреспондента, мы учитывали, что существуют немало различного рода ажиотажей, о которых ходят всевозможные легенды, не имеющие под собой никаких оснований. Об этом, кстати, упоминает в начале статьи и сам автор.

Но мы понимали также, что нельзя игнорировать уникальные способности врача, унаследовавшего от отца и деда приемы народной медицины. Доктор Н. А. Касьян не чудодей и не кудесник — наверное, у него, как и у других врачей, случаются неудачи. Но совершенно ясно: он сумел помочь многим людям. Ясно и другое: ему очень трудно совмещать основную работу с приемом больных. И. А. Касьяну необходимо создать условия, помочь организовать прием. Именно об этом нас просят многие читатели в своих письмах. Они просят рассказать о докторе с Украины, что мы сегодня и делаем.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«НЕПОТОПЛЯЕМОСТЬ»

В Министерстве энергетики и электрификации СССР рассмотрена статья «Непотопляемость», опубликованная в «Литературной газете» 16 января 1980 года.

В газете в основном правильно освещаются недостатки в производственно-хозяйственной деятельности треста «Энергостроймонтажсвязь».

Трест не выполнил многие плановые задания 1978 и 1979 годов. Не уделялось должного внимания подбору, воспитанию и закреплению кадров, длительное время не замещались инженерно-технические и руководящие должности в механизированных колоннах.

Недостатки в производственно-хозяйственной деятельности главным образом являются результатом неудовлетворительно поставленной инженерно-технической работы в тресте и низкого уровня технологии и специализации строительства объектов, слабой организации подготовки и переподготовки кадров, ненормальных взаимоотношений между руководителями треста и Главного управления министерства.

В июне 1979 года бюро Ленинского райкома КПСС заслушало управляющего трестом т. Кареева А. Г. и за слабое руководство деятельностью треста, неудовлетворительную работу по подбору, расстановке и воспитанию кадров, неправильное реагирование на критику объявило ему выговор с занесением в учетную карточку и предложило министерству рассмотреть возможность использования т. Кареева А. Г. в должности управляющего трестом.

Приказом по министерству в декабре прошлого года, после обсуждения на коллегии, т. Кареев был освобожден от занимаемой должности и переведен в объединение «Союзспецэнергоремонт» на должность заместителя начальника по экономическим вопросам с понижением в окладе (объединение относится к 3-й категории, а трест «Энергостроймонтажсвязь» — к 1-й категории).

При этом учитывалось, что т. Кареев А. Г. является грамотным инженером (окончил два высших учебных заведения), проработал в отрасли почти тридцать лет, хорошо знает специфику энергетического строительства, принимал участие в Великой Отечественной войне, награжден 4 боевыми орденами и 6 медалями.

Освобождение т. Кареева задержалось по причине подбора нового руководителя треста.

Партком Минэнерго СССР при обсуждении указанной статьи наложил строгое взыскание на т. Мозжухина Ч. Н. за использование служебного положения, выразившееся в приобретении строительных материалов, а также перевозке их на автотранспорте подведомственных министерству организаций.

М. БОРИСОВ,
заместитель министра

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА «ЧЕЛОВЕК И ЭКОНОМИКА» «ЛГ»

Публикуя официальный ответ Министерства энергетики и электрификации СССР на статью специального корреспондента «Литературной газеты» П. Волина «Непотопляемость», редакция считает необходимым обратить внимание на следующее. Министерство, признав, что «в газете в основном правильно освещаются недостатки в производственно-хозяйственной деятельности треста «Энергостроймонтажсвязь», обошло молчанием главную тему статьи.

Речь в ней шла в первую очередь о поведении, поступках, моменте, о моральном облике руководители треста Кареева. Напомним хотя бы некоторые факты: передача исправной государственной автомашины частному лицу, незаконное повышение управляющим трестом оклада своему секретарю, приписки и выполнению плана, серьезные ошибки в работе с кадрами (а не просто «слабая организация подготовки и переподготовки»), зажим критики и т. д. Нам кажется, любой из этих поступков достоин, более того — требует серьезного разбора. Однако ни один из них в письме заместителя министра М. Борисова не только не оценен, но даже не упомянут. А ведь именно на эту сторону дела прежде всего обращают внимание подавляющее большинство читателей, присславших отклики на статью.

Многие авторы писем в газету задают вопрос об ответственности опекавших Кареева работников министерства, и в частности начальника управления руководящих и инженерно-технических кадров Минэнерго тов. Барышева, который был назван в статье «Непотопляемость». Но и на этот вопрос письмо тов. Борисова не дает полного и достаточно убедительного ответа.

И наконец последнее. Статья о бывшем управляющем трестом «Энергостроймонтажсвязь» заканчивалась словами: «Одним словом, выходит, все-таки непотопляем! Неужто верно?» После ответа министерства мы лишь снова можем повторить этот вопрос.

Не будем сравнивать оклады в тресте и в объединении, ибо не о том шла речь. Не будем сравнивать эти организации и по их категориям (такое сравнение нам кажется вообще неправомерным, ибо сопоставляются разные по своему характеру, назначению, структуре и т. д. организации). Не убеждает нас и сообщение о наградах Кареева. Мы не умаляем его боевых заслуг, но какое это имеет отношение к нему как хозяйственному руководителю?

Вопрос — и мы ждем на него ответа — совсем в другом: почему дискредитировавший себя, нам сказано в постановлении бюро районного комитета партии, и не обеспечивший удовлетворительной работы возглавляемого им коллектива руководитель (а это, последнее, подтверждает и само министерство) переводится с одной руководящей должности на другую?

«БУДЕМ ДУМАТЬ ВМЕСТЕ!»

Взаимоотношения врача и пациента, о которых шла речь в статье профессора К. Уманского «Будем думать вместе!» («ЛГ», № 46, 1979), действительно весьма важны и играют немалую роль в выработке правильной тактики лечения. Определять же эту тактику в конечном счете, бесспорно, должен врач.

Нельзя не согласиться с автором статьи в том, что в настоящее время каждый больной может и помимо лечащего врача получить самые разносторонние сведения о том или ином заболевании. Здесь вряд ли нужно упрекать медицинскую пропаганду. Ведь, помимо научно-популярной литературы, любой человек может воспользоваться энциклопедиями, справочниками, научными журналами, специальной медицинской литературой и т. д. Основная задача врача в таком случае должна заключаться в том, чтобы направить эти знания в нужное русло, объяснить пациенту, что в каждом конкретном случае как болезнь, так и методы ее лечения имеют свои характерные особенности, которые определяются целым рядом факторов (полом, возрастом, профессией больного, перенесенными в прошлом заболеваниями, сопутствующими болезнями, осложнениями и многим другим).

Больные по-разному оценивают состояние своего здоровья. Одни безропотно выполняют все назначения врача, другие пытаются «разобраться», почему с ними поступают так, а не иначе. Желание врача иметь в лице пациента союзника в борьбе с болезнью вполне закономерно, и к этому надо стремиться. Дать же унифицированный рецепт, как установить взаимопонимание, взаимное доверие в отношениях между больным и врачом, весьма сложно. В каждом конкретном случае это должен определить лечащий врач, исходя из характерологических особенностей больного, тяжести его заболевания, а также степени своей профессиональной подготовленности и опыта общения с людьми, обращающимися за медицинской помощью.

В. ТРЕСКУНОВ,
заместитель начальника Главного управления лечебно-профилактической помощи Министерства здравоохранения СССР

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ДВЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ»

Министерство здравоохранения РСФСР, рассмотрев статью О. Мороза «Хождение за две бесконечности», опубликованную в «Литературной газете» (№ 2, 1980), признает, что она правильно отражает недостатки в организации и проведении учебно-воспитательного процесса на кафедре физики Ставропольского медицинского института.

Указанные недостатки стали возможны ввиду слабой организации контроля над учебно-воспитательным процессом в вузе со стороны бывшего ректора Ставропольского медицинского института доцента Михайличенко Ю. П. Ректорат и учебная часть не обеспечили своевременного контроля над строгим соблюдением существующего положения о порядке издания медицинской литературы и учебно-методических пособий для студентов и преподавателей.

Министерство здравоохранения РСФСР приняло конкретные меры по улучшению постановки идеологической и идейно-воспитательной работы среди студентов и профессорско - преподавательского состава. Укреплено руководство вузом. На должность ректора Ставропольского медицинского института назначен профессор Водулин В. В. Заведующий кафедрой физики Рябцев А. С. согласно поданному заявлению освобожден от занимаемой должности.

Одновременно сообщаем, что выступление газеты будет обсуждено на расширенном заседании ученого совета института.

Работа Ставропольского медицинского института находится под постоянным контролем Министерства здравоохранения РСФСР.

С. ЧИКИН,
заместитель министра здравоохранения РСФСР

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОТВЕТ ИЛИ ОТПИСКА?

Уважаемая редакция!

11 июля прошлого года «ЛГ» опубликовала статью А. Борина «Была когда-то...». Речь шла о недопустимых методах работы директора детской художественной школы № 2 Ленинграда Н. П. Катеценко, что привело, по сути, к развалу школы. Шесть преподавателей из двенадцати вынуждены были уйти. Творческая атмосфера, царившая в школе, сменилась обстановкой казенщины и формализма... Через три с лишним месяца, 24 октября прошлого года, в «ЛГ» появился официальный ответ на статью, подписанный начальником Главного управления культуры исполкома Ленгорсовета Б. М. Скворцовым. В ответе перечислялись меры, якобы принятые Главным управлением в связи с выступлением газеты. Прочли мы об этих «мерах» и, честно говоря, очень удивились. Так, в официальном ответе сказано, что в связи со статьей «для более глубокого и профессионального руководства школами» создан совет директоров ДХШ из пяти наиболее опытных и авторитетных руководителей. Верно, создан. Но при чем здесь статья в газета? Совет директоров существует уже с... 1978 года. В официальном ответе сказано, что ныне проводятся курсы повышения квалификации педагогов школ. Правильно, проводятся. Но тоже... возникли они задолго до выступления «ЛГ». «В практику введены отчетные выставки работ выпускников школ», — сообщается в официальном ответе. Действительно, такие выставки существуют. Но никакого отношения к выступлению газеты они не имеют. Появились они задолго до статьи.

В чем же суть? А в том, вероятно, что товарищи, которых острая критическая статья в газете должна была бы, кажется, встревожить, заставить откликнуться на нее делом, попытались просто-напросто от критики отмахнуться. Бегло перечислили давным-давно проведенные мероприятия и выдали их... за «принятые меры». Получилась равнодушная, формальная отписка. А ведь речь-то идет о наших детях, об их развитии. Очень грустно!

Б. РЯБОВ,
преподаватель детской художественной школы № 2
ЛЕНИНГРАД

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛГ»

В ответе начальника Главного управления культуры Б. М. Скворцова, перечислявшего принятые меры, сказано было, в частности, что статья в «ЛГ» построена «на недостаточно глубоком изучении имевших место фактов и поэтому не дает объективного представления о том, что в действительности произошло в ленинградской детской художественной школе № 2». В чем именно не права газета, об этом не говорилось ни слова. Редакция «ЛГ» в своей реплике от 24 октября 1979 года уже указывала: вызывает удивление попытка посредством общих и туманных фраз «опровергнуть» критику, содержащуюся в статье А. Борина. Редакция позволила себе напомнить начальнику Главного управления тов. Скворцову о существующих партийных традициях отношения к критике и выразила сожаление в связи с тем, что в данном случае имела место попытка отмахнуться от критики.

Прошло несколько месяцев. Однако никакого ответа на редакционную реплику мы так и не получили. Ни слова. И вот — письмо тов. Рябова. Редакция проверила это письмо, факты подтвердились. Выясняется, что даже перечень сообщенных редакции якобы «принятых по статье мер» тоже был, мягко говоря... формальной и голословной отпиской. Как это понять?

ИТАК, УРАН «НАШЕЛСЯ»...

22 сентября минувшего года американский спутник «Вела» зафиксировал и передал на землю «странную», как ее охарактеризовали представители США, вспышку света вблизи территории ЮАР. И хотя просочившиеся в печать данные с несомненностью говорили о том, что это взрыв ядерного устройства, и вызвали широкое возмущение общественности во всем мире, правители ЮАР «категорически отмели» подобные предположения, а официальные круги Вашингтона дали команду «изучать другие возможности возникновения загадочной вспышки». Появились намеки на то, что аппаратура «ошиблась» (спутники серии «Вела» были созданы и рассчитаны для шпионажа над советской территорией, а этот выдал вовсе не запланированную информацию), что это было «отражение солнца» или метеорит. А «ряд представителей администрации, — как сообщила «Нью-Йорк таймс», — высказал предположение, что, возможно, одна из стран (подразумевался Советский Союз. — «ЛГ») послала в эту зону судно и произвела взрыв». В конце концов Вашингтон категорически заявил, что сия загадка «никогда не будет раскрыта».

Прошло ровно 5 месяцев, и произошел новый взрыв, на сей раз — в эфире. Телевизионная компания Си-би-эс передала сообщение своего корреспондента в Израиле, что, по сведениям из информированных источников, сентябрьская «вспышка» была не чем иным, как «израильским ядерным взрывом, осуществленным с помощью и при сотрудничестве ЮАР». Корреспондент ссылался на «информированные источники», которые, по понятной причине, не были названы, а также на книгу двух израильских журналистов, которая до сих пор не увидела света и в которой сообщалось, что Израиль — с ведома США — создал уже «несколько десятков атомных бомб». Мировые органы печати сообщили, что технологию их производства разработал Израиль, а сырье поступало в основном из ЮАР.

Но не только из ЮАР. Западные радиостанции глухо сообщили, что теперь наконец-то раскрыта тайна «исчезновения» отправленных десять лет тому назад из Западной Европы двухсот тонн урана — они благополучно прибыли в свое время в Израиль. О деталях этой аферы и рассказывает публикуемая сегодня статья.

Тем не менее Белый дом все еще «продолжает сомневаться», а Израиль с пеной у рта «опровергает» неопровержимое.

Юлиан СЕМЕНОВ, собственный корреспондент «ЛГ»

БРЮССЕЛЬ. Здесь, на Рю дю Маре, в центре города, расположена штаб-квартира мощной корпорации «СЖМ» («Сосьете женераль де минере»). Тихие коридоры, тяжелые двери, чинная обстановка. Именно здесь Дени Девез и принял одного из руководителей химической фирмы ФРГ «Асмара» — элегантного и подобранного Герберта Шульцема.

— Будет небольшой прием у меня дома,— сказал Шульцен. — Это в Хетенхайне, в 10 километрах от Висбадена. Я был бы счастлив, если бы вы нашли время посетить меня.

Заместитель начальника управления по добыче и распределению урана в гигантской корпорации «СЖМ» Дени Девез принял приглашение. «Юнион миньер», дочерняя компания «СЖМ». И срочно искала новые рынки, новых клиентов. «Асмара» предлагала ей выгодный контракт на покупку 200 тонн урановой руды, что хранились близ Антверпена, на берегу канала, в небольшом городе Олене.

— Мы измерены, — объяснял между тем Шульцен урановому боссу,—наладить массовый выпуск нефтехимикатов. Для этого нам необходим уран как катализатор. Понятно, уран следует соответствующим образом обработать. Мы это сделать не в состоянии, но фирма «Чимигар» в Марокко готова выполнить наш заказ. Мы отправим туда уран, купленный у вас, на нашем судне; получим его готовым и пустим в работу в цехах нашего концерна.

— Мне бы хотелось посмотреть ваше предприятие — сказал Девез.— Все-таки, знаете ли, уран в центре Европы — штука чрезвычайно опасная.

Шульцен неторопливо закурил, пододвинул к себе пепельницу. Дело, ради которого он приехал в Брюссель, оказалось на грани провала: не показывать же бельгийцу фанерный сарай, называемый складом «Асмара».

— Конечно,— ответил Шульцен.— приезжайте к нам в Хетенхайн, там все посмотрим и обсудим.

Смотрели, однако, не «цехи», а роскошный особняк Шульцена; любовались искусственным штормом, который он устроил в своем огромном бассейне, приглашенные им «инженеры» не говорили по-французски: объяснялись поэтому на английском; обед был изысканным: собеседники — вполне интеллигентные люди. Времени на осмотр «цехов» не осталось, тем не менее Девез уехал вполне удовлетворенный знакомством с умными и престижными компаньонами, которые не мелочились, цену приняли максимальную...

Однако, когда Девез начал оформлять сделку, его путь пересекся с «Евратомом» — учрежденным Европейского экономического сообщества. Поначалу «Евратом» отказался санкционировать сделку «СЖМ» с «Асмарой».

— Поскольку, — заявили мосье Девезу, — химическое предприятие ФРГ не в состоянии само обработать уран и намерено отправить его в Марокко, которое не является членом Европейского экономического сообщества, мы не вправе разрешить вам этот бизнес, очень сожалеем...

Девез позвонил в Висбаден, Шульцен, посоветовавшись со своим компаньоном и основателем «Асмары» Гербертом Шарфом, срочно вылетел в Милан. Здесь он встретился с синьором Серторио, одним из руководителей итальянской компании «Сайка». После окончания второй мировой войны компания влачила жалкое существование, ее доходы составляли смехотворную сумму — полторы тысячи долларов в год. Однако Серторио одновременно числился директором фирмы «Чем Италиа», которая имела некое подобие заводишка. Из Милана Шульцен позвонил в Брюссель Девезу:

— Мой друг, в Италии находится крупнейшее предприятие химической индустрии «Сайка — Чем Италиа». Оно готово принять наш уран к обработке. Италия — член Европейского сообщества, так что теперь я не вижу никаких затруднений с «Евратомом».

Серторио, присутствовавший при этом телефонном разговоре, заметил:

— Вы думаете, у нас кто-нибудь знает, как нужно обрабатывать этот самый уран?

— Мы пришлем инструкцию вместе с грузом,— ответил Шульцен, тяжело глядя в надбровье собеседника — Разве выгоды, которые вы получаете от нашего заказа, не побудят ваших людей к энергичной работе?

— А если Девез и «Евратом» потребуют наш финансовый отчет? — спросил Серторио.— Мы ведь на грани банкротства — пшик, а не фирма.

— Но у меня он ведь этого не потребовал! — Шульцен пожал плечами.— А если и потребует, придумаи, как ответить.

Ночью, перед вылетом в Кельн, Шульцен провел несколько экстренных телефонных разговоров Следствием одного из них явился приказ швейцарскому юристу Герду Ланцу: «Срочно организуйте судоходную корпорацию с филиалом в Цюрихе, но базирующуюся на Либерию».

На следующий день, когда Шульцен вернулся в Висбаден и началась подготовка к решающей встрече с людьми «Евратома», Герд Ланц посетил здание в Цюрихе, на Пеликанштрассе, где находилась либерийская посредническая корпорация. Он представил необходимые документы о своей кредитоспособности, оплатил расходы по переговорам со столицей Либерии и через 24 часа получил оттуда ответ: «Согласны с вашим предложением». Еще через 12 часов было объявлено о создании новой судоходной «Бискэйн трэйдерс шиппинг корпорэйшн» В течение следующих суток директорами этой новоявленной корпорации стали некие либерийские «бизнесмены»—Сатиа, Бойд и Нугба. Их новый офис был зарегистрирован в Монровии, на Брод-стрит, 80. Однако по этому адресу три новоявленных директора так и не появились. На самом деле это были либерийские «зиц-председатели», подобные тому, которого описали Ильф и Петров. Подставные фигуры, они жили за счет того, что соглашались на фиктивное председательство в фиктивных фирмах. Через сутки, получив солидное вознаграждение, они лишились своих постов, передав управление корпорацией некоему «турецкому подданному» — это не шутка и не параллель с Остапом Бендером, это констатация факта.

Бурхам Ярисаль, новый владелец корпорации, имеющий квартиры и офисы по всему миру, действительно, родился 60 лет назад под Стамбулом; коротышка, налитый мускулами, изысканно одетый, не пьющий и не курящий, с пронзительными черными глазами-буравчиками. Вот этот-то человек, владевший разного рода судоходными компаниями, человек без постоянного адреса, и позвонил в Гамбург посреднику по продаже судов Уве Мёллеру.

— Мне нужен хороший не очень большой корабль, стоимость которого не превышала бы 175 тысяч фунтов.

Через три недели владелец «Либерийской судоходной компании» Ярисаль приобрел западногерманское судно «Шеерсберг». Фирма «Августа Болдт», владевшая судном, запросила полтора миллиона марок Ярисаль не торговался, деньги были переведены на счет немедленно. Такая стремительность, столь не коммерческий подход к сделке привели одного из владельцев гамбургской фирмы к мысли: «Видимо, наше судно приобрели неспроста — нелегальная торговля оружием нам что-то в этом духе». Однако эта мысль так и осталась мыслью западногерманского бизнесмена — зачем ею делиться, так недолго и потерять выгодного клиента?!

Сразу же после оформления купчей судно было перерегистрировано из Гамбурга в порт Роттердама, но уже под новым именем: «Шеерсберг-А»; при этом Ярисаль успел исключить его из списка кораблей ФРГ и поднял на корме флаг Либерии. Прежний капитан был уволен, команда списана на берег. Ярисаль набрал в порту Роттердама марокканцев, португальцев, испанцев — вполне разноязычная команда, никто никого не знает. После этого Ярисаль позвонил своему знакомому — инженеру Кернеру и предложил ему взять на себя высокооплачиваемую должность старшего механика. Тот согласился. Следом за Кернером прибыл капитан.

— Я из Уэллса — представился он — Меня зовут Питер Бардоу. Мы получили приказ немедленно идти на юг Италии и там ждать дальнейших указаний.

Это было вечером 9 октября 1968 года.

Ранним утром 10 октября Шульцен подписал в Брюсселе контракт с Девезом на приобретение 200 тонн урана за 190 миллионов бельгийских франков. Сразу же из своего бюро Девез отправился в «Евратом» к юристу атомного пула Феликсу Обусье — причем не один, а с «нужным человеком».

Обусье внимательно выслушал Девеза — как-никак перед ним был один из главных урановых специалистов Западной Европы — и, поглядывая на его молчаливого спутника, задал лишь один вопрос:

— А какую мы получим гарантию, что с ураном ничего не случится на пути следования из Бельгии в Италию? В конечном счете море ведь неподвластно юрисдикции «Евратома», а везете вы не что-нибудь, а уран.

Садевший рядом с Девезом «нужный человек» Жан Микалайчик, сын одного из создателей концеона «СЖМ», являвшийся президентом уранового департамента корпорации, поспешил на помощь:

— Пусть господин Шульцен даст вам гарантию, пришлет официальное письмо в «Евратом» Разве этого недостаточно? Только, пожалуйста, пусть все это будет сделано конфиденциально — как с его, так и с вашей стороны, все остальное гарантируем мы.

Рассчитано все было точно. Участие в беседе Микалайчика подействовало «Евратом», получив филькину грамоту от «Асмары», даже не поинтересовался, насколько серьезна фирма, претендующая на 200 тонн урана. Санкция на продажу была получена, и через час рация на судне «Шеерсберг-А» поймала команду: немедленно отправляйтесь в порт Антверпена.

И через несколько дней судно было загружено ураном, первоосновой атомной бомбы. Никто из экипажа не знал, что везут и кому везут. Отплыли ночью. Взяли курс на юг, потом повернули на восток, миновали Гибралтар. Сицилию, пошли на Кипр. Ночью к «Шеерсбергу-А» пришвартовалось военное судно Ящики с ураном были перегружены Корабли разошлись в ночи, не обменявшись даже положенными по морской этике приветствиями

Уран был доставлен в Израиль, сионистской военщине

Кто же был создателем «Асмары», игравшей ключевую роль во всем этом деле?

Во времена гитлеровской тирании Герберт Шарф служил офицером генерального штаба вермахта. То есть работал бок о бок с Кейтелем и Йодлем. Разгром фашизма оказался личной трагедией для Шарфа: он лишился всего, что имел при Гитлере. Чтобы «избежать неприятностей», в 1945 году Шарф укрылся в поверженного третьего рейха на север Африки, получив мов-какие адреса от старых знакомых — итальянских фашистов. Он обосновался в Асмара, столице бывшей итальянской колонии Эритрея. Там он наладил связи с марокканской компанией «Чимигар» (читатель, полагаю, помнит, что Шульцен поначалу хотел отправить уран именно в Марокко на «Чимигар»). Здесь, в Асмара, Шарф приобрел новые связи, заработал деньги и осенью 1946 года открыл свой офис; там же познакомился с Гербертом Шульценом, сыном одного из текстильных магнатов. Шульцен тоже служил Гитлеру, был автчиком люфтваффе, сверепствовал на Восточном фронте; в конце войны переучился на пилота первых реактивных самолетов, однако было уже поздно...

Вот эти-то два бывших офицера гитлеровской армии и организовали в Висбадене компанию «Асмара». Они получили ряд заказов от американских оккупационных войск, затем установили контакт с министерством обороны ФРГ: Шульцен стал чем-то вроде негласного консультанта НАТО по вопросам, связанным с химическими проблемами.

После этого Шульцен был приглашен на отдых в Израиль, там с ним завязали тесную дружбу люди из секретной службы: «нацистский пилот», как шутливо и дружелюбно они его называли, был весьма внимательно со всех сторон «исследован»; гостеприимных хозяев не шокировало гитлеровское прошлое аса, хотя тот не мог не быть антисемитом; впрочем, антисемитизм, как известно,. весьма выгоден сионистам.

Шульцен вернулся в ФРГ, Шарф передал ему бразды правления компанией; бывший гитлеровский летчик стал ключевой фигурой в операциях с похищением 200 тонн урана.

Впрочем, с «похищением» ли?

Действительно, внимательный читатель не может не заинтересоваться тем, с какой поразительной легкостью было проведено это «похищение». И США, и европейским странам — членам НАТО было невыгодно открыто передавать уран израильской военщине — приходилось (да и сейчас приходится) оглядываться на арабский мир — как-никак нефть, энергокризис, возможная экономическая катастрофа. И разыграли комбинацию с «Асмарой», в результате которой и волки сыты, и овцы целы. Арабские государства не имели формального права обвинять Запад и передаче урана агрессору. Раз уран похитила израильская разведка — с нее и весь спрос.

Может быть, многолетнее разоблачительство дела о пропаже урана дало ответ на вопрос о том, кто же передал сырье для атомной бомбы Израилю? Нет, ибо разоблачительство было любительским, отписочным Даже судебного процесса — хотя бы формального — не последовало, что весьма и весьма странно Ни один волос не упал с головы Шульцена; процветает, «колесит по миру «турецкий подданный» Ярисаль, совершает новые сделки; по-прежнему функционируют господа из брюссельской «СЖМ», в ядре Западной Европе умеют карать тех, кто проводит незаконные сделки, умеют карать сурово. Отчего же в данном случае «меч правосудия» оказался картонным?

Комбинация была начата более десяти лет назад, а закончилась недавно взрывом атомной бомбы

БРЮССЕЛЬ—ЦЮРИХ—БОНН

КАБУЛ: КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ ПРОШЛА

ИЗ ДНЕВНИКА НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 8-й СТР.

Помещение кабульских органов безопасности. Майор, усталый, измотанный, с проступившей за ночь щетиной. Перед ним — сейчас молчащие, но такие красноречивые «вещественные доказательства». Рации «Телефункен» и «Эриксон». Магнитофон с кассетами, на ленту записаны орущие голоса: «Аллаху-ль-Акбар!» — имитация многотысячного рева толпы. Вот почему казалось, что на улицах такое множество «протестующих» — их «энтузиазм» дополнялся «трансляцией» из окон. Уже знакомые мне американские и китайские автоматы. Винтовки «Ремингтон» с оптическим прицелом. Ворох листовок, подстрекающих к мятежу. Маоистские провокационные брошюрки...

Первое задержание. Обвиняемые в организации беспорядков 16 пакистанцев с новенькими, недавно выданными паспортами, называющие себя «представителями нефтяной компании». Майор показывает мне старую пакистанскую газету: фотографии двух из ныне задержанных, описание их примет и преступлений — оба разыскиваются тамошней полицией. Кто выдал преступникам паспорта? Кто послал их в Кабул?

Бандит из приграничной провинции. Его показания: с группой других был специально заброшен в Кабул. Тайно скрывался в пригороде, ожидая приказа выступать. Кто укрывал его?

Другой уголовник, кабульский. Был задержан с оружием. Опознан дуканщиком в канун беспорядков. Ходил по дуканам, угрожал торговцам вырезать их род до десятого колена, если осмелятся открыть свои лавки. Случаи зверств по отношению к «непокорным» дуканщикам уже стали известны. Того запороли прямо в лавке. Тому отрезали голову и повесили на крюк, на котором обычно висят говяжьи туши. Кто планировал эту кампанию террора, начавшуюся одновременно во всех районах Кабула?

Еще один — бегал по домам в Старом городе, сулил по 50 афганей тем, кто присоединится к погромщикам. Ночью с оружием врывался в семьи, гнал их на крыши глинобитных домов, заставлял кричать «Аллаху-ль-Акбар!». Кто ему дал этот огромный рупор с усилителем?

Майор рассказывает:

— Никакой стихии, никакого мусульманского «взрыва». Налицо тщательно спланированная операция холодный расчет, точный выбор времени и места удара. 20 февраля истек срок предъявленного Картером «ультиматума» о выводе советских войск из Афганистана. К этой дате и приурочена диверсия. Смысл ее в том, чтобы сорвать процесс нормализации, стремление к единству и сплоченности всех слоев населения, о которой возвестил новый этап апрельской революции.

Нет, я не исключаю того, что в толпе были обманутые, сбитые с толку люди. Были фанатики, но были и запуганные. За отобранным милиционерами оружием мне виделись атомные авианосцы в Персидском заливе, центры ЦРУ, оснащенные ЭВМ, интеллектуалы-разведчики где-нибудь в Лэнгли, склонившиеся над планом Кабула.

Каков он, враг революции, в сегодняшнем Афганистане? Не будем скрывать: он не слаб, не глуп, не растерян. В Джелалабаде в городской тюрьме я видел группу налетчиков, захваченных в плен. Заметив меня в сопровождении афганских военных встали тесно, завели «Аллаху-ль-Акбар!». Я видел их лица, глаза, испытал их ненависть, желание уничтожать, фанатичную стойкость. Они готовы биться до конца, чтобы вернуть отобранные народом земли, отобранную народом власть. С этим отнюдь не слабым врагом продолжает свою борьбу революция.

23 февраля

Город еще пуст и безлюден. Почти все дуканы закрыты. Но дуканщики пришли к своим лавкам, сидят у замков, выжидают.

Районный комитет Народно-демократической партии Афганистана в центре Кабула. Вооруженные члены партии третий день не покидают постов. Одни уходят патрулировать улицы, охранять учреждения, магазины. Другие, измученные, возвращаются, ложатся отдохнуть часок-другой в помещении райкома. Кабинет секретаря — тесная комнатка на втором этаже. Стол завален кипами листовок. Мегафон для выступлений на улице. Фотографии Маркса и Энгельса, наклеенные прямо на стену. В стенах — свежие дыры от пуль. Кровать под грубым сукном. Автомат на подушке. В комнате полно людей. Звонки телефонов. Молодые резкие голоса. Людей здесь много, они сильны, готовы сражаться, жертвовать собой ради революции, полны решимости победить.

Разговор с секретарем райкома Кадыром Ошнапом:

— Бандиты в ту ночь 21-го осадили райком. Кричали мне: «Кадыр, сдавайся, все равно убьем!» Пошли на штурм. Мы отбивались. Отбились. Наутро после боя созвали партсобрание. Наметили три важнейшие цели: охрана объектов, агитация и обнаружение диверсантов. Райком превратился в командный штаб. Я был избран командиром. В тот же день мы пошли к дуканам, расклеили листовки с призывом начать торговлю. Мы встали на страже торговли. Каждые два товарища отвечают за 50 дуканов. Один охраняет открыто, с оружием. Другой — незаметно, в обычной одежде. Если к дуканщику подбирается бандит, так его легче обнаружить и арестовать. Мы говорим торговцам: «Партия и армия с вами. Никто вас не тронет. Открывайте дуканы». Мы ведем с врагом борьбу за дуканы. Обязаны ее выиграть.

Еду по Майванду. Смотрю на закрытые ставнями и решетками лавки. Одни — побогаче, другие — победнее, третьи — совсем никудышные. Гляжу на сидящих перед своими заповами дуканщиков. Чувствую их горе, сомнение, неверие — и желание вернуться к нормальной жизни. Каждый день простоя несет им убыток, грозит разорением.

Почему именно дуканы оказались сегодня в центре борьбы?

Бесчисленные лавки, окутанные дымом жаровен, торгующие луком, мясом, хлебом, одеждой, пестрые наклейки, линялые вывески, у которых вечно толкутся, гомонят, спорят, обмениваются новостями — здесь они как бы сеть кровеносных сосудов, пронизавших город, питающих его, дающих ему ежедневно жизнь.

Стоит их закрыть — и начинается омертвение ткани Прекращение торговли отзывается немедленно бедой в каждой семье, во всех слоях населения. И враг, парализуя дуканы, старается развалить экономику города, ввергнуть его в хаос. И второе: если дуканы открыты, люди знают — все благополучно, в стране мир и благоденствие. Если закрыты — беда, черные дни. И подкрадывается страх, депрессия...

Полдень. Дуканы все еще закрыты Вдруг в одном закоулке, у Старого рынка — открытый дукан и огромная очередь. В ней терпеливо стоят и бедняк в грязной одежде, и служащий в темном костюме. Вытягивают шеи, смотрят на торговца, отмеряющего, отвешивающего. Рядом с торговцем — два автоматчика. Этот первый открытый дукан — огромная победа. За ним последуют и соседи.

25 февраля

Дети стали жертвами бандитского заговора. Их гнали впереди толпы, заслонялись ими, зная, что власть не станет стрелять в детей. А сами стреляли из-за их спин и голов. Подростки, совсем еще мальчишки, чумазые, перепачканные. Спрашиваю их, как все было. Они отвечают:

— К нам в дом ворвался человек с закрытым лицом, приказал мне идти с ним. «Иначе, — сказал он, — я тебя застрелю».

— Они нас силой держали рядом с собой, заставляли кричать «Аллаху-ль-Акбар!». А кто не хотел, того били.

— Они все жгли и ломали, а говорили что хотят добра народу. Зачем же они тогда жгли и ломали?

— Мы поняли кто наш друг, а кто враг. Те, бандиты, нас били. Теперь, если мы их увидим, мы о них сразу сообщим...

Я хотел бы, чтобы в семьях и тех американцев, что планировали путч в Кабуле, и тех, кто просто бездумно слушает или читает о «взрыве народного гнева» в Кабуле, узнали обо всем этом...

Уверен, кем бы ни стали эти дети в будущем Афганистане, они запомнят этот урок. А ведь именно им предстоит строить новую, счастливую родину

26 февраля

Город ожил. Многие дуканы открыты. Снимают свои решетки и жалюзи торговцы побогаче. На улицах людно пестро. Множество машин. Много молящихся. Не удалась спекуляция на исламском флаге, на выкрике «Аллаху-ль-Акбар!». Подавляющее большинство мусульман желает мира стране благодати ее полям, покоя в семьях. Об этом их молитвы в мечетях.

Прочесывают Старый город отряды милиции из вооруженных патриотов. Вижу среди них студентов, рабочих, много девушек. Вот профессор политехнического института. Вот авторемонтники. Вот диктор Кабульского телевидения — любимица зрителей.

В Международном аэропорту садятся самолеты с эмблемами иностранных авиакомпаний. Днем был во Дворце Ревсовета, где Бабрак Кармаль открывал всеафганскую конференцию земледельцев. Смуглые, закопченные солнцем лица Скоро сев Идет по дорогам в Кабул караван «КрАЗов», везущих городу товары и продовольствие.

Народный Афганистан борется. Народный Афганистан победит.

Александр ПРОХАНОВ
КАБУЛ

Рон ШУЛЬЦ:

ЧТО Я ДУМАЮ ОБ ЭМБАРГО ПРЕЗИДЕНТА КАРТЕРА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

О Роне Шульце я писал в «ЛГ» летом 1978 года. Поездка по Штатам, организованная Американо-Советским торгово-экономическим советом, подходила к концу, когда я оказался в калифорнийском городе Пало-Альто. Позади остались встречи с президентами крупнейших корпораций и банков — теперь предстояло знакомство с небольшой торговой фирмой.

«Даймз груп» разместилась в скромном двухэтажном доме в южной части города, где поначалу устраиваются многие новоявленные компании; это уж потом, став на ноги и окрепнув, если, конечно, повезет, они перебираются в более престижные районы и более респектабельные здания.

Рон Шульц, президент фирмы — крупный пятнадцатилетний мужчина, инженер-связист по образованию, имеющий уже немалый коммерческий опыт. Сперва он держался довольно напряженно: давать интервью советскому журналисту ему еще не приходилось. Но потом «разошелся».

В первый год — фирма была организована в 76-м — оборот с Советским Союзом составил всего полмиллиона долларов, а в 77-м уже почти четыре миллиона. Продает она нам разное оборудование, приборы мелкими партиями. Крупная корпорация, пояснил Рон Шульц, с подобной «мелочью» не станет возиться или заломит несусветную цену, а небольшой компании и такой контракт выгоден («капает понемногу — и слава богу!»).

Об этом я и написал в своей статье, в главке «Большие планы маленькой «Даймз груп». В очередной приезд в Москву Рон Шульц зашел к нам в редакцию и немного торжественно вручил фотокопию статьи из «ЛГ» с отчеркнутыми столбцами, посвященными его компании. Оказывается, статью он размножил: «Паблисити»!

На днях г-н Шульц снова побывал у нас. На этот раз он с горечью рассказал о новых искусственных трудностях, созданных администрацией США в сфере торговли с Советским Союзом, о разочаровании и недовольстве многих американских бизнесменов.

— Напишите про это в «Литературной газете», — предложив гость.

— Может, будет лучше, если вы сами это сделаете? Выйдет убедительнее...

Он колебался недолго:

— Хорошо, я согласен. — И деловито добавил: — Сколько можно написать?

— А не боитесь, что у вас могут быть потом неприятности дома? — честно предупредил я.

— Об этом я думал. Но я и дома говорю то же, что здесь, в Москве. Я послал письмо президенту Картеру: если правительство зажмет у фермеров зерно, предназначавшееся для СССР, — пусть оно купит у фирм и технику, технологию, которую нам теперь запрещено поставлять Советскому Союзу. Я написал об этом и жду ответа. Но, конечно, и такая мера была бы плохим возмещением всей той трудной работы, которая была проделана для развития делового сотрудничества с вашей страной. Итак, сколько можно написать?..

Вот так родилась статья американского бизнесмена, который не желает «страдать молча».

В. СЫРОКОМСКИЙ.

БОЛЬШИНСТВО американских бизнесменов, ведущих торговлю с Советским Союзом молча страдают, но я молчать не буду. Пользуясь предоставленной мне возможностью, я хочу высказать свое мнение мнение американского бизнесмена о положении, создавшемся в торговле наших двух стран.

Но прежде два слова о себе.

Меня зовут Рон Шульц, и я — президент фирмы «Даймз груп, инк». Чтобы читатели смогли получить представление о моей деятельности и таким образом проникнуться ко мне доверием, я сначала расскажу о моей компании и моем личном участии в американо-советской торговле, а уж потом о том, что я думаю относительно нынешней ситуации, создавшей препятствия для процесса нормализации торговли между СССР и США.

Последние четыре года моя фирма (поначалу на аккредитованная в СССР) упорно работала над тем, чтобы стать надежным торговым партнером советских фирм. Так, например, в прошлом году 29 служащих моей фирмы оформили свыше 240 контрактов (это более чем по одному контракту за каждый рабочий день) с различными подразделениями всесоюзных внешнеторговых объединений «Машприборинторг», «Медэкспорт», «Станкоимпорт», «Техмашимпорт», «Промашимпорт», «Техснабэкспорт» и «Алмазювеирэкспорт».

По большей части это были контракты на поставки (мелких партий) запасных частей, инструмента, электронного оборудования и проводки для лабораторий, производственных цехов, линий связи и больниц.

Моя компания бывает также представлена на выставках, предоставляет услуги, обучает специалистов и проводит технические семинары в СССР.

В феврале и марте мы организуем три таких семинара: два — в Москве и один — в Таллине. Кроме того, два раза в год мы выпускаем в США справочник для бизнесменов и туристов «Информация о Москве».

А теперь посмотрим, с чего все началось. В январе президент Джимми Картер наложил эмбарго на продажу СССР зерна и новейшей технологии. Г-н Картер высказался также против проведения летних Олимпийских игр в Москве. А потом конгресс Соединенных Штатов утвердил предоставление Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Хочу заметить: Советскому Союзу статус наиболее благоприятствуемой нации до сих пор не предоставлен. Администрация и конгресс продолжают игнорировать те очень большие возможности сотрудничества, какие сулит расширение бизнеса с СССР. Китай располагает в этом отношении гораздо меньшими возможностями. Высокие американские тарифы на советские товары не позволяют максимально расширять торговлю с партнером, имеющим необходимые средства. С другой стоооны, у Китая финансовых ресурсов значительно меньше. Плюс к тому Советский Союз аккуратно выполняет обязательства, взятые на себя по заключаемым сделкам, так что для нас, если пользоваться американским выражением, деловые соглашения с ним «надежны, как золото».

Таким образом, нежелание конгресса предоставить СССР режим наибольшего благоприятствования нелогично и противоречит интересам Америки.

А теперь о запретах, введенных президентом

ЗЕРНО. По моему убеждению, Советский Союз сможет обеспечить себя зерном и кормами для скота из своих собственных и других источников. Поэтому не думаю, чтобы запрет на поставки зерна мог повредить СССР.

ТЕХНОЛОГИЯ. Тут я почти уверен, что задеты будут американские бизнесмены, а не Советский Союз. Деловые операции ряда компаний с советскими фирмами или почти полностью прекратились, или в значительной степени сократились. Поубавился и бизнес моей компании. Но Соединенные Штаты остаются в одиночестве с этим эмбарго. Представители деловых кругов Японии и Западной Германии в Москве наперебой предлагают контракты, новые сделки. Чего же в данном случае достиг Вашингтон? Быть может, есть другая причина такой стратегии — чисто внутренняя...

ОЛИМПИАДА. Соединенные Штаты всегда проводили политику невмешательства в олимпийское движение и в прошлом критиковали тех, кто в него вмешивался. А теперь американская администрация пытается навязать свою волю спортсменам. Что касается коммерческого аспекта, то 58 американских фирм приобрели лицензии на использование символов Олимпиады, включая медвежонка Мишу, для производства «олимпийской» продукции, которую

предполагалось реализовать в Соединенных Штатах. Они изготовили такую продукцию, но теперь не могут ее продать. У одной фирмы лежат на складе плакаты, у другой — стеклянная посуда, и т. д.

Одна нью-йоркская фирма теперь столкнулась с таким положением, что из 10 тысяч туристов, пожелавших посетить Олимпиаду, большая часть аннулировала свои заказы. Я летел в Москву из Нью-Йорка самолетом финской компании «Финэйр». На борту была также группа туристов. Руководитель сказал мне, что из 65 человек явились только 23. Значит, страдает и туристический бизнес.

ДРУГИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. Учитывая атмосферу в нашей стране, некоторые американские фирмы, озабоченные, видимо, поддержанием своей репутации на внутреннем рынке, сокращают торговлю и обмены визитами с СССР. На этом фоне приятно констатировать, что есть по крайней мере одна организация, по-прежнему оказывающая полную поддержку торговле и сотрудничеству между нашими двумя странами. Это Американо-Советский торгово-экономический совет, членством в котором гордится наша фирма.

А теперь скажу о том, что по-настоящему беспокоит меня больше всего. Это не нынешняя позиция правительства США и не отдельные решения некоторых американских фирм. Меня беспокоит то, что думают мои коллеги из советских деловых кругов. Если они окончательно решат, что Соединенные Штаты теперь уже ненадежный партнер и станут покупать и продавать в других странах, то тогда (хотя только тогда) моя и другие представленные в Москве американские фирмы будут отброшены на много лет назад. А ведь скольких усилий стоило американскому бизнесу, чтобы начать развивать отношения с вашей страной, где мы встретили такой хороший прием. Мне лично нелегко будет от этого отказаться. Несмотря ни на что, дела «Даймз груп» пока идут как обычно.

Я, как и мои коллеги, другие американские бизнесмены, хочу продолжать деловые отношения со своими советскими партнерами. Надеюсь и верю, что мы переживем наступившие трудные времена...

МИР ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ

Сергей БАРУЗДИН

ДРЕВО ЖЕЛАНИЯ

КИПРСКИЕ ВСТРЕЧИ

ВСЕ-ТАКИ либо мы не любопытны, либо плохо разбираемся в географии, но, признаюсь, мне всегда казалось, что Кипр — это где-то очень далеко. Может, потому, что лет шесть назад я видел Кипр с неба, когда летел из Каира в Бейрут. А тут, в Шереметьеве, мы сели в самолет и уже через три с половиной часа полета без посадки внизу мелькнули Средиземное море и горная цепь Кирения.

После греко-турецкого конфликта аэропорт в Никосии закрыт — в нем обосновались силы ООН, — и самолеты принимает Ларнака, небольшой, но очень древний город Кипра. Здесь и современный порт, и прекрасный музей в старинном форте...

Было душно, влажно и жарко, теплая московская одежда казалась нестерпимой, и, наверное, мы выглядели забавно в глазах встречавших нас председателя Союза кипрских писателей Георгиоса Филиппу Пиеридиса и ответственного секретаря союза, генерального секретаря Кипро-советского общества Ахиллеаса Пилиотиса с супругой, которые держали в руках роскошные красные розы, укрытые не от мороза, а от жары в твердый целлофан.

Уже в машине по пути в Никосию сразу же начался разговор о самой больной проблеме Кипра — последствиях братоубийственной войны 1974 года. То слева, то справа от нас возникали выжженные высотки с греческими, турецкими или ООНовскими флагами.

И позже, в самой Никосии, города не столько красивом, сколько очень уютном и ласковом, мы увидели эти печальные следы событий последних лет. Столица поделена на две части — греческую и турецкую, между ними находится зона ООН, и если в греческой части, в общем-то, бурлит жизнь, то в турецкой все напоминает какой-то дремоте.

С грустью говорят о проблеме Кипра и греки, и турки-киприоты, с которыми мы общались эти пять дней. И даже в археологическом музее (его называют Кипрским), который находится во внешне благополучной греческой части Никосии, по законам военного времени спрятаны наиболее ценные экспонаты, в том числе и неповторимая статуя Афродиты из Соли (III век до нашей эры). Правда, кое-что из коллекции антиков показывается посетителям, но без главных экспонатов они не смотрятся. Намного интересней показался мне музей народного искусства в Никосии. Особенно поразили выставленные здесь работы Михаила Кашалоса, очень напоминающие по манере письма нашего Нико Пиросмани. Даже трагические судьбы этих двух художников в чем-то перекликаются. И тот, и другой не были признаны при жизни. Полотна семидесятилетнего самоучки Михаила Кашалоса, убитого во время событий 1974 года, любители живописи увидели уже после его смерти. Они, кстати, с большим успехом демонстрировались недавно на выставках во Франции, Англии, ФРГ.

В дни нашего пребывания на Кипре в Никосии проходил конгресс греческой культуры «Облик Новой Греции (с 1821 года по сегодняшний день)».

Весьма торжественным был ритуал открытия. Когда до начала первого заседания оставалось несколько минут, в зал внесли и поставили напротив стола президиума широкое, высокое, обитое бархатом кресло. Оно, объяснили нам, предназначено для президента.

Появления главы государства все ждут стоя.

И вот он входит. Быстрой, уверенной походкой еще не старого человека направляется к креслу и усаживается в него. Конгресс начинает свою работу...

В своем выступлении президент Кипра Спирос Киприану говорил о традициях греческой культуры, о необходимости хорошо знать историю своей страны, своего народа.

«Сейчас кипрский народ переживает трудную минуту своей истории,— отмечал, в частности, он.—Греки-киприоты отстаивают жизненные права всего народа республики. Это часть борьбы всех передовых людей планеты за мир и справедливость. Несмотря на попытки врагов Кипра разобщить нас, народ Кипра един. Мы добиваемся свободы греков-киприотов и турков-киприотов. Мы боремся, чтобы создать предпосылки для существования независимого кипрского государства».

В честь участников конгресса был устроен прием. На нем мы познакомились с Генеральным секретарем Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) Эзекиасом Папаиоанну. Партия АКЭЛ пользуется огромным авторитетом на Кипре.

Выступая недавно на массовом митинге в поселке Дерынья, Э. Папаиоанну поддержал новое обращение кипрского правительства в ООН и указал на необходимость созыва международной конференции по Кипру под эгидой ООН. Внутренние аспекты кипрской проблемы, сказал он, должны быть рассмотрены на межобщинных переговорах между греками-киприотами и турками-киприотами. С его точки зрения, Советский Союз — наиболее верный друг кипрского народа.

Генеральный секретарь АКЭЛ высоко оценил новые мирные предложения СССР, выдвинутые Л. И. Брежневым в его речи в Берлине, и резко осудил действия НАТО. Военные базы Англии на Кипре, заявил он, по существу, перешли под американский контроль, они использовались и используются американскими самолетами-шпионами «У-2». Кроме того, как свидетельствуют сообщения английской печати, ими могут воспользоваться для размещения американских крылатых ракет среднего радиуса действия, оснащенных ядерными боеголовками. Борьба против английских баз, заявил Э. Папаиоанну, неотделима от освободительной борьбы, которую ведет кипрский народ.

Нас принял министр просвещения Кипра Хрисостомос Софьянос. Мы уже виделись с ним на открытии конгресса греческой культуры, где он выступил с краткой, но блистательной речью.

Хрисостомос Софьянос молод, деятелен и удивительно обаятелен. Он прилагает много усилий для важных преобразований в просвещении.

Хрисостомос Софьянос вспомнил о своей поездке в Советский Союз, которой остался очень доволен, и высоко оценил позицию нашей страны в кипрском вопросе. Он поддержал инициативу более тесного сотрудничества между союзами писателей СССР и Кипра, говорил о необходимости расширения писательского и культурного обмена, выразил готовность предоставить государственные типографии для издания советских авторов.

Хрисостомос Софьянос, рассказывали нам, является одним из верных учеников и последователей покойного президента Макариоса.

На Кипре имя Макариоса овеяно славой, всюду можно увидеть его портреты — в официальных учреждениях и гимназиях, в магазинах и кофейнях, на стенах домов и в салонах автомобилей.

...Нескончаем поток людей к монастырю Кикоса и могиле Макариоса. Дорога петляет по склонам Кирении, идя вверх, кажется, к самым вершинам. На отвесных скалах то и дело попадаются выведенные краской надписи: «Макариос жив». Мы едем на нашей «Ладе», легко обгоняя перегруженные, тяжело ползущие в гору автобусы с туристами. Час пути, два, около трех, уже виден монастырь Кикоса, и, наконец, мы у цели.

Еще при жизни президент Макариос попросил своего друга-архитектора подготовить место для своего погребения, которое он выбрал сам: на вершине горы, откуда хорошо видна его родная деревня. Видимо, президент, переживший трагический 1974 год, когда ему чудом удалось спасти свою жизнь, предчувствовал скорую кончину. Рабочие, которым было поручено возвести это сооружение, даже не знали, что они строят.

И вот когда Макариос неожиданно умер, парламент собрался на экстренное заседание. Обсуждался вопрос о месте и ритуале похорон президента. В самый разгар обсуждения перед изумленными членами парламента появился архитектор, друг Макариоса, и сообщил, что место захоронения уже готово, как и просил об этом покойный.

Есть легенда, что в этих местах когда-то была найдена икона Богородицы. Рядом с иконой, укрытой под белоснежным навесом-шатром, растет небольшое деревцо. Все оно увешано разноцветными платочками. Люди, оказывается, завязывая платки на этом дереве, загадывают желания. По поверью, они сбываются.

По пути к могиле Макариоса заалял платон и т. п.

К скромной мраморной плите над могилой Макариоса мы возложили венок с надписью: «Президенту Макариосу от делегации Союза писателей СССР».

У нас было много встреч и бесед с писателями Кипра. Союз кипрских писателей — организация совсем молодая, созданная немногим более года назад. Она насчитывает сорок человек. Все они представляют прогрессивную кипрскую литературу.

Советские писатели бывали на Кипре до нас уже не раз. Мы же явились первыми официальными гостями Союза писателей Кипра, и потому интерес к нашему приезду был особый. Встречаясь с Георгиосом Пиеридисом, Ахиллеасом Пилиотисом, Антосом Ликавгисом, Теоклисом Куялисом, Христакисом Георгиу, Лефкиосом Зафириу, в городе Лимасола — с известной романисткой Линой Соломониду, мы много говорили о деятельности наших творческих союзов, об условиях работы писателей, об издательских делах.

Георгиос Пиеридис и Ахиллеас Пилиотис не раз бывали в Советском Союзе и потому многое о нас знают не понаслышке. Для остальных же наши рассказы были своего рода откровениями. Ведь кипрские писатели не получают гонораров за свои произведения, тиражи их книг ничтожно малы, и они пишут лишь в свободное от основной работы время.

Мы договорились с кипрскими коллегами заключить соглашение о творческом сотрудничестве между нашими творческими союзами и дальнейшем обмене писательскими делегациями. К слову, на Кипре проявляется огромный интерес к нашей стране, ее истории и культуре. Сотни киприотов изучают русский язык при Советском культурном центре в Никосии. И в Лимасоле, нам нам рассказывали Васос и Ольга Пуписы, активные пропагандисты Кипро-советского общества, интерес к русскому языку не меньше.

Не могу не рассказать еще об одной любопытной встрече с представителями кипрской общественности, которая состоялась в Советском культурном центре в Никосии. Этот центр, кстати, не без гордости говорили нам его работники, является одним из лучших в мире.

На встречу в культурный центр пришло более двухсот человек. После наших рассказов о деятельности СП СССР, о том, как живут и работают советские писатели, вопросы посыпались один за другим.

Мы подробно отвечали на каждый вопрос. И встречали, нам мне кажется, полное понимание аудитории.

Каждая зарубежная поездка — приобретение новых друзей, и я счастлив, что теперь и на Кипре у меня появился хороший, добрый друг Ахиллеас Пилиотис. Я уже говорил, что он ответственный секретарь Союза кипрских писателей и генеральный секретарь Кипро-советского общества. Добавлю, что он главный редактор прогрессивного и очень популярного на Кипре журнала «Нея эпохи» («Новая эпоха»).

Мы сидим в заваленной бумагами тесной служебной комнатке Пилиотиса, пьем крепкий черный кофе, и Ахиллеас рассказывает:

— После нападения Гитлера на Советский Союз много киприоты пошли добровольцами в английскую армию. И я среди них. Служил в кипрской части. После окончания войны захотел уйти из армии и вернуться на родину, но попал под военный трибунал. Меня посадили в тюрьму в Алмазе, под Каиром. Здесь я и написал свои первые стихи. Отсидел восемь месяцев, а в 1955 году уже на Кипре, когда партия АКЭЛ находилась в подполье, я вновь угодил в тюрьму. И здесь писал стихи. Впервые мои антивоенные стихи за пределами Кипра заметили Назым Хикмет и Пабло Неруда на фестивале демократической молодежи в Варшаве. Это были стихи из книги «Прислушайтесь». Последняя моя книга в другом жанре, литературоведческая. Называется она «Теакрос Антиас — прирожденный поэт» и посвящена одному из величайших поэтов Кипра.

— «Нея эпоха» недавно отметила свое двадцатилетие, — продолжает Ахиллеас. — Прежде мы занимались преимущественно экономикой, политикой, культурой и лишь немного литературой. С 1971 года журнал стал собственно литературным. Первый его номер открывался новыми стихами Янниса Рицоса — большого нашего друга. Выходит журнал раз в два месяца. Тираж его мог бы быть большим, но мы испытываем серьезные финансовые трудности.

— А сколько сотрудников в редакции? — интересуюсь я.

— Я один, — смеется Пилиотис. — И редактор, и машинистка, и наборщик. Знаете, прежде в наших деревнях самыми универсальными людьми были парикмахеры: они даже зубы лечили. Так вот, я похож на тех самых парикмахеров!

...Мы улетаем с беспокойного и доброго Кипра, и в самолете я вспоминаю стихи Ахиллеаса Пилиотиса:

Мы обливались потом,
мы долбили землю,
Надеясь, что земля
откроет нам
Поэзии нетронутую жилу.
Не удивляйтесь, что наш
голос тих,
Мы поняли теперь,
Мы твердо знаем,
Что революция рождается
не в криках

НИКОСИЯ

СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ

Советскому читателю американский писатель Джон Херси известен как автор антивоенного романа «Возлюбивший войну». В своем последнем романе «Мое прошение о дополнительной площади», который выйдет на русском языке в издательстве «Прогресс», Дж. Херси выступает откровенным сатириком. Чтобы показать наиболее характерные черты действительности, писатель отодвигает время действия вперед, как бы рассматривая сквозь призму будущего то, что происходит в США сегодня.

Главный герой — писатель. Но он пишет... отчеты для какого-то учреждения. Почему? Оказывается, что книг давно никто не читает, да и чтобы учиться читать, необходимо получить специальное разрешение. Вся «жизнь» в описываемом городе Нью-Хэйвен, которому автор придает черты среднего американского города, строго регламентирована, и на все, даже на то, чтобы иметь детей, необходимо особое разрешение. В результате жители города все время проводят в нескончаемых очередях в «бюро прошений». Просьбы, как правило, не удовлетворяются. Из разговоров в очереди ясно, что люди давно потеряли надежду как-то изменить свое беспросветное существование, а их «прошения» — это единственная форма выражения своего «я», своеобразное свидетельство того, что они еще живы. В этой гнетущей атмосфере полной нивелировки личности, которую Дж. Херси изображает в форме литературного гротеска, главный герой, Сэм Пойнтер, выступает носителем гуманистической морали. Его «прошение о дополнительной площади» означает стремление добиться права на уважение человеческого достоинства. В финале книги он, подобно всем остальным, получает отказ: безликое «окно» считает его просьбу «необоснованной» и обвиняет в «подстрекательстве» и беспорядках.

Так объективно роман Дж. Херси показывает читателю, какова на самом деле «свобода» личности в «высокоорганизованном» капиталистическом обществе, которое противостоит любым проявлениям человечности. Мы публикуем отрывок из последней главы романа, где герой сталкивается с «окном прошений», символизирующим враждебные человеку силы буржуазного общества.

Джон ХЕРСИ
(США)

ОН ЛЮБИЛ ГАРДИ...

СПРАВА свободное окно. Меня подгоняет страх, что кто-то, взявшись ниоткуда, юркнет на свободное место прежде меня. На бегу соображаю: это то самое окошко, от которого уводили кричавшего. Плевать! Когда я столько прождал! И вот я перед решеткой и стеклом.

Сейчас нужно все свое существо заострить, как лазерный луч, на мольбе, и так некстати, что я отвлекаюсь, — это может мне дорого обойтись.

— Имя?

По стеклу ходят радужные переливы, но это не помеха воображению. Кто сидит за этим муаровым квадратом, гномик? Губы ниточкой, жидкие волосы, высокий лоб, в тонкой оправе очки? Тельце кузнечика, вмещающее немыслимую силу отрицания?

— Имя.

Определенно что-то механическое есть в голосе: напор, собранность. И тут моя отсутствующая голова уясняет, что это голос из моего окна! Я спохватываюсь и отвечаю:

— Сэмюэл Д. Пойнтер.
— «Д» раскройте.
— Дохлый.
— Здесь не бюро смеха.
— Простите. Перестоял. «Д» — это Дэвид.

Мысленно я всегда добавляю: который убил Голиафа.

— Адрес.
— 524, Уитни-авеню. Блок Мэринсона. Четвертый вход.
— Возраст.
— Скоро тридцать восемь
— Вам тридцать семь?
— Тридцать семь.
— Давайте точные ответы.
— Это точный ответ. Через пару недель мой день рождения.

Не туда меня заносит. Я же сюда пришел не блох бить, а сделать ответственное заявление.

Надоконное панно изображает увитую лентами гирлянду из листьев плюща и остролиста — искуснейшая работа на красном дереве. Подняв глаза, чтобы немного собраться, я воображаю, как мозолистые руки берут деревянный молоток и долото и вырезают эти листья. Любил тот резчик свою работу или сатанел от ее монотонности? Все шестнадцать окон щеголяют собственной гирляндой, да еще выше такие же панно, из видно от турникетов. Лист, еще лист, то остролист, и месяц за месяцем бесконечная листва — как тут не умереть от скуки? Прожилки забила многолетняя пыль. Время и безразлично точат хрупкие листья. Кому сейчас дело до терпеливого мастера?

Кого и когда озаботит, сколько у меня площади? Кто и когда задумается, любил ли свою работу автор ведомственных отчетов?

Я знаю, что вопрос уже задан или, если угодно, мне предложено сделать заявление. Выдуманный мною человечек-гном желает знать, в чем состоит мое прошение. Карандашом мои мысли, звучит распоряжение: «Объявите ваше прошение».

А что, в самом деле, если переменить прошение, спросить такую чепуху, в какой нельзя отказать? Толку без пользы просить о том, в чем я нуждаюсь и чего хочу больше всего на свете. Но тогда они, чего доброго, решат, что я пришел глумиться над ними. Увы, они могут оказаться правы.

Голос бесстрастно уведомляет:

— Вы крадете чужое время.
— Я хочу сначала немного сказать о себе. Я писатель...
— Какого ведомства? Объявите ваше прошение.

Бывает такая настырность — вот как сейчас, к примеру, — которая вооружает меня своей противоположностью: я начинаю уходить от прямого ответа. Когда кто-нибудь медноголобый намеревается взять меня измором, я делаюсь увертливым. Бесполезно сейчас напоминать себе, что не они ко мне, а я пришел к ним с нуждой.

— Действительно, в настоящее время я всего-навсего пишу ведомственные отчеты. Но суть не в этом...

— Не беритесь решать, в чем суть. И в чем ее нет.

— Суть, если позволите, в том, что положение может перемениться.

На моем веку все переменилось — с этим-то и трудно примириться. Из самого раннего детства: как-то после бурана отец нанял в Бетани запряженные сани, и этим ходом мы тронулись из Нью-Хейвена в обратный путь: в ту пору еще не окончательно вывелся индивидуальный транспорт. Но лошади уже стали диковинной редкостью, а сани превратились в доходный аттракцион «под стерлинг». Помню это ощущение счастья: я притулился возле матери под меховой полостью, перед глазами взмахивает лоснящийся каурый круп, скрипят полозья по снегу. Весь неблизкий путь мы оставались втроем, не считая возницы, и только наши голоса тревожили девственную тишину. Сейчас Бетани от заставы до заставы залит бетоном и асфальтом...

При всем том можно сказать, что по существу ничего не переменилось. Всего стало больше — и только. И трудно примириться как оаз с тем, что, меняясь, ничего не меняется.

— Нет такого закона, что я обязан ясю жизнь писать ведомственные отчеты. Я...

— Если вы с прошением о перемене работы...

— Нет, я не с этим. Чтобы разобраться с моим прошением, вам нужно знать мечи. Я родился...

— Уже знаю: Пойнтер, Сэмюэл Дэвид, Нью-хейвенский родильный дом, кесарево сечение — и так далее, и так далее.

Отлично представляю себя в виде перфокарты: под рукой у этого чинуши экран дисплея, где весь я уложен в жесткую блок-схему.

— Полной картины вы все равно не имеете, — настаиваю я. — Только два слова о моей матери и ее доброте. Понимаете, ее доброта была ненавязчива — ничего показного, ничего для себя. А ведь я многое взял от нее. Так вот, мы жили еще в отдельной комнате на Хау-стрит, и однажды пришел слесарь — в плите сгорел...

— Объявите ваше прошение.

Звучащий не одной ноте голос действует остужающе. Он снова и снова твердит свое без тени раздражения, бесстрастно.

— В своде законов записано, что ваше бюро обязано беспристрастно выслушать любое прошение. Не думаю, что...

— Бюро беспристрастно и выслушает его.

— Но послушайте! Я же не могу договорить ни одного...

— Объявите ваше прошение.

— Я прошу, — будь что будет! — о дополнительной площади.

Здание не рухнуло.

Голос спрашивает:

— Какого рода площадь? Для чего?

Таких вопросов я не ожидал. Я ожидал другого: почему? Почему — вам? Какие у вас преимущества перед соседом?

Я выдавливаю полный ответ:

— Площадь в спальном зале.

— Для какой цели?

В свое время я несколько месяцев занимался дыхательными упражнениями. Сейчас уже не помню, какая теория стояла за этим заглатыванием воздуха. Без четверорукого йоги, конечно, не обошлось. Фаза здоровья: ощущение всего тела, душевный покой...

— С какой целью? Чтобы дышать полной грудью.

— Вы не дышите на своей площадке? В Мэринсона, четвертый вход?

Так, я чувствую сарказм в голосе. Мэринсон тем и известен в Нью-Хейвене, что там сносная жизнь. Голос по-прежнему бесцветен, но я слышу насмешку и перешагиваю через невидимый порог. Интервью переносится в другие стены. Кажется, я уясняю суть этого испытания. Нужно учитывать решительно все, что я слышу вокруг. Нельзя выходить из терпения, роптать, суетиться и плакать. Может статься, мое прошение — единственно важное из всех, что слышали эти окна.

— Болезнь отца, — говорю я, — я помню ребенком, потом юношей. Я помногу оставался с ним наедине. Его выдержке и мужеству питали меня. Обладай он способностью к обобщениям, он бы стал философом.

— Паркинсонизм, — видимо, взглянув на экран дисплея, отзывается голос, — последствие paralysis agitans...

И снова за его словами я слышу: мы уже располагаем этой информацией, для нас это не новость, а вам следует иметь в виду, что наше бесконечное терпение в определенных случаях может лопнуть.

— Именно, — говорю я, осваивая новую манеру вести разговор — то ли по-дружески доверительно, то ли снисходительно, как с малым ребенком. — У него дрожали руки, коленки при ходьбе подгибались, он шаркал ногами. Вдумайтесь: это мой отец, а ведь предполагается, что на отца хочется быть похожим.

— Какое это имеет отношение к площади?

— Он знал, по-моему, наизусть всего Вордсворта.

— Вынужден напомнить: на прошение отводится определенное время.

Все, что исходит из-за стекла, преследует одну цель: вывить из колеи. Я чувствую, что решимость сохранить спокойствие — само по себе беспокойное чувство.

— Вы меня слушаете? — спрашиваю я.

— С некоторым трудом — Мне дают понять, что даже чиновник имеет право сказать резкость.

— Постарайтесь меня понять. Еще он любил Гарди — поэзию Гарди, не прозу. Странная, я думал, пара: Вордсворт и Гарди.

— Вам не жаль собственного времени.

— Отец жил просторно. Болезнь стремилась сломить его, но он был сильный человек и смог сделать свою жизнь просторной.

— Вот и вы сделайте свою просторной!

Он слушает! Он ухватился за мои слова! Может, оно не такое уж непробиваемое, это бюро?

— Это было четверть века назад. Тогда было из чего выкраивать. Сейчас все другое.

— Все площадки в спальном зале Мэринсона одинаковы.

Он хорошо переключился. Вот мы и подошли к неизбежному. С какой стати мне требуется больше площади, чем соседу?

— Вы ошибаетесь. Площадки бывают трех категорий. Иначе говоря, для одиноких, женатых и женатых с ребенком.

Пауза. Легко догадаться, что бюро не в восторге, когда его сбивают мелочами: это привилегия самого бюро.

Окно спрашивает:

— Почему вы живете на площадке для одиноких?

Когда противник делает ход конем, учил отец, умей отвлечься от непосредственной угрозы и жди беды от последствий — от слона на том краю доски, от ладьи в зубчатой короне, от скромницы-пешки, заслонившей ферзя.

Можно ответить так: потому что мы с женой расстались. Они, конечно, не упустят случая напомнить мне об обязанностях перед дочерью. Решаю не торопить событий, обеспечить себе возможность маневрировать и говорю:

— Потому что в метрической книге на Апельсиновой улице я записан как холостяк.

— А между тем четырнадцать лет назад вы подали не много ни мало шестнадцать неверно составленных ходатайств о разрешении иметь ребенка.

— Семнадцатое сочли правильно составленным.

— А! — восклицает голос. — В ноябре и декабре прошлого года и в январе нынешнего... — И смолкает, чтобы потомить меня ожиданием. — ...а в январе нынешнего ваши ежемесячные отчеты запоздали и компьютер выдал вам предупреждение.

Меня выкручивает ярость. Я сопротивляюсь ей, как мой отец сопротивлялся болезни Паркинсона, и если у него от напряжения дрожали руки, то у меня дрожит голос.

— Мои отчеты, как вы заметили, задерживались трижды — впрочем, были и еще случаи, — потому что я хотел, чтобы они кому-нибудь попались на глаза. Прежде я рассчитывал привлечь к ним внимание, придавая им изящество — в том смысле, в каком математики понимают изящество формулы. Мне кажется, я отчасти преуспел в этом. Но все напрасно, все впустую. По-моему, их никто не читает. И тогда я решил подавать их с опозданием. Если делать это несколько месяцев подряд, то, может статься, не один компьютер, в какой-нибудь живая душа заинтересуется, прочтет...

— Вы вредили этим вашему учреждению.

Мне бы хоть краем глаза увидеть тщедушную фигурку за стеклом! Струящее янтарный свет тусклое стекло глушит важнейшее из наших чувств, которое прежде всех других определяет пространство, делает реальными губы, грудь, ноги, дает силу литературе. Это чувство направляет искания человека, поскольку мы заглядываем в чужие глаза, чтобы поймать увертливую истину, зачастую оболганную в словах. И этот вот поиск истины окно пресекает. Власть тем и бесит сильнее всего, что прячет глаза.

— Вы сообщили другим, что собираетесь подать прошения о дополнительной площади?

Во мне вскипает раздражение. Кому какое дело до терпеливого резчика? Кому какое дело до того, что я пишу в своих отчетах? И какое подавал прошение? И могу я дышать полной грудью или не могу? От волнения я говорю хриплым голосом.

— Все между собой переговариваются. Времени, знаете ли, достаточно, чтобы разговориться.

— В таком случае. — в голосе снова звучит убежденность — несомненно, в ответ на мою вспышку, — в таком случае вы подстрекали. А вам известно, какое полагается наказание за подстрекательство?..

Перевел с английского В. ХАРИТОНОВ

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»-80

И СНОВА ДЖЕЙМС БОНД...

Джеймс Бонд, агент 007, творение английского писателя Иэна Флеминга, живуч. После снятого два года назад «космического» фильме «Муннрейкер» он вскоре предстанет перед зрителями в двух новых картинах—«Только для твоих глаз» и «Боеголовка». Их, сообщает «Таймс», одновременно начинает снимать кинокомпания «Юнайтед артистс».

За последние десятилетия, уже после смерти Флеминга, агент 007 возникал в Париже и Лондоне, в Риме и Лас-Вегасе, и всюду он выслеживал, настигал и убивал своих противников. «Лицензия на право убивать, — говорил о своем герое Флеминг, — великая честь для агента британской секретной службы. С тех пор как Бонд получил это право, его радовали опасные поручения». А писатель Кингсли Эмис, объявивший себя поклонником Бонда и многочисленных экранизаций романов Флеминга, писал: «По моим подсчетам, Бонд расстрелял, задушил, заколол, помог отбыть через открытый иллюминатор самолета, летевшего на высоте в несколько километров, или каким-либо иным способом отправил на тот свет тридцать восемь своих врагов. Но это не все: около 70 человек взлетели на воздух, заживо сгорели или были обглодены пираньями...»

Не сей раз возвращение на экраны Флемингговского супермена сопровождается особой помпой. Би-би-си недавно посвятила передачу на русском языке Флемингу, Бонду и предстоящим съемкам новых лент «бондианы». Лондонская «Таймс» печатает большую статью о Джеймсе Бонде.

Творчество Флеминге было порождением «холодной войны». Его романы «Из России с любовью», «Голдфингер», «Доктор Нов и другие, как и из экранизации, насквозь проникнуты духом антисоветизма. Враги Бонда всегда «красные» и их союзники. До сих пор были сняты одиннадцать лент, затрачено свыше 500 миллионов фунтов стерлингов, и в каждой из них — будь то на Земле или в космосе, — Бонд сражается все с теми же противниками. А для того, чтобы идти в ногу с временем, создатели этих фильмов, проповедующих власть суперменов, насилие, садизм, сочетающийся с сексом, переносят действие с Земли в межпланетное пространство. «Таймс» пишет, что «Только для твоих глаз», как и «Муннрейкер», — космическая эпопея, а «Боеголовка» — лента о ядерной войне.

И совершенно очевидно, что создание очередных вариантов приключений Джеймса Бонде связано со стремлением реакционных кругов Запада возродить дух «холодной войны». Обозреватель Би-би-си и автор статьи в «Таймс» подмечают одну весьма характерную особенность тех изменений, которые претерпевает образ Бонде. Поначалу супершпион Бонд действовал в интересах британских империалистов — убивал и побеждал ради них. Таким он представал на экранах в шестидесятые годы. Но в семидесятые годы, пишет «Таймс», «сверкающий Лондон ушел навсегда. Создалось ощущение, что интересы Англии — это уже не интересы всего мира (капиталистического мира. — А. Б.). Более важным и значительным стало то, что происходит по другую сторону Атлантики».

И в лентах «Драгоценности навек» и «Живи и дай умереть» агент 007 действует уже в союзе с ЦРУ в интересах американских хозяев.

Первый фильм «бондианы» «Доктор Но» был показан зрителям восемнадцать лет назад; он задал тон антисоветским похождениям агента 007. И лишь один раз Джеймс Бонд пережил удивительное превращение. В 1977 году на экраны вышла лента «Шпион, который меня любил». Бонд здесь сотрудничает не с ЦРУ, а с «русским агентом», которую почему-то зовут немецким именем Барбара Кох. Естественно, она стала любовницей супермена и они вместе расстраивают козни неких злодеев, готовых взорвать всю планету. Эта неуклюжая киноподелка была призвана замаскировать антисоветизм агента 007. Зрители не хотели в пору разрядки читать и смотреть «боевики» о «красной опасности». И предприимчивые кинодельцы попытались пойти в «ногу с временем». Даже буржуазная кинокритика высмеяла эту бездарную ленту.

А какова же «художественная ценность» образа Бонда? «Классическим» исполнителем флемингговского героя был Шон Коннери — суровый, беспощадный и всесильный. Последний раз он снялся в картине «Живешь только дважды». В «Муннрейкере» его заменил Роджер Мур. Теперь в двух новых фильмах снимутся оба актера: Коннери в «Только для твоих глаз», а в «Боеголовке» — Мур. «Создатели новых фильмов, — пишет «Таймс», — превратили кровожадного агента 007 в выхолощенную марионетку, в манекен, двигающийся словно не шарнирах».

Западным кинозрителям предстоит проглотить еще одну порцию киноотравы. Ибо каким бы превращениям ни подвергали Бонда дельцы шоу-бизнеса, Флеминг остается апологетом господства силы, а антикультура, породившая агента 007, остается антикультурой.

А. БЕЛЬСКАЯ

ИЗ БЛОКНОТА РЕПОРТЕРА

Ирина КМИТ

ЖУРНАЛИСТ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

18.IX

Конечно, дело это не из легких — так сразу, без профессиональной подготовки, встать за прилавок рыбного отдела большого «Гастронома»! Но выбора у меня нет. В плане стоит очерк на тысячу с лишним строк под рубрикой «Журналист меняет профессию». В редакции долго мучались, решая, кого подвинуть на изучение изнутри жизни тружеников прилавка. Наконец все единодушно подвинули меня. Главный сказал, что, по его мнению, у меня самая подходящая на сей случай внешность. Я тогда еще на минуту задумалась — обижаться или отнести это замечание на счет мужской некомпетентности в вопросе торговли вообще и представления о продавщицах в частности.
19.IX.

Итак, я по другую сторону прилавка! Жадно впитываю информацию. Словарь пополняется множеством новых слов. Удалось определить значения некоторых из них. Оказалось, что в большинстве случаев это совсем не то, что я подумала. Так, в частности, «бельдюга» и «присыпома» — названия промысловых рыб. Еще днем, в обеденный перерыв, в подсобке что-то подобное настойчиво повторялось в разговоре грузчиков. По всей видимости, речь шла о сегодняшнем ассортименте, так что я совершенно напрасно краснела и делала вид, что не слышу.
29.IX.

Кое-как осваиваюсь. От мороженого хека немеют пальцы. Вхожу в коллектив. Все силы положены на овладение техникой и профессиональными навыками.
9.X

Сегодня на вопрос из очереди: «Что лучше делать со спинкой минтая, варить или жарить?». — замешкавшись лишь на мгновение, ответила: «Почесывать ее лучше, спинку!» Прочитала во взгляде коллег восхищение. А вообще народ нагличает. Лезут с вопросами. Сколько стоит да как называется?.. Глаз, что ли, нет!
19.X.

Целый день торговала кальмаром свежезамороженным. Все хватают, для чего — сами не знают. Одна, в лисьей шапке, говорит: «Взвесьте мне, пожалуйста, полкило вот этой рыбки». Рыбки! Так бы и хряснула ей этим кальмаром!
29.X

Вот интересно, вот что это я все бумагу мараю, а? С работы притащишься, ноги гудят, глаза на лбу, язык на плече — и чего-то еще пишу! Чего-то в памяти вертится, а чего — в толк не возьму. Ладно! Шут с ним! Не забыть бы. Нинка из «Галантереи» напротив просила трески оставить. У нее на неделе какие-то ахровые сумки ожидаются.
9.XI

Под закрытие тип один такой нахальный попался. Поговорить ему, видишь ли, со мной нужно. А кому ж я в зале со мной поговорить не нужно?! Во дает! Шуганула, как миленького. Очередь его подошла, стал бормотать что-то про какие-то гранки и полосы... Ну тут я и вспомнила, где его видела. Главный это Живенько обрезала. Испугался, притих. Ну, я ему тогда и шепнула, чтоб во вторник приходил и редакционных чтоб присылал чего уж там! Во вторник баночную сельдь завезут. Только чтоб газет с собой захватили, а то у нас тут с бумагой туго...

ДИСЦИПЛИНАРИЙ «КЛУБА ДС» Л. ПЛОТНИКОВА

Письмо начальнику

Василию Петровичу

Вчера вы предложили мне написать заявление об уходе с работы. Я подумала и решила, что для меня будет лучше, если напишу вам письмо.

Имея расплывчатое представление о моей индивидуальности, вы обвиняете меня в нарушении трудовой дисциплины.

Спешу вас в известность: у меня есть правила в жизни. Твердые. И будет очень хорошо, если вы с ними начнете считаться.

Просыпаюсь я на час раньше, чем увижу десятый сон. А если не досмотрю, то придется сеанс продолжить на работе, что может вызвать у сотрудников нежелательное чувство зависти.

После тщательного просмотра многосерийки у меня остается только полчаса. А учитывая то, что я на работу хожу, как на праздник, получается, что этого времени едва хватает на то, чтобы одеться соответственно. Таким образом, на дорогу у меня времени не остается. Но я все равно не бегу сломя голову. Это не в моих интересах. Ибо, сэкономив минуты, я могу потерять жизнь. Мало того, я сознательно не считаюсь со временем и иду на работу не спеша, чтобы не упасть на ровном месте. Не получить травму. Потому что лучше прийти на работу немного позже, чем не приходить месяц. Одновременно я дышу. Не сверху — глубоко, чтобы запастись достаточным количеством кислорода для компенсации никотина, употребляемого во время систематического приема духовной пищи.

Вы пришли к ошибочному мнению, что я сознательно растягиваю обеденный перерыв. Смею заметить, что ваши предшественники Илья и Петров сказали, что тщательно пережевывать пищу — это все, что я могу дать обществу.

Учитывая вышеизложенное, предлагаю вам махнуть на меня рукой. И оставить все, как было.

С ярко выраженным интересом к тому, поймете ли вы меня правильно.

К. ТРИТАТУЙКИН

Римма КАЗАКОВА

Равноправие

Равноправие, куда ты привело нас!
Та, которая нежна, хрупка, тонка,
нынче — в космос, на стройка, у станка...
В тихом голоса — мужская непреклонность.

Равноправие, ты — знамя, символ века
поездов, безумной дерзости, машин...
Стали женщину считать за человека —
и во всем сравнялся с пламенем мужчин.

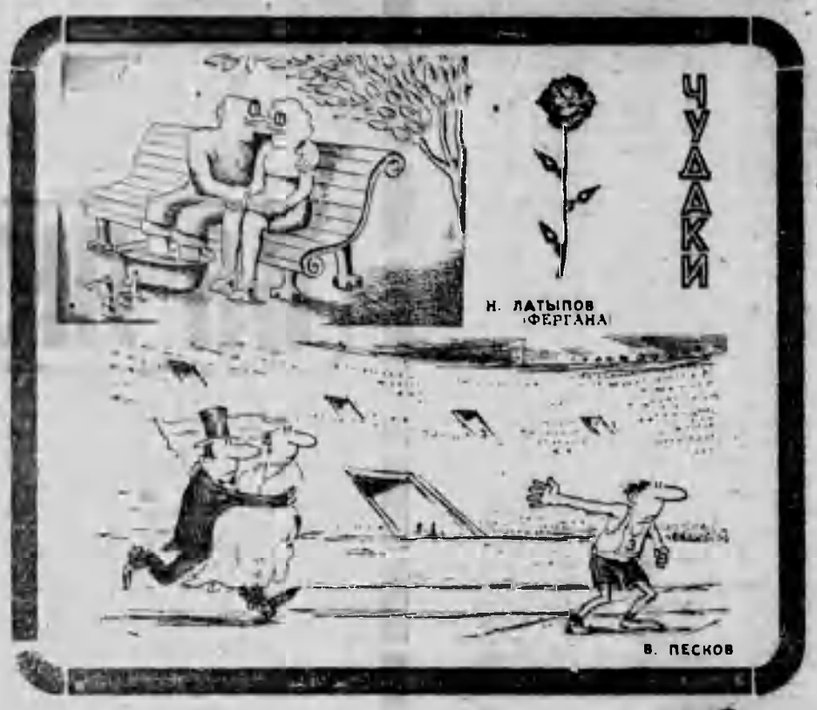
Косы, робость... Это — прошлого отрыжка.
Равноправие, гавришь ты чудеса!
У девчат теперь — мальчишеская стрижка,
у парней — как у русалок волоса...

Равноправие! И в очереди чинной,
где одни мужчины, встану за мужчиной.
Никаких мне уступок не нужны!
Да они и не уступят: мы равны!

И мужская силе мне не застит солнца:
с ней еще сильнее чувствую свою.
Мы с товарищам в автобусе трясемся.
Он не собственник. Сидит он. Я стою.

Старомодной быть — напрасные старанья!
Век, сдаюсь я твоему календарю.
И плачу я за мужчину в ресторане,
Только вот еще цветочков не дарю...

На судьбу мне обижаться нет причины.
Но хоть все мне, как мужчине, по плечу,
чтоб хоть чем-то отличаться от мужчины,
брюк носить я, извините, не хочу!



ПРОШУ...

Администрация «Клуба ДС» питает заботливую и бескорыстную нежность к прекрасному полу, памятуя, что женщины — это окружающая нас среда и что женщину красят даже тени. И несмотря на то, что дела сердечные со временем переходят в сердечно-сосудистые, администрация тем не менее не изменяет давним привязанностям. Лучшим доказательством такого хорошего отношения к женщинам и девушкам служит тот факт, что сегодня, за три дня до 8 Марта, администрация предоставила всю свою жилплощадь нашим сатиресам и юморесам. Ибо, как тонко подметила единственная в администрации представительница слабого пола, толковая женщина даже из обезьяны может сделать человека.

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ «КЛУБА ДС» Ольга ЗЛОТНИК

ВЫ ДАЛЕКО ПОЙДЕТЕ...

НАШ МАСТЕР курса (подпольная кличка баба Лиза) после защиты каждому сказала, что она про него думает. «Вы далеко пойдете, Катенька, способности у вас есть — сказала она мне. — Только больше злости, деточка, а то вы какая-то неприспособленная».

Меня распределили в Управление кинофикации в качестве киноведа. На следующий день меня вызвал директор методкабинета.

— Вы замужем? — хмуро спросил он.

— Нет, — поспешно ответила я, чувствуя, что вопрос задан неспроста.

— Вот вы институт закончили, а знаете ли, что в нашем деле главное? — продолжал он уже совсем другим тоном. — Не знаете. Так вот: сейчас как раз противопожарный семинар в Вологде.

— Ладно, — вздохнула я, вспомнив слова бабы Лизы. — Мне бы...

— Конечно, конечно, потом отгулы дадим.

Когда я вернулась с семинара, меня опять вызвал директор:

— Ну как, отгулы сейчас возьмете или когда из пионерлагеря приедете?

— Какой пионерлагерь? — поперхнулась я.

— Вот вы институт закончили, а не знаете... — начал он опять издалека. — Киноведы нам сейчас не очень нужны. У нас с пионерлагерем прорыв.

— Ладно, — вздохнула я опять, а сама думаю: права баба Лиза: нет у меня чего-то жизненно необходимого.

Из лагеря я приехала отдохнувшая. И наконец приступила к своим прямым обязанностям.

Через неделю опять вызывают к директору.

— Надо подсобить в «Звездном зале». Ты как киновед знаешь без буфета кинотеатр работать не может. План горит. А послать некого. Серебрякова с детьми сидит. Семенова в декрет ушла, а Иванова уже на пенсию собирается. Ты одна у нас человек сознательный, и образование опять же. Сидать умеешь?

Поработала я в кинотеатре «Звездном зале» день, другой и осталась в буфете. Никто не дергает, не перемешает. А во время сеансов и сосредоточиться можно. Сценарии писать начала, печататься в прессе.

Через полгода вызывает меня директор.

— Статейки пописываешь, сценариями балуешься, нехорошо-с. Ну, ладно, ладно, простим. Я вот про что. Наш заместитель с вязким другом. Ты это знаешь. Так вот, решили послать тебя по обмену. Поработаешь там за буфетами первичный Сервис, сама знаешь, сейчас первое дело.

— Я так и знала, вы не пропадете. Я никогда не ошибаюсь, — с горьким юмором баба Лиза бросилась ко мне и одном из фестивальных кинотеатров Риги. — А как со злостью, Катенька, я имею в виду профессиональную злость? Злость — это ох прекрасно!

«А в ней так и говорю:

— Частно говоря, злости не хватает. Опять мне бутерброды с сыром нарезали. А я им говорю — ветчина идет лучше. По опыту знаю.

Инна ГАМАЗКОВА

Я ВСЕ ПОНИМАЮ

ОНА ПОРАВНЯЛАСЬ со мной, и вдруг я услышал: «Рядом!»

Я пошел.

Она протянула мне сумочку и приказала «Неси!»

Я понес.

По дороге Она заглянула в магазин. Давали розовые кофточки и зеленый горошек, и Она скомандовала: «Взять!»

Я взял.

Она зашла к подруге и говорила с ней два часа. Мне было скучно, но Она сказала «Сидеть!»

Я сидел.

Вот и вся история. С тех пор мы всегда вместе.

Утром Она говорит «Служи!» Я одеваюсь и иду на работу.

Она дает мне понюхать пробку от духов или баночку из-под крема и приказывает «Пиши!»

Я пишу.

Конечно, бывало по всякому. Так вот посидишь, подумаешь: «А почему, собственно?..» Два раза из дому уходил. Но тут раздавалась команда: «Место!», и я возвращался.

Иной раз намотаешься, набегаешься по городу, высунув язык, устанешь, как... не знаю кто, в пору завыть!

Тогда Она гладит меня по голове и ласково приговаривает: «Ну что ты, что ты? Умница, хороший, хороший... Ты же все понимаешь!»

Я смотрю на нее грустными, преданными глазами, а сам и правда все-все понимаю... Только сказать не могу...

● БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Делая предложение своей будущей жене, Козьма Плетнев пообещал ей в случае положительного ответа достать звезду. Свое обещание любящий муж перевыполнил: каждый день он приносит в дом от трех до пяти звездочек.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

Специальный самарский выпуск

● СУПРУЖЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ

После года совместной жизни со своей женой Верой Архип Криворучко не может смотреть на других женщин без содрогания.

СТИХОДРОМ «КЛУБА ДС»

Людмила ЩИПАХИНА

Женщинам

Ах, что вы делаете, женщины,
И по каким таким причинам
Самоотверженно и жертвенно
Вы угождаете мужчинам!

Зачем от них вы так зависите!
Зачем вы им на шею виснете!
Зачем обиды им прощаете
И все на свете упрощаете!

Мне ваша доброта не нравится!
Она — как ноша на горбу,
И ваше вечное неравенство,
Не перешедшее в борьбу...

Опомнитесь скорей, опомнитесь!
И так потерь великих
бегите от уютов комнатных
И магазинных волокит!

Я предрекаю вам заранее:
Придет к непризнанным — признание!

Мужайтесь, женщины! Мужайтесь!
Себя свободой окружайте!
Решайте! Ведь еще не поздно,
Ведь мир — не домик из слюды.

О женщины, хватайте звезды
И перепутайте следы!
И совершенством поражайте,
И смейтесь! И детей рожайте!

...Но только — упаси вас боже! —
бездарно вылезать из кожи,
В глаза заглядывать мужчинам,
Как самым крупным величинам.

Галина ОСИНИНА

Проблемы

Проблемы. Проблемы. Жужжит надо мной
Изрядных проблем надоедливый рой.
Локальных. Глобальных. Не пью и не ем.
И некуда деться от всяких проблем.

Проблемы-драконы зловеще кружат.
Они изрыгают и пламень, и смрад.
Толчется домашних проблем мошкара —
Героически от них отбиваюсь с утра.

Но верю: наступит, наступит пора.
Не будет кружить надо мной мошкара.
И, как птеродактиль далеких времен,
Умрет, изменясь, последний дракон.

Кругом расцветут васильки, резеда.
Синей станет небо, прозрачнее вода.
Улягусь тишиной... И с сачком побегу
Проблемку ловить на зеленом лугу.

Т. АЛЕКСАНДРОВА, Л. МАКАРОВА СКАЗКИ «КЛУБА ДС»

ЧЕГО ТЕБЕ НАДОБНО, РЫБКА?

ЗОЛОТАЯ Рыбка с детства знала, что она золотая. И хотя родители не запрещали ей водиться с Карасями и Плотвичками и плавать на детские утренники Селедок, ей и самой было ясно — не там ее место, не с теми. Будучи натурой романтической, она мечтала... приносить людям счастье. Грезилось ей, как однажды обезумевший от несчастной любви юноша уединится неподалеку со своей удочкой, а она — Золотая Рыбка — попадется (сознательно) ему на крючок и исполнит три его желания. Прежде всего, конечно, она соединит его с любимой. «Ну, а если мне это вдруг не удастся, — думала Золотая Рыбка, — тогда я сама обращусь прекрасной девой и утешу юного незнакомца!»

В таких мечтах проходила Рыбкина жизнь, но вот однажды, когда сеть раскачивалась, как огромные водоросли, притягивая, маня в себя возможностью познать неизведанное, Золотая Рыбка наконец решилась. «Стой! — закричал ничтожный Карасик, безнадежно влюбленный в нее, — стой, опомнись, они изжарят тебя!!!» Но Золотая Рыбка надменно подумала: «Презренный, ему ли понять меня!» — и, даже не оглянувшись, бросилась в сеть.

Браконьер Сидорыч, заслышав шум рыбнадзоровской моторки, стал поспешно вытаскивать сеть. Сеть была пуста, не сразу заметил он Золотую Рыбку, нежно трепетавшую в серебряных путах, предвкушая великие свершения. Браконьер грубо схватил ее заскорузлыми ручищами и швырнул на дно лодки.

«Боже мой! — вскричала Золотая Рыбка. — Что вы делаете, ведь я же золотая!» — «Да заткнись ты! Не до тебя здесь...» И, лихорадочно заводя мотор, Сидорыч, поскользнувшись, наступил нечаянно на Рыбку.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

Виктория ТУБЕЛЬСКАЯ

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

ПРАВДА, у меня неплохая фигура! А цвет лица! А юный блеск глаз! Это все потому, что я соблюдаю диету в сочетании с закаливанием.

По диете полагается натощак, до завтрака, гулять для бодрости и приобретения тонуса босиком по снегу. Я не внесла «как лучше»: оставить тапочки в подъезде или взять с собой на улицу. Решила взять с собой — все-таки спокойнее.

Сделав круг по двору, я приступила непосредственно к диете: выпила стакан взвара из сорванного на рассвете болотного хвоща и съела ложку сена.

В инструкции говорилось, что можно и совсем не завтракать: утром организм и так полон сил. Плотный завтрак надо активно переваривать.

«Вот сегодня я наконец поработаю, — предвкушала я, — расправлюсь со всеми долгами, кото-

рые накопились из-за активного переваривания».

Но мне все время мешали. Я как-то раньше не обращала внимания, но теперь меня раздражало это бесконечное питье чая. Все отвратительно хрустели печеньем, омерзительно жевали конфеты, плотоядно сдирали кожу с апельсинов.

— Что это у вас такой гоустный вид? — то и дело обращался ко мне кто-нибудь из этой компании самоубийц, перекусывавших между завтраком и обедом.

Обычно я в столовую не ходила и питалась вреднейшими бутербродами и кофе, но сегодня, по инструкции, мне полагались на обед тушеные овощи.

К моему удивлению, их в меню не оказалось.

— Тогда печеную картошку, — сказала я.

— Проходите, проходите, нечего очередь задерживать, — сделала мне замечание девушка, разливавшая суп. — Некогда тут шутить!

И я прошла. Я ничего не взяла. Кругом самоубийцы поедали мясо с пюре и безмятежно смеялись. Мой начальник тоже ел. Может быть, если я спасу его от гибели, он станет лучше ко мне относиться?

— Приятного аппетита, — улыбнулась я. — Хочу предупредить вас об опасности.

— Зайдите ко мне после перерыва.

— После перерыва будет уже поздно.

Он помрачнел:

— Ну, говори. Пучкина, только тише. Опять эти, из треста?

— Нет, все гораздо хуже. Не ешьте, не ешьте картошку вместе с мясом, заклинаю вас, только отдельно, понимаете?

Я, наверно, была очень взволнована. Начальник поплыл у меня перед глазами. Пришла в себя только у нас в отделе, и меня отпустили домой. Там в поужинала — кусочек сыра, завернутый в капустный лист, — и мне пришла в голову мысль, которая при активном переваривании после сытного ужина меня бы никогда не посетила. Дилетантизм несовместим с НТР! Если я буду работать, у меня не останется времени на то, что на закаливание, но даже на натирания тыквы на теоке. А мне так хотелось иметь хорошую фигуру и вечную молодость!

Я бросила работу. Теперь сижу на диете профессионально. У меня уже большая группа учеников, которые худеют под моим наблюдением.

Праздничный выпуск «Клуба ДС» оформил почитатель женщин художник М. ЗЛАТКОВСКИЙ

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва, Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 200-23-63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАЛЧАХОВ.

А — 03340 Типография «Литературной газеты»: Москва К-9, Цветной бульвар, 30 Зак. 253 ИНДЕКС 50067